МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2013 **№ 1(1)**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СУДОУСТРОЙСТВО
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС-77 54545
от 21 июня 2013 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И., д-р юрид. наук, доц.; **Ахмедшин Р.Л.,** д-р юрид. наук, проф.; **Ведерников Н.Т.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Воронин О.В.,** канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); **Голик Ю.В.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Головко Л.В.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Гришко А.Я.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Деришев Ю.В.,** д-р юрид. наук, проф. (Омск); **Елисеев С.А.,** д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); **Казаков В.В.,** д-р экон. наук, проф. (заместитель председателя редколлегии); **Зникин В.К.,** д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); **Николюк В.В.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Прозументов Л.М.,** д-р юрид. наук, проф.; **Самович Ю.В.,** д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); **Селиверстов В.И.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Свиридов М.К.,** д-р юрид. наук, проф.; **Стойко Н.Г.,** д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Уткин В.А.,** д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); **Филимонов В.Д.,** д-р юрид. наук, проф.; **Халиулин А.Г.,** д-р юрид. наук, проф. (Москва); **Черненко Т.Г.,** д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); **Шейфер С.А.,** д-р юрид. наук, проф. (Самара); **Шеслер А.В.,** д-р юрид. наук, проф.; **Якимович Ю.К.,** д-р юрид. наук, проф.

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие нового журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Адрес редакции: 634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:
http://vestnik.tsu.ru/crimjust

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:
http://www.elibrary.ru

ООО «Издательство научно-технической литературы»
634050, Томск, пл. Новособорная, 1, тел. (3822) 533-335

Редактор *Н.И. Шидловская*
Дизайн, верстка *Д.В. Фортеса*

Подписано к печати 31.05.2013. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 12,56. Уч.-изд. л. 14,06. Тираж 300 экз. Заказ № 37.

Отпечатано в типографии «М-Принт», г. Томск, пер. Добролюбова, 10, ст. 3, тел. (3822) 258-279

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Учет категоризации преступлений при построении системы наказаний 5
Карелин Д.В. О некоторых проблемах применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в связи с освобождением от уголовной ответственности 9

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреева О.И. Отдельные аспекты ограничения полномочий государства, государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства 13
Волынец К.В. Направления совершенствования системы гарантий реализации принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции 18
Дильна З.Ф. Участие прокурора в стадии исполнения судебных решений по законодательству Украины 24
Мезинов Д.А. «Объективная истина» в уголовном процессе: к дискуссии по законопроекту Следственного комитета Российской Федерации 29
Михайлов А.А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы 37
Пиюк А.В. Совершенствование института особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением 47
Трубникова Т.В. Начало беспристрастности суда в уголовном процессе РФ: пренебрежение незаслуженно 51
Шейфер С.А., Кошелева М.А. Следует ли отказываться от допустимости как необходимого свойства доказательств? 56
Якимович Ю.К. О некоторых вопросах дальнейшей дифференциации уголовного процесса России 59

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Михеенков Е.Г. Особенности реформирования пенитенциарной системы Томской губернии в конце XIX – начале XX века 65
Ольховик Н.В. Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций 70
Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России 75

КРИМИНАЛИСТИКА

Князьков А.С. Проблемные вопросы предъявления для опознания 81
Чаднова И.В. Тактический план производства проверки показаний на месте 87

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Князьков А.С. Тактические положения взаимодействия следователя и эксперта в ходе подготовки и производства судебной экспертизы 91

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. О значении координационной, профилактической и административно-юрисдикционной деятельности прокурора 96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 100

ABSTRACTS 101

ОТ РЕДАКЦИИ 108

© Уголовная юстиция, 2013

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. Accounting for the categorization of crimes in the construction of the system of punishment 5
Karelin D.V. On selected problems of coercive measures of educational influence application to minors in cases of exemption from criminal responsibility 9

CRIMINAL PROCEDURE

Andreeva O.I. Some aspects of limitation on power and authority of the state, state agencies and officials in criminal proceedings 13
Volynets K.V. Ways to improve the guarantee scheme of implementation of the reasonable time for criminal proceedings principle in the court of first instance 18
Dilna Z.F. Prosecutor's participation in the enforcement of court decisions by law of Ukraine 24
Mezinov D.A. "Objective truth" in criminal trial: on discussion of the bill of the Investigative Committee of the Russian Federation 29
Mikhailov A.A. The prosecutor's right to manage the charges in the court and its limits 37
Piyuk A.V. Institute of special order of court decision making at the consent of the person with the charges brought needs improvement 47
Trubnikova T.V. Court impartiality in RF criminal procedure: undeserved neglect 51
Sheifer S.A., Kosheleva M.A. Should we abandon admissibility as a required property of evidence? 56
Yakimovich Yu.K. On further differentiation of the criminal procedure in Russia 59

CRIMINAL AND PENAL LAW

Mikheenkov Ye.G. Features of penal system reform in Tomsk province in late 19 – early 20 centuries 65
Olkhovik N.V. Organization of penal inspectorate activities 70
Utkin V.A. Trends of alternative sanction application in Russia 75

CRIMINALISTICS

Knyazkov A.S. Topical issues of identification parade 91
Chadnova I.V. Tactical plan of on-site verification of testimony 87

FORENSIC SCIENCE

Knyazkov A.S. Tactical principles of interaction of the investigator and the expert in forensic examination preparation and execution 81

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. On significance of coordinative, preventive and administrative-jurisdictional activity of the prosecutor 96

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 100

ABSTRACTS 101

FROM THE EDITORIAL BOARD 108

© *Russian Journal of Criminal Law, 2013*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.241.2

М.Т. Валеев

УЧЕТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

Статья посвящена категоризации преступлений, ее влиянию на нормы уголовного права, регулирующие систему наказаний. Отмечаются недостатки существующей категоризации. Автор предлагает изменить подход к построению нормы ст. 15 УК РФ, сделав категоризацию преступлений трехчленной, положив в основу деления преступлений на категории типовую санкцию, включив в нее все существующие виды уголовных наказаний, а не только лишение свободы. Это позволит оценивать общественную опасность конкретного состава преступления в Особенной части УК РФ только указанием на ту или иную категорию преступления, упростит решение ряда проблем при применении замены наказания, обратной силы уголовного закона, даст возможность унифицировать оценку опасности деяний.

Ключевые слова: *категоризация преступления, система наказаний, типовая санкция, уголовное наказание.*

Построение системы наказаний является одним из ключевых вопросов в отечественной науке уголовного права. Его актуальность продиктована проблемами как методологического (отсутствие единого общепринятого подхода к содержанию понятия, расположение в порядке, не соответствующем требованию возрастания репрессивности), так и прикладного характера. К числу последних можно отнести существование заведомо «виртуальных» (неприменяемых) наказаний (арест), наказаний, не применяемых без нормативно-правового на то обоснования, а в силу «международно-правовой тенденции»[1] (смертная казнь), отсутствие должной репрессивности мер, не связанных с лишением свободы, что не позволяет им реально конкурировать с изоляцией от общества, а также действенного обеспечительного механизма их реализации, преобладание в практике «квазисанкций» и прежде всего – условного осуждения, не являющегося по его природе наказанием, и другие [1, с. 15]. Ошибки, допущенные при конструировании системы наказаний в Общей части УК РФ, вместе с законодательными решениями, не имеющими под собой ни криминологического, ни догматического основания, ведут к дефектам при конструировании санкций в Особенной части УК РФ. Среди таких последствий – конструирование санкций, не учитывающих «типовую» личность преступника, когда предусмотренные статьей Особенной части наказания фактически неприменимы к лицам, чаще всего совершающим такие деяния [2, с. 22; 3, с. 96], легальная возможность оценки правоприменителем одного и того же деяния и как преступление небольшой, и как средней тяжести, и как тяжкого, и как особо тяжкого (ч. 4 ст. 111 УК РФ) и т.д. Сравнение санкций норм Особенной части не всегда позволяет сделать однозначный вывод о сравнительной опасности деяний. Санкции ряда деяний в Особенной части УК РФ иллюстрируют непоследовательность законодателя в оценке опасности деяния разными наказаниями. Так, ст. 185.2 УК РФ («Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги»), являясь преступлением небольшой тяжести, предусматривает штраф от 300 до 500 тыс. рублей в качестве основного наказания, а ч. 2 ст. 166 УК РФ («Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»), будучи тяжким преступлением, предусматривает штраф в качестве основного наказания только до 200 тыс. рублей.

Построение подобных санкций недопустимо. Если санкции норм Особенной части позволяют сравнить одни и те же виды наказаний, то такое сравнение должно быть однозначным применительно ко всему содержанию санкции, а не только к ее части. Преодолеть существующее положение возможно более взвешенным подходом к построению системы наказаний, предполагающим максимальную их связанность с опасностью преступлений. Функцию дифференциации общественной опасности преступлений в уголовном кодексе призвана осуществлять, наряду с другими средствами, их категоризация. Санкции, которые определяет законодатель за каждое преступление, не могут избираться вне зависимости от категоризации преступлений [4, с. 199].

Прежде чем перейти к формулировке предложения по конструированию системы наказаний с учетом категоризации преступлений, отметим некоторые существующие недостатки последней. Полагаем, что данное деление преступлений на четыре категории излишне. Следуя философскому принципу «достаточного основания» (не надо множить новые сущности без надобности), должной дифференциации тяжести преступлений можно было бы достичь

[1] Терминология, используемая в Определении Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р.

и трехзвенным делением – на преступления небольшой, средней тяжести и тяжкое. Действительно, во-первых, преступления небольшой и средней тяжести в большинстве случаев в Общей части упоминаются вместе[2]. Во-вторых, они объединяют преступления с обоими формами вины. В-третьих, применительно к видам возможных к применению наказаний, кроме лишения свободы, эти категории преступлений на сегодняшний день ничем не отличаются. В-четвертых, изменения в ст. 15 УК РФ от 07.12.2011 г. «сблизили» эти категории и по срокам, повысив максимальное наказание в виде лишения свободы до трех лет для преступлений небольшой тяжести и снизив до трех лет для неосторожных преступлений средней тяжести. В-пятых, сами названия существующих категорий не отражают их сути. Сам термин «среднее» предполагает середину, равновесие, одинаковое количество по обе стороны. Между тем в четырех единицах, в отличие от трех, ни одна из них не может быть средней. Предлагаемое деление преступлений на три категории уже имело место в истории отечественного уголовного законодательства – в Уголовном Уложении 1903 г. – на тяжкие преступления, преступления и проступки. Н.Д. Сергиевский отмечал, что трехзвенное деление преступлений «вводилось по соображениям практического удобства двоякого рода: процессуального и кодификационно-технического. В первом случае это соответствовало разделению судов на высшие, средние и низшие и объему подсудности каждого из них. Во втором оно значительно облегчало редакцию статей Кодекса, давая возможность кратким термином заменить подробное описание целой группы деяний» [5, с. 67]. Предложения о восстановлении деления преступлений на три категории высказывались и в советское время [6, с. 73]. Современное четырехзвенное деление обусловлено активным обсуждением накануне принятия действующего Уголовного кодекса необходимости введения в Уголовный кодекс уголовного проступка (или «преступления, не представляющего большой общественной опасности») в качестве самостоятельной категории [7, с. 125]. В первом официальном проекте УК РФ 1992 г., представленном Президентом в Верховный Совет РСФСР, он был предусмотрен. К нему относились преступления небольшой тяжести в принятой в итоге редакции.

В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается на избыточность упоминания формы вины в качестве критерия категоризации [8, с. 47–49; 9, с. 343]. Вина, являясь составляющей характера общественной опасности, в действующей редакции ст. 15 УК РФ фактически как основание деления преступлений на категории упоминается дважды.

Действующая редакция ст. 15 УК РФ делит преступления на категории в зависимости от размера возможного наказания. Между тем наказание вторично по отношению к преступлению. Само преступление (его опасность) должно определять размер наказания, но не наоборот. Такой методологически верный подход уже имел место – в УК РСФСР 1960 г., где деление преступлений на категории не было связано с размером наказания и напрямую определялось только опасностью деяния.

7 декабря 2011 г. ст. 15 УК РФ дополнена ч. 6, согласно которой право определения категории совершенного преступления предоставлено и суду. Теперь и суд вправе по своему усмотрению изменить определенную законодателем категорию конкретного преступного деяния. Считаем, что это очевидное нарушение принципа законности в уголовном праве. Категория преступления прямо влияет на целый ряд уголовно-правовых последствий, определяя их конкретное содержание (режим, срок судимости, освобождение от наказания и т.д.), а потому в силу ст. 3 УК РФ должна устанавливаться только Уголовным кодексом.

К основным же недостаткам существующей категоризации следует отнести то, что ее критерием служит только лишение свободы. Предпочтение этого наказания другим обусловлено, на наш взгляд, многолетней традицией правоприменителя при назначении наказания, наличием лишения свободы в большинстве (более 80 %) санкций норм Особенной части, практически неизменным содержанием и другими причинами. Между тем сам признак «наказуемости» преступления не исчерпывается лишением свободы. Полагаем, что в качестве критерия категоризации преступлений в ст. 15 УК РФ следует использовать все наказания, предусмотренные ст. 44 УК РФ[3]. Это позволит избежать «перекосов» в оценке опасности преступлений различными видами наказаний и отказаться от распространенного мнения, согласно которому основным принципом построения системы наказаний является расположение наказаний в ст. 44 УК РФ от менее к более репрессивному. Однако это, во-первых, не всегда соответствует реальному положению вещей. Во-вторых, многие наказания сложно соизмерить по тяжести. Действительно, вряд ли есть однозначный ответ на вопрос, что тяжелее: три месяца лишения свободы или 1 млн рублей штрафа?

Последствия в виде установленных ст. 15 УК РФ наказаний, которые могут последовать за совершение преступления той или иной категории, можно определить как *типовую санкцию*. Привязка категории преступлений к типовой санкции, содержащей все возможные в качестве последствия за его совер-

[2] В Общей части УК РФ положения о категориях преступлений учитываются при построении различных институтов: о преступлении (ст.ст. 18, 30 УК РФ), о наказании (ст.ст. 48, 57, 58, 59, 61, 69 УК РФ), об освобождении от уголовной ответственности и наказания (ст.ст. 75–80, 82, 83, 86 УК РФ), об уголовной ответственности несовершеннолетних (ст.ст. 90, 92, 93, 95 УК РФ). Преступления небольшой и средней тяжести в указанных нормах, как правило, указываются (например, ст. 76) или не указываются (например, ст. 30) вместе.

[3] Практика законодательной привязки всех наказаний к категориям преступлений имеет место в УК Нидерландов.

шение наказания с количественными пределами, по сути, делает ненужным построение санкций в Особенной части УК РФ. Достаточно лишь установить тяжесть преступления и руководствоваться при выборе наказания положениями ст. 15 УК РФ – выбирать из типовой санкции. Похожее предложение уже имело место ранее [11, с. 14; 12, с. 36]. Однако мы все же далеки от конструкции Уголовного закона «без Особенной части и без дозировки». Исчерпывающий перечень деяний, признаваемых преступными, необходим, и доказывать это вряд ли нужно. Особенная часть должна содержать перечень составов преступлений. Наказуемость же преступлений может определяться нормой Общей части в зависимости от одной из трех категорий преступления. Как это ни странно, но реализация такого предложения не потребует практически никакого изменения самих составов преступлений. Дело в том, что действующий Уголовный кодекс знает только одну ному Особенной части, которая бы объединяла в себе сразу все четыре существующие категории преступлений (ст. 291 УК РФ «Дача взятки»). Это также избавит от необходимости каждый раз корректировать санкции в Особенной части, сделав уголовный закон более стабильным. Так, за время действия УК РФ более 70 % всех произошедших в нем изменений касались санкций статей Особенной части.

Противники такого предложения могут возразить, сославшись на то, что его реализация существенно расширит границы судебного усмотрения при назначении наказания. Это действительно так. Однако изменения в уголовном законодательстве последних лет обнаруживают именно такую тенденцию. Примером может служить положение ч. 6 ст. 15 УК РФ, ликвидация нижней границы санкций за некоторые преступления (автор статьи не является сторонником отмены нижних границ санкций в том виде, как это было сделано в редакции ФЗ от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ).

Частично «привязка» иных, помимо лишения свободы, наказаний к категориям преступлений уже имеет место в действующем законодательстве. Так, например:

- смертная казнь может быть установлена только за *особо тяжкие преступления*, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 59 УК РФ);

- пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение *особо тяжких преступлений*, посягающих на жизнь, а также за совершение *особо тяжких* преступлений против общественной безопасности (ч. 1 ст. 57 УК РФ);

- арест предусматривается только в санкциях норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления *небольшой и средней тяжести;*

- ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления *небольшой тяжести и преступления средней тяжести*;

- принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления *небольшой или средней тяжести* либо за совершение *тяжкого преступления* впервые (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ);

- обязательные работы и исправительные работы предусматриваются только в санкциях норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления *небольшой и средней тяжести;*

- лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется только при осуждении за совершение *тяжкого или особо тяжкого преступления*;

- штраф в размере от 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только за *тяжкие и особо тяжкие преступления* в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за исключением случаев исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки (ч. 1 ст. 46 УКРФ);

- штраф, как основное наказание, не предусматривается в санкциях норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за *особо тяжкие преступления*.

Предложенная модель требует изложения конкретного содержания типовых санкций. Нельзя не согласиться с утверждениями В.Н. Кудрявцева о том, что «ее (санкции) оптимальные пределы, ни верхний, ни нижний, иначе как умозрительным путем определить не удается», и И.С. Ноя, писавшего: «логически обосновать назначение конкретного наказания за конкретное преступление вообще невозможно» [13, с. 249; 14, с. 61–62]. Однако это не исключает необходимости построения системы наказаний, включающей в себя и систему санкций, основанную на подробных криминологических исследованиях. В рамках объема данной статьи можно предложить лишь общий догматический подход к содержанию типовых санкций. Предлагаемое деление преступлений на три категории по содержанию типовых санкций должно быть обусловлено в первую очередь особенностями личности преступника, чья опасность и проявляется в опасности совершенного деяния[4]. С учетом этого можно предложить следующие вариации содержания типовых санкций в зависимости от категорий личностей преступников:

- лица, не требующие для своего исправления изоляции от общества (преступления небольшой тяжести или уголовные проступки), – наказания,

[4] В истории отечественного уголовного законодательства имело место и двухзвенное деление. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. дифференциация проводилась не от тяжести деяния – посягательства делились на направленные против основ советского строя, признававшиеся наиболее опасными, и все остальные.

альтернативные лишению свободы: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работ, ограничение свободы, принудительные работы;

- лица, чье исправление возможно без изоляции (преступления средней тяжести), – наказания, не связанные с лишением свободы и связанные с лишением свободы, но на сроки, далекие от максимальных размеров: все виды наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, кроме смертной казни;

- лица, требующие для своего исправления только изоляции от общества (тяжкие преступления), – наказания, связанные с максимальными размерами лишения свободы: лишение свободы, пожизненное лишение свободы, смертная казнь.

Соответственно за преступления небольшой тяжести должны следовать наказания, не связанные с изоляцией от общества, за преступления средней тяжести – наказания как связанные, так и не связанные с изоляцией, за тяжкие преступления – только с изоляцией от общества.

Предлагаемое построение ст. 15 УК РФ и норм Особенной части упростит решение ряда проблем правоприменительного характера. Так, во-первых, действующий механизм замены при злостном уклонении от уплаты штрафа предусматривает возможность замены его на любое иное наказание, в любом размере, за исключением лишения свободы. Представляется недопустимым такой разброс в возможности установления вида и размера заменяющего наказания. Недостатки имела и ранее действующая редакция, действовавшая до 07.12.2011 г., позволявшая замену на иное наказание в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Однако некоторые нормы, например ч. 1 ст. 174 УК РФ, вообще не предусматривали иных наказаний в санкции, кроме штрафа. Предложенное выше позволит создать механизм замены при злостном уклонении от назначенного наказания на иное наказание в пределах типовой санкции. Во-вторых, это упростит применение обратной силы уголовного закона. Указание в статье Особенной части только на категорию преступления без детализации содержания санкции избавит правоприменителя от необходимости каждый раз оценивать законодательную новеллу на предмет необходимости применения ст. 10 УК РФ. В Особенной части вопрос о возможности применения обратной силы уголовного закона и сокращении наказания в таком случае можно поставить в зависимость от изменения категории преступления в результате нововведений. В Общей части применение обратной силы следует поставить в зависимость от того, к типовой санкции какой категории преступления в результате изменений стало относиться назначенное наказание лицу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уткин В.А.* Необходима корректировка системы наказаний // Проблемы теории уголовного наказания и его применения: сб. Томск, 2009. С. 14–18.
2. *Донченко А.* Ненаказуемый вандализм? // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 21–24.
3. *Прозументов Л.М.* Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск, 1999. 201 с.
4. *Уголовное* право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова. М.: Статут, 2012. 879 с.
5. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1905. 368 с.
6. *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. 208 с.
7. *Костяркина И.О.* Преступление и проступок в советском уголовном праве: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1988. 24 с.
8. *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986. 488 с.
9. *Коробов П.* Классификация преступлений по уровню их опасности // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 47–49.
10. *Михаль О.О.* Сущность классификации преступлений // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики: сб. материалов конф. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2008. С. 343–137.
11. *Крыленко Н.В.* Принципы пересмотра уголовного кодекса РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 14–21.
12. *Винокуров А.Н.* Об уголовном кодексе без Особенной части и без дозировки // Советское строительство. 1930. № 10. С. 35–39.
13. *Кудрявцев В.Н.* Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 249; *Он же*. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 93–97.
14. *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. 192 с.

УДК 343.24

Д.В. Карелин

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СВЯЗИ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Действующее российское уголовное законодательство предусматривает возможность применения к несовершеннолетним мер, альтернативных уголовной ответственности, а именно принудительных мер воспитательного воздействия. Отечественный законодатель впервые нормативно закрепил приоритет данных мер перед уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Эта новелла была призвана во многом изменить практику реализации уголовной ответственности к несовершеннолетним. Вместе с тем, как свидетельствуют данные официальной уголовной статистики, удельный вес лиц, к которым применены данные меры, от общего числа осужденных несовершеннолетних в последние годы остается на неизменно низком уровне. Во многом это связано с проблемами как законодательного закрепления принудительных мер воспитательного воздействия, так и практики их применения. Данная работа посвящена анализу некоторых из них.

Ключевые слова: *уголовная ответственность несовершеннолетних, освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности, принудительные меры воспитательного воздействия, повышение эффективности применения мер, альтернативных уголовной ответственности несовершеннолетних.*

В соответствии с ч. 2 ст. 87 УК РФ «К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ) либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием».

Однако так было не всегда. На первое место принудительные меры воспитательного воздействия были «поставлены» законодателем лишь в конце 2003 г. Это не случайно. Еще в 2000 г. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении № 7 от 14 февраля «О преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу) обращал внимание нижестоящих судов на необходимость уделять выбору меры воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю более тщательное внимание, отдавая при прочих равных условиях предпочтение именно ПМВВ.

Таким образом, по мнению высшего законодательного и судебного органов РФ, именно ПМВВ должны стать реальной альтернативой уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Это положение закона, в свою очередь, соответствует принятым Россией на себя международным обязательствам (Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинским правилам, 1985 г.), Миланскому плану действий и Руководящим принципам в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящим принципам Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядским руководящим принципам, 1990 г. и др.) и является выражением тенденции последовательной гуманизации уголовного законодательства и практики обращения с несовершеннолетними правонарушителями. На приоритет применения рассматриваемых мер перед иными формами реализации уголовной ответственности и соблюдение иных особенностей обращения с несовершеннолетними правонарушителя обращается внимание и в действующем в настоящее время Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [1]. Учитывая изложенное, небезынтересным представляется ответ на вопрос: «Соответствует ли практика обращения с несовершеннолетними правонарушителями приведенным выше положениям уголовного закона и его официальным разъяснениям? И если нет, то почему?»

Для ответа на эти вопросы было проведено исследование, в рамках которого проанализированы статистические данные о применении принудительных мер воспитательного воздействия в Российской Федерации в целом, в субъектах РФ, входящих в Сибирский федеральный округ, а также некоторые качественные характеристики применения данных мер судами Томской области. Эмпирическую основу исследования составили: официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, сведения, полученные из Информационного центра УВД по Томской области о количестве несовершеннолетних, освобождённых от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, состоящих на учете в ПДН ОВД за период пять лет; материалы 34 уголовных дел в отношении несовер-

шеннолетних, к которым были применены принудительные меры воспитательного воздействия в связи с освобождением от уголовной ответственности ПМВВ.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в Томской области доля освобожденных от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия в период с 2004 по 2008 гг. составляла 3–6 % от общего числа осужденных несовершеннолетних.

Данная статистика коррелирует с данными о количестве несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД на конец отчетного периода. Так, в период с 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 по 2008 г. на учете в Томской области стояло 49,18, 34, 56, 48, 33 и 34 несовершеннолетних соответственно.

Таким образом, применение ПМВВ к несовершеннолетним в указанный выше период в Томской области фактически можно назвать единичным. К сожалению, аналогичное положение дел имело место как на региональном (Кемеровская область, Новосибирская область), так и на общероссийском уровне (в 2001 г. – 1,5 %; 2002 г. – 1,5 %; 2003 г. – 2,6 %; 2004 г. – 4,7 % и 2005 г. – 4,4 % соответственно) [2].

За последние пять лет (с 2008 по 2012 г.) на уровне Российской Федерации в целом ситуация с применением ПМВВ не изменилась. Удельный вес несовершеннолетних, к которым были применены данные меры, от общего числа осужденных несовершеннолетних составил 2,4, 2,5, 2,9, 2,5 и 2,9 % соответственно.

Вместе с тем на фоне достаточно низкого общероссийского показателя в анализируемый период выгодно отличаются показатели применения ПМВВ в некоторых субъектах РФ, входящих в СФО. В частности, наибольшими пороговыми (верхний и нижний) показателями в рассматриваемый пятилетний период выделяются Забайкальский край (7–15 %), Иркутская область (12–14 %), Новосибирская область (7–14 %) и Томская область (6–9 %), в то время как в Республике Тыва он составил 1–3 %.

Причины такого состояния дел условно можно разделить на две группы: объективные и субъективные. Первые из них обусловлены несовершенством законодательных предписаний, а также известной конкуренцией между общими (ст.ст. 75, 76 УК РФ) и специальными основаниями освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности (ст.ст. 90, 91 УК РФ), при которой предпочтение должно быть отдано первым (в связи с безусловным характером освобождения). Это красноречиво подтверждается данными официальной уголовной статистики: освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и в связи с деятельным раскаянием в некоторых регионах-субъектах СФО составляет в последние пять лет от 10 до 50 % от общего числа осужденных несовершеннолетних (Иркутская, Кемеровская и Томская области).

Содержание субъективных причин предопределяется нежеланием применять данные меры и, как следствие, отсутствием практических навыков их применения.

Проблемы же применения ПМВВ на стадии их исполнения генетически связаны с первой стадией (назначением) и во многом зависят от вынесенного постановления суда. В конечном итоге ситуация усугубляется проблемами в деятельности субъектов, на которые возложен контроль за исполнением несовершеннолетним соответствующей ПМВВ.

В подтверждение сказанного остановимся на характеристике типичных ошибок, выявленных при изучении 34 уголовных дел, в результате рассмотрения которых к несовершеннолетним были применены ПМВВ. Так, наиболее часто назначаемой ПМВВ является передача под надзор родителей (более 50 % случаев), второй по применимости мерой является предупреждение (30–35 %); ограничение досуга применяется примерно в 20–25 % случаев, возложение обязанности загладить вред не назначалось. Общее значение составляет более 100 %, так как суды зачастую используют предоставленную законодателем возможность назначения одновременно нескольких мер воспитательного воздействия. На практике, например, передача под надзор родителей, как правило, назначается одновременно с предупреждением несовершеннолетнего.

Во всех изученных уголовных делах отсутствует обоснование назначения конкретного вида принудительной меры воспитательного воздействия. Полагаем, что «положительные характеристики с места учебы и жительства», «не постановка на учет в КДНиЗП, ПДН» до совершения преступления не являются обстоятельствами, достаточными и свидетельствующими о том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения к нему именно ПМВВ. Данный вывод должен основываться на анализе более широкого круга обстоятельств.

В ряде случаев судами не указывался срок, на который назначается ПМВВ, а это существенно; либо срок, на который назначаются ПМВВ, не соответствует предписаниям п. 3 ст. 90 УК РФ (в зависимости от категории тяжести преступления).

При ограничении досуга в виде запрета находиться вне дома суды зачастую, указывая начальное время (с 23.00, с 22.00), «забывали» указывать время, до которого должно действовать такое ограничение.

Несмотря на то, что перечень мер ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего является открытым, назначение иных мер/предписаний должно соответст-

вовать критериям «исполнимости» и «контролируемости». В противном случае они останутся декларативными. Примером может служить требование «не появляться в нетрезвом виде в общественных местах». Хотя понятно, что суд, скорее всего, имел в виду «состояние опьянения», появление в котором влечет административную ответственность как для несовершеннолетнего, так и для его родителей.

При назначении «предупреждения» встречается формулировка: «контроль за поведением несовершеннолетнего возложить на ... (ФИО)». В то время как «осуществление контроля за поведением несовершеннолетнего» составляет содержание такой меры, как «передача под надзор». Поэтому нужно четко указывать: «Применить к несовершеннолетнему ПМВВ в виде передачи под надзор и возложить обязанность по контролю за его поведением на … (ФИО)». Потому что контроль и индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетним и так возлагается в силу закона на ПДН.

Представляется, что недопустимо возлагать контроль за исправлением несовершеннолетнего на его мать. Во-первых, потому, что в законе сказано «контроль за поведением», а не «за исправлением», а во-вторых, на родителях обязанность по воспитанию возложена в силу закона.

При вынесении ПМВВ в виде «обязанности загладить вред» судами не было указано: как и каким образом, в какой срок это необходимо сделать. В то время как данная мера должна назначаться с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков.

При передаче под надзор несовершеннолетнего нарушается требование закона о передаче «родителю либо лицу, его заменяющему». Понятие такого лица дает Семейный кодекс РФ. Передавать под надзор «сестре, которая фактически воспитывает брата», в силу буквального толкования закона не представляется возможным. В таких случаях должно быть как минимум: постановление об опеке, письменное ходатайство от лица, заинтересованного в дальнейшей судьбе ребенка, и установлено наличие фактической возможности осуществлять контроль за его поведением.

К сожалению, встречаются и так называемые «технические ошибки». В сопроводительных письмах на имя прокурора Томской области принудительные меры, применяемые к несовершеннолетним, именуются «мерами воспитательного характера» (терминология УК РСФСР 1960 г.), а не воспитательного воздействия. Это еще раз подтверждает тезис об инерционности профессионального сознания судей.

Вместе с тем нельзя не отметить следующее обстоятельство. В соответствии с официальными статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Томской области среди всех осужденных несовершеннолетних удельный вес лиц, к которым ранее применялись ПМВВ, составил: в 2000 г. – 0,3 %, в 2003 г. – 0,7 % , в 2004 г. – 0,9 %, в 2005 г. – 1,5 %, в 2006 г. – 2,1 % и 2,2 % – в 2007 г. соответственно. Если принять во внимание тот факт, что доля лиц среди всех ежегодно осуждаемых несовершеннолетних, к которым ранее применялось наказание и условное осуждение, колеблется в пределах 20–25 %, то напрашивается однозначный вывод о большей эффективности ПМВВ перед указанными выше уголовно-правовыми мерами.

При этом, понимая недостаточную объективность приведенных выше статистических данных и несоответствие реальному положению дел, был сделан запрос в ИЦ УВД по Томской области. Согласно полученному ответу, в интересующий нас пятилетний период из 272 лиц, к которым были применены ПМВВ, только четверо совершили преступления повторно (т.е. примерно 1,5 %). Структура повторно совершенных после применения ПМВВ преступлений представлена исключительно кражами (ч. 1, 2 ст. 158 УК РФ). При этом криминологический рецидив (100 %) имел место после применения такой принудительной меры воспитательного воздействия, как «передача под надзор родителей».

Не секрет, что соответствие избранных средств целям – важная предпосылка эффективности любой деятельности. Получается, что в рассмотренных случаях конкретная ПМВВ оказалась неэффективной? Полагаем, что это не совсем так, а анализ эффективности применения ПМВВ предполагает рассмотрение вопроса об основаниях назначения конкретной ПМВВ исходя из конкретной криминологической ситуации. Именно глубокий и всесторонний анализ данной ситуации должен быть положен в основу принятия решения и прогнозирования возможности исправления и несовершения несовершеннолетним в будущем нового преступления.

Несмотря на исключительно редкое применение принудительных мер воспитательного воздействия, полагаем, что существуют очевидные резервы для их более частого назначения. Для этого необходимо:

1. Формирование субъективной готовности судей к применению ПМВВ путем смещения акцента в профессиональном сознании при выборе меры воздействия, применяемой к несовершеннолетнему, – с сугубо формально-юридического (наказать «условно»; освободить по другим основаниям от уголовной ответственности проще) на восстановительный и содействие в дальнейшей позитивной социализации несовершеннолетнего правонарушителя.

Полагаем, что ПМВВ обладают для этого большим потенциалом, нежели уголовное наказание и условное осуждение, а отрицательные последствия «стигматизации» подростка в связи с попаданием в орбиту уголовной юстиции и применением к нему именно принудительных мер воспитательного воздействия – меньше.

2. Чтобы не превратить применение ПМВВ «в галочку», выбору именно этого варианта правового

воздействия должно предшествовать создание ситуации объективной возможности такого выбора. Это, в свою очередь, невозможно без «снабжения» правоприменителя полной и достоверной информацией для криминологического прогнозирования и принятия решения о целесообразности и допустимости конкретной меры воздействия. Способствовать этому может закрепление обязательности составления социального доклада (карты социального сопровождения и т.п.) по делам о правонарушениях несовершеннолетних. До нормативного закрепления этой обязанности обратить внимание Верховным Судом РФ на целесообразность составления такого доклада судами нижестоящих инстанций. Полагаем, что уместным будет определение минимального круга фактических обстоятельств – данных о личности несовершеннолетнего, его социально-ролевой и нравственно-психологической характеристике, условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, влиянии взрослых и т.п. Возложить обязанность по составлению этого доклада можно на помощников судей (как это уже сделано в порядке эксперимента в некоторых субъектах РФ, в том числе входящих в СФО).

ЛИТЕРАТУРА

1. *О судебной* практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. // http://www.supcourt.ru/second.php
2. *Черненко И.В.* Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: дис. … к.ю.н. Томск, 2006. 199 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

О.И. Андреева

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВА, ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Речь идет о необходимости ограничения полномочий государства, государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства. Взяв за основу модель взаимоотношений государства с системой законодательства и естественного права с системой общечеловеческих и правовых ценностей как взаимосвязанных и взаимопроникновенных и рассмотрения государства не только как гаранта естественных прав и свобод личности, но и института, обладающего силой принуждения, автор приходит к выводу, что назначением уголовного процесса является защита личности, общества, государства от последствий совершенного преступления путем применения норм уголовного права, так же как ограждение личности и общества от незаконных и необоснованных действий (бездействия) со стороны должностных лиц уполномоченных государственных органов, направленных на применение принуждения и ограничение прав и свобод человека и гражданина. Как следствие, возложение на уполномоченных должностных лиц обязанности реализовать защиту личности, общества, государства от последствий совершенного преступления путем применения норм уголовного права не исключает различных вариантов реакции государства на совершенные общественно опасные деяния. В уголовном процессе должны быть определены: сфера, где государство может реализовать свои полномочия в полном объеме, решая поставленные задачи; сфера, в которой полномочия государства должны быть ограничены; сфера, куда государство не может вмешиваться.

Ключевые слова: *назначение уголовного процесса, соотношение прав и обязанностей государства, государственных органов, должностных лиц и личности в сфере уголовного судопроизводства, баланс частных и публичных интересов; ограничение полномочий; специфика уголовно-процессуальных отношений.*

Взяв за основу модель взаимоотношений государства с системой законодательства и естественного права с системой общечеловеческих и правовых ценностей как взаимосвязанных и взаимопроникновенных и рассмотрения государства не только как гаранта естественных прав и свобод личности, но и института, обладающего силой принуждения, необходимо отметить, что назначением уголовного процесса является защита личности, общества, государства от последствий совершенного преступления путем применения норм уголовного права, так же как ограждение личности и общества от незаконных и необоснованных действий (бездействия) со стороны должностных лиц уполномоченных государственных органов, направленных на применение принуждения и ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Возложение на уполномоченных должностных лиц обязанности реализовать защиту личности, общества, государства от последствий совершенного преступления путем применения норм уголовного права не исключает различных вариантов реакции государства на совершенные общественно опасные деяния.

Между тем в науке является актуальным вопрос, является ли целью уголовного права неотвратимость ответственности за совершенное преступление и наказания [1, с. 135]. Казалось бы, в УК РФ и УПК РФ вопрос решен. Неотвратимость наказания не значится в качестве задач ни уголовного права, ни уголовного процесса. Неотвратимость ответственности не вошло в число принципов уголовного права. Кроме того, УК РФ предусмотрены виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые связаны с той или иной формой принудительного воздействия на лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, а также такие, которые не предусматривают подобного воздействия. Однако некоторые ученые продолжают настаивать на необходимости привлечения к уголовной ответственности каждого, кто совершил преступление, утверждая, что «это законодательное решение расшатывает основы справедливости в сфере уголовной юстиции, подрывает доверие населения к политике государства в данной области» [2, с. 146].

Идея «воздаяния по заслугам» не в полной мере и не всегда учитывает как интересы лица, совершившего преступление, так и интересы лица, пострадавшего от совершения преступления. Лица, пострадавшие от совершения преступления, заинтересованы в том, чтобы были максимально быстро восстановлены их права и возмещен ущерб. Лица, совершившие преступление, заинтересованы в том, чтобы реакция государства на преступление соответствовала социальной опасности деяния и давала

деянию не только оценку, но и учитывала необходимость последующей адаптации в обществе.

В интересах ли общества такая идея? Общество заинтересовано в том, чтобы преступность была контролируема, чтобы правовая регламентация системы уголовно-процессуальных отношений обеспечивала баланс как частных, так и публичных интересов, чтобы права лиц, пострадавших от совершения преступления, были восстановлены и лица, совершившие преступления, больше их не совершали.

Государство, общество, личность, безусловно, должны реагировать на каждый случай совершения преступления, и это не только их право, но и обязанность. Вместе с тем реакция должна быть различной, должна быть предусмотрена возможность осуществить защиту законных интересов человека, общества и государства различными правовыми способами, применение которых возможно в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

При этом в уголовном процессе должны быть определены: сфера, где государство может реализовать свои полномочия в полном объеме, решая поставленные задачи; сфера, в которой полномочия государства должны быть ограничены; сфера, куда государство не может вмешиваться.

Истоки необходимости ограничения полномочий государства следует искать в общеправовом положении личности в государстве, общечеловеческих ценностях, что является основополагающим в свете правового государства.

В связи с этим в определенных законом случаях виды реакции государства на общественно опасные деяния должны быть поставлены в зависимость как от публичных, так и частных интересов.

Реализация государством полномочий по защите личности, общества, государства от последствий совершенного преступления должна быть зависима: от степени общественной опасности совершенного деяния; от признания вины лицом, привлекаемым к уголовной ответственности; от совершения им позитивных действий, направленных на устранение последствий деяния (заглаживание причиненного вреда); от согласия лица, пострадавшего от преступления урегулировать конфликт без привлечения лица к уголовной ответственности.

В определенных законом случаях государство должно предоставить личности возможность урегулировать конфликт, возникший в результате совершения преступления, самостоятельно.

Такое представление о назначении уголовного процесса влечет за собой необходимость нового взгляда на содержание и характерные черты уголовно-процессуальных отношений.

Права человека предопределяют правила, на которых строятся взаимоотношения между личностью и должностными лицами государственных органов в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальные отношения обладают рядом особенностей. Они находятся в непосредственной связи с уголовно-правовыми отношениями, возникают и развиваются в связи с уголовно-правовыми и по поводу уголовно-правовых, которые, в свою очередь, могут быть реализованы только через отношения уголовно-процессуальные. Данное обстоятельство объясняется тем, что возникновение процессуальных отношений обусловлено потребностью материального права, необходимостью его принудительного применения уполномоченными государственными органами и должностными лицами.

Уголовно-процессуальные отношения формируются как в связи с осуществлением должностными лицами государственных органов уголовно-процессуальной деятельности, так и в результате поведения личности.

В литературе не оспаривается, более того, считается общепризнанным, что уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в уголовном процессе, существуют в форме правоотношений, содержащих фактические отношения между ее участниками и урегулированных нормами уголовно-процессуального права [3, с. 18–19].

Причем долгое время считалось, что в уголовном процессе отношения строились как властеотношения, исходя из чего в уголовно-процессуальном законодательстве определялись полномочия государственных органов и должностных лиц, а также совокупность прав и обязанностей личности. На то, что государственные органы и должностные лица в уголовном судопроизводстве наделены огромной властью, неоднократно обращалось внимание в литературе еще в дореволюционные времена [1, с. 257]. Рассуждая о правоотношениях, складывающихся в уголовно-процессуальном праве, и подчеркивая их властный характер, ученые исходили, во-первых, из того, что в уголовно-процессуальных отношениях всегда одним из субъектов уголовно-процессуального правоотношения является государственный орган (должностное лицо), наделенный властными полномочиями, в том числе по применению мер принуждения в отношении другого участника [3, с. 25], во-вторых, из неравноправности государственных органов, должностных лиц и личности в уголовном процессе. Как заметила П.С. Элькинд, в уголовно-процессуальных отношениях один из субъектов располагает правом властного веления, которому обязан подчиниться другой, не имеющий такого права, при этом подчеркнув, что это не исключает наличия у каждого из них других прав и обязанностей, и отметив, что правоотношения данного типа называют властеотношениями [5, с. 9–10].

Что касается субъектов уголовно-процессуальных отношений, то, как верно отметил А.А. Тарасов, подчеркивая ведущую роль в процессуальных действиях и в принятии процессуальных решений должностных лиц уполномоченных государственных органов, они являются обязательными участниками уголовно-процессуальных отношений [6, с. 29].

Уголовно-процессуальные отношения могут быть как двусторонними, так и многосторонними. Даже в тех случаях, когда правоотношения складываются между частными лицами, например при примирении, эти отношения не могут существовать без связи этих субъектов правоотношений с компетентным органом государства, поскольку, во-первых, процессуальные отношения возникают в связи с необходимостью принудительной реализации материально-правовых норм, во-вторых, каждый из участников реализует в этих отношениях свой процессуальный статус, вне которого соответствующее лицо в уголовном процессе не существует.

Вместе с тем требует исследования вопрос, являются ли эти отношения «властеотношениями». В науке власть рассматривалась и рассматривается как сложное многогранное социальное явление. Наиболее распространенным является определение власти как волевого отношения, «властеотношения», подчинения одних воле других. Между тем в правовой литературе встречаются возражения против определения уголовно-процессуальных отношений как властеотношений. Так, А.В. Смирнов, рассуждая о сущности состязательного уголовного процесса, пишет: «Участники процесса в своих требованиях подчиняются не один другому, но лишь правовым нормам. Значит, в основе взаимоотношений, в том числе «обвинитель – обвиняемый», лежит в данном случае не метод власти-подчинения, а нечто иное» [7, с. 21]. С указанной точкой зрения не согласился А.А. Тарасов, который указал, что на досудебной стадии правовая связь «обвинитель – обвиняемый» – это именно отношения власти и подчинения (во всяком случае, в большей своей части). Что касается судебных стадий процесса, то, по мнению ученого, роль властвующего субъекта в этих стадиях на себя принимает суд [6, с. 54].

На двойственный характер уголовно-процессуальных отношений обратила внимание Н.И. Авдеенко, отметив, что уголовно-процессуальные отношения характеризуются как отношения власти и подчинения и в то же время как отношения равных (автономных) субъектов [8, с. 68], наделенных правами и обязанностями, ответственностью по отношению друг к другу.

На наш взгляд, подчинение участников процесса правовым нормам или деятельность в соответствии с правовыми нормами не исключает, в силу специфики отношений, наделение государственного органа (должностного лица) полномочиями по применению мер принуждения, которые являются по своему характеру властными, по ограничению и в то же время по защите прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовного процесса. Причем необходимость учета конституционного положения, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью, означает, что права и обязанности сторон в уголовно-процессуальных правоотношениях должны приобрести статус корреспондирующих.

Уголовный процесс характеризуется тем, что в нем в наибольшей мере проявляется возможность государственных органов и должностных лиц ограничивать или лишать человека прав и свобод, предоставленных ему Конституцией Российской Федерации, применять принуждение.

Кроме того, специфика уголовно-процессуальных отношений и уголовно-процессуальной деятельности заключается в том, что уголовное преследование государственными органами и должностными лицами и правосудие зачастую осуществляются в условиях противодействия. Причем противодействие возможно не только со стороны подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и его окружения, которые принимают все возможные меры, чтобы избежать угрожающего им наказания, противодействие отмечается и со стороны потерпевшего, а также его окружения, которые могут иметь свой интерес, не всегда совпадающий с интересами государственного обвинителя и лиц, осуществляющих расследование уголовного дела.

Безусловно, у должностных лиц, осуществляющих функцию обвинения в уголовном процессе, огромная власть. И здесь не исключены случаи, когда ограничения прав и свобод участвующих в процессе лиц могут выходить за рамки необходимости, что возможно как вследствие принятия органами расследования необходимых решений, так и при совершении ими противозаконных действий. Причем ограничение прав и применение мер принуждения возможно не только в отношении лиц подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, но и лиц, являющихся пострадавшими в результате совершенного преступления, а также лиц, являющихся в силу случая источниками доказательственной информации либо привлекаемых для оказания технической или иной помощи и удостоверения хода и результатов следственных действий.

На принятие решения, касающегося участников процесса, в том числе по вопросу применения мер принуждения, влияет субъективное мнение должностного лица, наделенного властными полномочиями, что также может повлечь нарушение прав и свобод человека.

Причины неправомерного или чрезмерного ограничения прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, со стороны должностных лиц государственных органов разнообразны. Как правильно указывает С.В. Ефремова [9, с. 11], ими являются и ложно понятые интересы уголовного процесса, и дефекты правосознания правоприменителей, а также различные проявления профессиональной деформации, которой подвержены представители органов уголовного преследования и лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Нам бы хотелось отметить, в том числе, и несовершенство уголовно-процессуального законодательства, упущение в механизме правового регулирования, позволяющее в определенных случаях бесконтрольно осуще-

ствлять властные полномочия, а также нежелание должностных лиц государственных органов принять концепцию признания прав и свобод человека в качестве высшей ценности, что ведет к восприятию необходимости обеспечения прав и свобод человека как помехи в деле противостояния преступности. Кроме того, в уголовном процессе возможно также злоупотребление принадлежащими участникам уголовного судопроизводства правами. В сфере уголовного судопроизводства чрезмерная активность одного участника порой чревата последствиями для прав и интересов других его участников.

При таких обстоятельствах возможность должностных лиц государственных органов по применению принуждения и ограничения прав человека должна быть четко регламентирована в законе, а злоупотребление правом должно подлежать запрету.

Появились суждения о взаимной ответственности как самого государства, так и должностных лиц уполномоченных государственных органов, личности и об установлении мер юридической ответственности как для государства, государственных органов, так и для личности за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей.

При этом государство должно нести ответственность перед личностью за неэффективное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений, способствующих нарушению прав и законных интересов личности уполномоченными государственными органами и должностными лицами, а также за неправомерные (незаконные) действия (бездействия) государственных органов и должностных лиц, приведших к нарушению прав личности в уголовном процессе.

Права человека должны определять всю систему уголовного процесса. Означает ли это, что возникновению уголовно-процессуальных отношений должно предшествовать издание нормы права? По заслуживающему внимания мнению С.Д. Милицина [10, с. 17–19], В.В. Кожевникова, П.Г. Марфицина [11], не всегда. Так, авторы работы [11] утверждают, что при развитом и достаточно совершенном правовом регулировании уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном праве встречаются пробелы, когда юридическое значение сложившимся отношениям можно придать, используя аналогии. Причем этого не отрицают процессуалисты, указывают В.В. Кожевников и П.Г. Марфицин, ссылаясь на П.С. Элькинд [12, с. 7], которые считают правовую форму обязательной для данного типа отношений. Как следствие, делается вывод, что признание возможности применения норм уголовно-процессуального права по аналогии и распространение их действия на отношения, не урегулированные правом, по сути опровергают положение об их обязательной правовой форме, так как предполагают наличие не урегулированных правом общественных отношений, которые нуждаются в таком регулировании.

Л.В. Петрова полагает, что считать правовыми лишь те правила поведения, которые изданы или санкционированы государством, – значит лишать право самостоятельной ценности и роли, сводить его к какому-то придатку государства [13, с. 32–41].

Особо хочется отметить позицию К.Ф. Гуценко, полагающего, что государство должно брать на себя регламентацию наиболее существенного в сфере уголовного судопроизводства, все остальное должно быть делом органов, непосредственно осуществляющих уголовное преследование и правосудие. По мнению ученого, преимущества такого подхода важны как для правоприменительной практики, так и для создания условий, способствующих гибкой и оперативной корректировке порядка деятельности соответствующих органов [14, с. 16–17].

На наш взгляд, взаимосвязь уголовно-процессуальных отношений и материальных уголовно-правовых отношений требует, чтобы с целью охраны прав и законных интересов всех субъектов правоотношений, исходя из специфики отношений, механизм реализации правоотношений был регламентирован нормой права.

Кроме того, процессуальные права участвующих в деле лиц являются юридическим выражением естественного права защищать свои права и свободы всеми средствами и способами, не запрещенными законом. Отсюда следует, что совокупность прав участников уголовного процесса является средством и должна быть достаточной для реализации этого права. Поэтому, учитывая уровень правовой культуры граждан в России, принимая во внимание сопротивление должностных лиц необходимости обеспечения прав личности и тяжесть последствий их нарушения, уголовно-процессуальное законодательство должно содержать по возможности полный перечень прав личности – участника уголовного процесса как условие конкретизации содержания прав. Причем эта совокупность прав должна быть необходимой и достаточной для решения задач уголовного судопроизводства и для защиты прав и законных интересов личности, исходя из ее процессуального положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смолин С.В.* Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: недостатки законодательной регламентации и возможные пути их устранения // Российский юридический журнал. 2012. № 2.
2. *Азаров В.А.* Неотвратимость уголовной ответственности и процессуальные средства ее обеспечения // Международные юридические чтения: материалы науч.-практич. конф. Омск: Омский юридический институт, 2004. Ч. III.
3. *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные отношения. М.: Юрид. лит., 1975.
4. *Миттермайер К.* О необходимости равенства в уголовном судопроизводстве прав обвинителя и обвиняемого // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. X. Кн. 11.

5. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1976. С. 9–10.
6. *Тарасов А.А.* Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2001. С. 29.
7. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000.
8. *Авдеенко Н.И.* Механизм и предмет регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1969. С. 68.
9. *Ефремова С.В.* Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: автореф. дис. … к.ю.н. Самара, 2004. С. 11.
10. *Милицин С.Д.* Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 17–19.
11. *Кожевников В.В., Марфицин П.Г.* Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования // http:// [Электронный ресурс]: Режим доступа: lawtech.agava.ru. – свободный.
12. *Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 7.
13. *Петрова Л.В.* О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–41.
14. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало-М, 2001. С. 16–17.

УДК 343.13

К.В. Волынец

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА «РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА» ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Исследованы основные причины, препятствующие реализации принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции. На основании изученной практики автор предлагает направления совершенствования системы процессуальных гарантий данного принципа.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, разумный срок, гарантии.*

Длительность сроков рассмотрения уголовных дел уже давно перестала быть для России сугубо внутригосударственной проблемой. За период с 1998 по 2012 г. Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) было зафиксировано 167 нарушений Российской Федерацией права на судопроизводство в разумный срок, что составляет 13,24 % от общего числа постановлений ЕСПЧ в отношении России, которыми признано хотя бы одно нарушение [1].

Во всех этих случаях речь идет об уголовных делах, судопроизводство по которым длилось в течение нескольких лет. Возникает вопрос, может ли быть неразумной менее продолжительная длительность уголовного процесса – несколько месяцев, например? Безусловно, наибольшее внимание привлекают к себе случаи чрезмерно длительных судебных разбирательств. Вместе с тем уголовно-процессуальная деятельность всегда должна осуществляться в строгом соответствии с ее принципами. Малейшее отступление от них создает препятствие на пути достижения целей уголовного судопроизводства. Кроме того, пусть не существенное, но все же затягивание судопроизводства по несложным (с точки зрения критериев определения разумности сроков уголовного судопроизводства) делам отнимает процессуальное время, которое могло бы быть потрачено на расследование, рассмотрение более сложных дел, в связи с чем судопроизводство по ним также затягивается.

Европейский суд неоднократно указывал на то, что п. 1 ст. 6 Конвенции возлагает на принявшие ее государства обязанность организовать судебную систему таким образом, чтобы их суды могли рассматривать дела в течение разумного срока [2, 3]. При этом, по мнению ЕСПЧ, «наиболее эффективным решением является средство правовой защиты, направленное на ускорение разбирательств с целью исключения их чрезмерной продолжительности… Государства вправе также ввести только компенсаторное средство правовой защиты, что не делает это средство правовой защиты неэффективным... при условии, что способ толкования национального законодательства и последствия применяемых процедур согласуются с принципами Конвенции, истолкованными в свете прецедентной практики Европейского суда» (§ 98–99) [4].

В настоящий момент в Российской Федерации действует ряд норм, призванных гарантировать реализацию принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства». Одни из них были приняты до законодательного закрепления в России данного принципа: установление сроков предварительного расследования, начала рассмотрения уголовного дела, рассмотрения апелляционных жалоб; создание упрощенных производств (гл. 40, 40.1 УПК РФ); регламентация порядка вызова участников уголовного судопроизводства к следователю, дознавателю; меры процессуального принуждения, обеспечивающие их явку и др., и, как показала практика, оказались недостаточно эффективными. Другие были приняты одновременно с нормой, закрепляющей в УПК РФ принцип «Разумный срок уголовного судопроизводства», и выразились в установлении права заинтересованных лиц в случае затягивания судебного процесса обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, а также в регламентации порядка присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Эффективность последних также вызывает некоторые сомнения.

С момента их появления сроки рассмотрения уголовных дел в одних регионах незначительно сократились, а в других – напротив, возросли. Так, в срок от 1,5 до 3 месяцев федеральными судами общей юрисдикции Томской области в 2008 г. было рассмотрено 19,0 % уголовных дел, а в 2012 г. – 17,8 %. В Кемеровской области данный показатель увеличился с 9,9 до 14,1 %, а в Республике Хакасия – с 9,5 до 11,8 %. Количество уголовных дел, срок рассмотрения которых составил от 3 месяцев до 1 года, в Томской области сократилось с 16,8 до 11,8 %, в Кемеровской увеличилось с 6,7 до 7,8 % , а в Республике Хакасия – с 6,6 до 12,4 %. И это при том, что за рассмотренный период существенно возросло число дел, рассматриваемых в особом порядке: в Томской области – с 31,8 до 53,0 %, в Кемеровской области – с 48,4 до 67,6 %, а в Республике Хакасия – с 63,9 до 72,7 % [5–7].

В целом по России процент дел, рассмотренных в срок от 1,5 до 3 месяцев, за последние пять лет не изменился: в 2012 г., так же, как и в 2008 г., он составил 11,5 %; в то время как количество дел, про-

должительность рассмотрения которых составила от 3 месяцев до 1 года, сократилось незначительно – с 7,6 % в 2008 г. до 5,7 % в 2012 г. [8].

Конечно, мы не можем оценить, какое количество дел из числа приведенных было рассмотрено с нарушением исследуемого принципа. Однако полагаем, что срок производства в суде первой инстанции более 1,5 месяцев далеко не всегда можно признать разумным, тем более, что большая часть дел, как мы уже указали, рассматривается с применением особого порядка судопроизводства (в порядке глав 40, 40.1 УПК РФ), который не требует значительных временных затрат, поскольку в данных случаях оценка и исследование доказательств производятся в ограниченном объеме (ст.ст. 316, 317.7 УПК РФ).

Таким образом, считаем, что имеющиеся в УПК РФ гарантии реализации принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» не достаточно эффективны. На это также указывают многие ученые-процессуалисты.

В частности, В.М. Полухин отмечает, что проблема создания механизма, способного противодействовать неоправданному затягиванию сроков производства по уголовному делу, еще нуждается в дальнейшем решении, и оно видится в преодолении декларативного подхода к этому вопросу [9].

По мнению С.П. Желтобрюхова, «необходимо продолжить реформирование уголовного судопроизводства, ибо одно лишь стремление к быстрому рассмотрению уголовных дел при существующем уголовно-процессуальном законодательстве, без его дальнейшего реформирования, может привести к некачественному рассмотрению дел и нарушению правил действующего судопроизводства…» [10, с. 45].

Т.В. Трубникова также приходит к выводу о том, что имеющиеся в российском законодательстве гарантии соблюдения принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» явно недостаточны, «поскольку, например, нарушения разумного срока уголовного судопроизводства в ходе рассмотрения уголовного дела могут быть, очевидно, связаны не только с тем, что после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается, но и с многочисленными его отложениями, неоправданной длительностью судебной экспертизы, затягиванием процесса вследствие непринятия судом мер к другим участникам судопроизводства, неправомерно затягивающим судебное разбирательство и т.п.» [11, с. 152].

Сказанное позволяет сделать вывод, что существует необходимость совершенствования системы гарантий реализации закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ принципа.

Термин «гарантия» означает «ручательство, обеспечение, условие, обеспечивающее что-либо» [12, с. 119]. Гарантировать реализацию правовых норм – значит перейти от потенциальной возможности их действия к реальному исполнению, создать надежный механизм претворения их в жизнь. В одной из представленных в науке классификаций гарантии принято подразделять на материально-технические, организационные и юридические [13, с. 38].

1. Первые предполагают «создание материально-технической базы, при наличии которой появляется фактическая возможность у субъектов правоотношений воспользоваться предоставленным правом» [13, с. 38]. На значимость данной группы гарантий указывал еще Верховный Совет РСФСР в своем постановлении «О концепции судебной реформы в РСФСР» [14].

Что касается принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства», то к материально-техническим гарантиям, обеспечивающим его соблюдение при производстве в судах первой инстанции, на наш взгляд, относятся материально-технические средства, применение которых позволяет оптимизировать как саму процедуру судебного разбирательства, так и процесс подготовки к нему.

Стоит отметить, что в последнее время органами государственной власти предпринимаются серьезные меры, направленные на совершенствование материально-технических гарантий. В частности, 20 сентября 2012 г. Распоряжением Правительства РФ № 1735-р была утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [15].

2. Создание материально-технической базы, как обоснованно указывает Л.В. Гааг, обеспечивает действие организационных условий, одним из основных способов осуществления которых является побуждение адресата к исполнению закона. Для этого необходимо довести закон до предполагаемого исполнителя, разъяснить цели и задачи, основные положения, убедить, что реализация закона выгодна не только государству, но и прежде всего – исполнителю [13, с. 38]. По справедливому замечанию итальянского профессора M. Fabri, процессуальные реформы, не сопровождающиеся изменениями организационного характера, как правило, отрицательным образом сказываются на функционировании системы правосудия [16, с. 20].

В уголовном процессе главным организационным условием, гарантирующим, в том числе, и соблюдение разумных сроков при рассмотрении дел по существу, является деятельность судей и работников суда, направленная на разъяснение участникам судопроизводства его целей и необходимости добросовестного поведения для достижения таковых.

3. Что касается юридических гарантий, то они, как обоснованно указывает В.С. Нерсесянц, представляют собой «условия и факторы юридического характера, оказывающие непосредственное воздействие на процесс установления, упрочения и реального функционирования режима правовой законности и правопорядка» [17, с. 535].

В рамках настоящей статьи мы более подробно остановимся на рассмотрении уголовно-процессуальных гарантий.

М.С. Строгович рассматривал процессуальные гарантии как установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач правосудия [18, с. 56].

Л.Д. Кокорев также полагал, что уголовно-процессуальные гарантии представляют собой систему правовых средств, установленных законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам [19, с. 229–230].

Многие современные авторы придерживаются аналогичной точки зрения. Так, например, В.П. Божьев пишет о том, что процессуальные гарантии «внешне выражены в виде средств обеспечения как целей уголовного процесса вообще, так и прав его субъектов в частности» [20, с. 10].

К.Ф. Гуценко несколько расширяет перечень признаков рассматриваемого понятия, указывая на то, что к уголовно-процессуальным гарантиям относятся не только средства, но и условия, способы обеспечения точного и единообразного соблюдения закона в деятельности всех участников, вовлеченных в сферу судопроизводства, осуществления ими прав и обязанностей для достижения целей и решения задач уголовного процесса [21, с. 19].

В свою очередь, по мнению С.А. Александрова, «…уголовно-процессуальными гарантиями следует считать не правовые нормы или правовую деятельность, не правовые нормы и деятельность обособленно, а правовые нормы в органическом единстве с правовой деятельностью. Если закон – основа правовой деятельности, то правовая деятельность – средство осуществления закона. Иными словами, без норм права нет юридических гарантий. Вместе с тем сами по себе при отсутствии юридической деятельности правовые нормы не эффективны» [22, с. 9].

Полагаем, что между приведенными определениями отсутствуют какие-либо противоречия. Они характеризуют различные стороны рассматриваемого явления и соотносятся как его форма и содержание. Иными словами, содержание процессуальных гарантий раскрывается через такое понятие, как «средство», которое объективируется в нормах права и впоследствии реализуется путем осуществления правовой деятельности. В этой связи наиболее верной представляется позиция А.В. Лошкарева, который рассматривает правовые гарантии как правовые средства, выраженные в нормативно-правовых предписаниях, реализация которых может обеспечить или обеспечивает возможность реализации иных нормативно-правовых предписаний [23, с. 9].

Для того чтобы систему процессуальных гарантий принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» сделать более эффективной, в первую очередь необходимо выяснить, каковы основные причины, препятствующие его полноценной реализации.

В научной литературе выделяют такие причины нарушения разумных сроков судебного разбирательства в уголовном процессе, как возросшая нагрузка на судей вследствие непрерывного увеличения количества поступающих в суды уголовных дел, распространенная практика объявления перерывов в судебных заседаниях, отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве сроков рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции [24, с. 118], непроведение в стадии предварительного расследования судебно-психиатрических экспертиз [25, с. 38], возвращение уголовных дел прокурору [26, с. 4].

Рассмотрим каждую из названных причин более подробно.

1. Утверждение о том, что увеличение количества уголовных дел является серьезной причиной нарушения сроков уголовного судопроизводства, явно необоснованно, поскольку, как показывает статистика, за последние пять лет их число в одних регионах увеличилось незначительно, в то время как в других оно даже сократилось. Так, для рассмотрения по первой инстанции в районные суды Томской области в 2008 г. поступило 6 172 уголовных дела, а в 2012 г. – всего 4474; число уголовных дел, поступивших в районные суды Кемеровской области в 2008 г., составило 16180, а в 2012 г. – 16240; в Республике Хакасия данный показатель с 1082 в 2008 г. снизился до 828 – в 2012 г. [5–7].

В целом, по России количество поступающих в районные суды дел сократилось с 1 124006 в 2008 г. до 947647 в 2012 г. [8].

Вести речь о возрастании сложности дел также не приходится, поскольку, как мы уже указывали, большая часть из них рассматривается в особом порядке [5–8].

2. Что касается длительности производства экспертиз, то для решения данной проблемы, на наш взгляд, необходимы меры преимущественно материально-технического характера.

Стоит также добавить, что, согласно результатам нашего изучения практики (за период с 2008 г. по 2012 г.), необходимость проведения экспертиз на стадии судебного разбирательства возникает не так уж и часто. При рассмотрении уголовных дел по первой инстанции, в районных судах Томской области экспертизы проводились в 6,0 % случаев, в районных судах Кемеровской области – в 5,3 % , а в Республике Хакасия – только в 4,0 % дел.

3. В свою очередь, отложения судебных разбирательств производятся крайне часто и занимают значительную часть процессуального времени. Основной причиной этого явления служит неявка вызываемых в суд лиц. Так, среди изученных уголовных дел, рассмотренных районными судами Томской области, однократное отложение судебного разбирательства имело место в 35 % случаев, двукратное

– в 8 %, а отложение слушания 3 раза и более происходило по 29 % изученных уголовных дел; в 70,8 % случаев причиной отложения явилась неявка вызываемых в суд лиц. В районных судах Кемеровской области, однократное отложение слушания производилось в 29,3 % случаев; двукратное – в 14,6 % случаев; а на долю дел, отложение которых осуществлялось 3 и более раз, пришлось 11,3 %. При этом основной причиной отложения также явилась неявка участников судопроизводства – 80,7 %. Что касается Абаканского городского суда, то в нем количество отложений судебных разбирательств составило: 24 % – однократно, 12 % – двукратно и 10 % – 3 и более раз (из них 69, 6 % также в связи с уклонением от явки вызываемых в суд лиц).

Серьезность проблемы отложения судебных разбирательств по причине неявки участников процесса в суд подтверждается и практикой Европейского суда. Одним из ярких примеров нарушения разумного срока судебного разбирательства по данной причине является уголовное дело в отношении Казюлина. В ходе его рассмотрения подсудимый уклонялся от явки в общей сложности 25 раз (из них только 4 раза по уважительным причинам), неявка защитника имела место в 15 случаях; потерпевшие не являлись в 19 судебных заседаний, а свидетели – в 21 [27].

При рассмотрении уголовного дела в отношении Тугаринова также значительное число слушаний откладывалось в связи с неявкой участников: 3 – из-за неявки сообвиняемого, 4 заседания были отложены из-за болезни заявителя или его адвоката, 1 было отложено, поскольку защитник заявителя участвовал в другом процессе, 2 – из-за неявки защитника сообвиняемого и еще 3 – по причине неявки потерпевших или их адвокатов. По мнению Европейского суда, поведение сообвиняемого заявителя, защитников, потерпевших и свидетелей являлось одной из причин затягивания разбирательства. Ответственность за задержку, вызванную их неявкой в связи с уклонением судов от принятия к ним мер, должна быть возложена на государство [3].

Судопроизводство по уголовному делу в отношении Шерстобитова, по мнению ЕСПЧ, также было чрезмерно длительным. Как указал Европейский суд, большинство слушаний переносилось из-за неявки в суд свидетелей. Во время второго судебного производства, которое длилось примерно 1,5 года, суду пришлось переносить восемь из девятнадцати назначенных слушаний. Во время третьего производства, которое длилось примерно один год и восемь месяцев, тринадцать из двадцати семи слушаний переносилось по тем же причинам. Европейский суд не нашел никаких указаний на то, что суд воспользовался какими-либо мерами, предусмотренными российским законодательством, дабы повлиять на поведение свидетелей и обеспечить их явку в суд для того, чтобы дело было рассмотрено в разумный срок. Европейский суд, таким образом, пришел к выводу, что задержки из-за неявок свидетелей в суд и неспособности суда ее обеспечить происходили по вине российских властей [28].

Сказанное позволяет сделать вывод, что при совершенствовании системы гарантий реализации принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» решению проблемы многократного отложения судебных разбирательств по причине неявки вызываемых в суд лиц и затягиванию судопроизводства по данной причине следует уделить особое внимание.

4. Другая, не менее серьезная проблема, разрешение которой должно способствовать реализации исследуемого нами принципа, – возвращение уголовных дел прокурору.

Данное явление – не такое уж и распространенное, однако статистика свидетельствует о том, что в большинстве случаев оно влечет весьма существенное затягивание судопроизводства. Так, количество дел, поступивших обратно в суд в срок свыше одного месяца, в Томской области в 2008 г. составляло 4,5 % от общего числа возвращенных прокурору дел, а в 2012 г. – 23,0 %; в Кемеровской области данный показатель с 13,8 % в 2008 г. увеличился до 39,8 % в 2012 г., а в Республике Хакасия – с 16,6 до 26,6 %. Процент уголовных дел, срок возвращения которых превышает три месяца, также достаточно велик: в Томской области он возрос с 24,7 % в 2008 г. до 40,0 % в 2012 г.; в Кемеровской – с 16,0 до 23,3 % и только в Республике Хакасия снизился с 37,5 до 20,0 % [5–7]. Европейский суд также не раз указывал на то, что возвращение уголовных дел прокурору является причиной неоправданно длительных задержек в рассмотрении уголовных дел [3, 27, 29–30].

В научной литературе высказывается предложение пересмотреть нормы, регламентирующие возвращение уголовного дела, «с целью обнаружения тех скрытых резервов, реализация которых позволит либо не прибегать к рассматриваемой мере, либо максимально сократить сроки, в течение которых могут быть исправлены допущенные процессуальные нарушения, что в целом позволит сэкономить процессуальное время по конкретному уголовному делу» [26].

Мы полностью поддерживаем данную точку зрения и полагаем, что в ходе реформирования положений, регламентирующих институт возвращения уголовного дела прокурору, могут быть созданы эффективные гарантии реализации принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства».

5. Что касается отсутствия в УПК РФ предельных сроков рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции, то, на наш взгляд, данное обстоятельство также препятствует полноценной реализации исследуемого принципа, поскольку лишает правоприменителей главного ориентира для определения разумных временных границ рассмотрения дела и приводит к тому, что схожие по сложности уго-

ловные дела разными судьями рассматриваются с различной скоростью: иногда даже с разницей в месяцы.

Так, например, с момента назначения к слушанию уголовного дела № 09021262 [31], рассмотренного в 2009–2010 гг. Рудничным районным судом г. Кемерово (по трем эпизодам преступления, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УК РФ, с участием четырех потерпевших и одного подсудимого), до вынесения приговора прошло чуть менее трех месяцев. В то время как срок рассмотрения Кировским районным судом г. Кемерово аналогичного по сложности дела № 10030327 [32] в 2010 г. (по двум эпизодам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158, и одному эпизоду преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 162 УК РФ, с участием двух потерпевших и одного подсудимого) составил 23 дня. В обоих случаях судопроизводство осуществлялось в общем порядке, рассмотрение данных дел не приостанавливалось, экспертизы не проводились.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Действующих в настоящий момент гарантий принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» недостаточно. Для полноценной его реализации существует необходимость в создании дополнительных гарантий, которые устранят препятствия, способствующие затягиванию рассмотрения уголовного дела судами первой инстанции.

2. При создании таких гарантий особое внимание следует уделить вопросу регламентации в УПК РФ сроков рассмотрения уголовных дел по существу; реформированию института возвращения уголовного дела прокурору и совершенствованию норм УПК РФ, обеспечивающих явку вызываемых в суд лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нарушения*, признанные Европейским судом по правам человека [Электронный ресурс]: статистическая информация о деятельности Европейского суда по правам человека за период с 1959 по 2011 г. 2012. URL: http://europeancourt.ru/statistika-evropejskogo-suda / (дата обращения: 25.08.2012).
2. *Горощеня* (Goroschenya) против Российской Федерации: постановление Европейского суда по правам человека от 22 апреля 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 1. С. 7, 66–83.
3. *Тугаринов* (Tugarinov) против Российской Федерации: постановление Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 11. С. 8, 78–84.
4. *Бурдов* (Burdov) против Российской Федерации (№ 2) [Электронный ресурс]: жалоба № 33509/04: постановление Европейского суда по правам человека от 15 янв. 2009 г. // Европейский суд по правам человека. 2010. URL: http://europeancourt.ru/citatnik/burdov-protiv-rossii -n-2-postanovlenie-evropejskogo-suda (дата обращения: 25.02.2012).
5. *Отчеты* о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2008–2012 годы [Электронный ресурс] // Управление Судебного департамента в Томской области. 2008–2012. URL: http://usd.tms.sudrf.ru/ (дата обращения : 25.08.2012).
6. *Отчеты* о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2008–2012 годы [Электронный ресурс] // Управление Судебного департамента в Кемеровской области. 2008–2012. URL: http://usd.kmr.sudrf.ru/ (дата обращения: 25.08.2012).
7. *Отчеты* о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2008–2012 годы [Электронный ресурс] // Управление Судебного департамента в Республике Хакасия. 2008–2012. URL: http:// usd.hak.sudrf.ru/ (дата обращения : 25.08.2012).
8. *Отчеты* о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2008–2012 годы [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 2008–2012. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 25.08.2012).
9. *Полухин В.М.* Реализация разумного срока в уголовном процессе как правовая проблема укрепления российской государственности [Электронный ресурс]: Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство: право и управление. Апрель 2012. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1194&Itemid=105 (дата обращения: 09.07.2012).
10. *Желтобрюхов С.П.* Продолжение реформирования уголовного судопроизводства – необходимый шаг к быстрому рассмотрению дел // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 44–47.
11. *Трубникова Т.В.* Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
12. *Большая* юридическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 688 с.
13. *Гааг Л.В.* К вопросу о механизме обеспечения законности в обществе // Актуальные вопросы правоведения в современный период: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 37–39.
14. *О концепции* судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801–1 // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2011. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
15. *Концепция* федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
16. *Fabri M.* The Italian maze towards trials within reasonable time // The right to trial within a reasonable time and short-term reform of the European Court of Human Rights. Bled, Slovenia, 2009. P. 10–22.
17. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма, 1999. 552 с.
18. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 460 с.
19. Кокорев Л.Д. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1978. 303 с.

20. *Уголовный* процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. 574 с.
21. *Уголовный* процесс: учебник / В.И. Басков [и др.]; под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 1997. 509 с.
22. *Александров С.А.* Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе: учеб. пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. 124 с.
23. *Лошкарев А.В.* Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореф. дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2009. 25 с.
24. *Васяев А.А.* Соблюдение разумного срока судебного разбирательства // Уголовное право. 2009. № 5. С. 117–120.
25. *Погодин С.Б., Тугушев Р.Р., Макаров О.А.* Сокращение сроков расследования и судебного рассмотрения уголовных дел // Законность. 2010. № 1. С. 38–41.
26. *Тришева А.А.* Возвращение уголовного дела прокурору и разумный срок уголовного судопроизводства // Законность. 2011. № 5. С. 3–7.
27. *Казюлин* (Kazyulin) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 6. С. 3, 136–140.
28. *Шерстобитов* (Sherstobitov) против Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 10 июня 2010 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
29. *Облов* (Oblov) против Российской Федерации: постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 12. С. 136– 141.
30. *Поломошнов* (Polomoshnov) против Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 1 февраля 2012 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
31. *Судебное* дело // Архив Рудничного районного суда г. Кемерово. 2010. Д. № 09021262.
32. *Судебное* дело // Архив Кировского районного суда г. Кемерово. 2010. Д. № 10030327.

УДК 343.1 (477)

З.Ф. Дильна

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Исследован процессуальный статус и функция прокурора в стадии исполнения судебных решений в уголовном производстве Украины, а также полномочия прокурора при решении судом вопросов, связанных с исполнением судебных решений.

Ключевые слова: *прокурор, государственный обвинитель, процессуальный статус прокурора, стадия исполнения судебных решений, прокурорский надзор.*

Прокуратура представляет единую систему, деятельность которой направлена на утверждение верховенства закона, укрепления правового порядка и имеет своей целью защиту от неправомерных посягательств на закрепленные Конституцией независимость государства, общественный и государственный строй, политическую и экономическую систему, права национальных групп и территориальных образований, а также социально-экономические, политические, личные права и свободы человека и гражданина.

Понятие «прокуратура» происходит от латинского (procure), что значит «забочусь, обеспечиваю, предупреждаю». Следовательно, прокуратура призвана выполнять ряд функций, одной из которых является надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений в уголовных делах, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы. В свое время Б.М. Спиридонов отмечал, что органы прокуратуры обязаны обеспечить такой надзор за законностью исполнения наказания, чтобы ни одно нарушение законности в процессе отбывания наказания не осталось незамеченным и не устраненным и чтобы вопрос об ответственности осужденных решался на основании закона [1, с. 9].

Стоит отметить, что еще во времена существования Российской империи прокуратура осуществляла надзор по делам, которые на то время имели название «арестантских», с целью предупредить злоупотребление должностными и служебными лицами органов и учреждений отбывания наказания возложенных на них законом обязанностями. А именно, императорским Указом от 3 сентября 1733 г. прокуроры должны были осуществлять надзор за законным разрешением дел о «колодниках» (то есть арестантах), чтобы губернаторы и воеводы не использовали их для «частных», то есть личных потребностей под видом ареста, а также информировать генерал-прокурора о состоянии таких дел [2, с. 314]. В начале XX века с целью обеспечения контроля за условиями содержания осужденных, а также соблюдением их прав в местах лишения свободы были созданы такие органы, как Народный комиссариат и следственные комиссии, заданием которых было осуществление общего надзора за соблюдением бытовых условий и содержания осужденных во всех тюрьмах [3, с. 312]. С принятием Исправительно-трудового кодекса РСФСР в 1924 г. основными формами надзора прокурора были регулярные посещения и обследования мест лишения свободы, пересмотр личных дел осужденных, надзор за работой наблюдательных комиссий, рассмотрение жалоб. Наряду с постоянными посещениями и обследованиями прокурорами практиковались также внеплановые ночные и дневные проверки мест лишения свободы. В апреле 1934 г. была создана Прокуратура Союза ССР, к полномочиям которой было отнесено осуществление надзора за законностью и правильностью действий работников исправительно-трудовых колоний [4, с. 230].

В дальнейшем, в Украине, после провозглашения независимости, эта функция прокуратуры получила свое развитие в Конституции Украины, Законе Украины «О прокуратуре», приказах Генерального прокурора Украины. В Конституции Украины, в ст. 121, указано, что прокуратура осуществляет надзор за законностью при исполнении судебных решений в уголовных делах, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан, а также в Приказе Генерального прокурора Украины от 20.12.2012 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при исполнении судебных решений в уголовных делах, а также при применении других мероприятий принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан», отмечено, что приоритетными направлениями при осуществлении наблюдательной деятельности прокурора являются соблюдение конституционных прав лиц во время их пребывания в местах содержания задержанных, учреждениях предварительного заключения, выполнения наказаний и других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы, порядка и условий содержания задержанных и заключенных под стражу лиц и отбывание наказаний осужденными, законодательства, направленного на предотвращение неправомерного обращения с задержанными, заключенными под стражу и осужденными, законов во время осуществления оперативно-разыскной деятельности в учреждениях Государственной уголов-

но-исполнительной службы Украины, законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, законов в сфере предотвращения и противодействия коррупции в поднадзорных органах и учреждениях, законодательства об обращении граждан, обеспечения гарантий надлежащего рассмотрения и решения жалоб заключенных и осужденных. Кроме указанных выше нормативно-правовых актов, прокуроры в своей деятельности также должны руководствоваться Уголовным процессуальным кодексом, Уголовно-исполнительным кодексом, а также требованиями Общей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 г., Европейских пенитенциарных правил 2006 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Исследованию вопросов, которые касаются функций прокурора в уголовном производстве, посвятили свои труды такие ученые, как В.В. Николюк, С.А. Альперт, М.И. Бажанов, В.И. Басков, И.В. Вернидубов, В.В. Луцик, В.С. Зеленецкий, А.Б. Зозулинский, А.Я. Баев, Г.П. Среда, Л.М. Давиденко, В.М. Куц, А.М. Ларин, О.Р. Михайленко, М.В. Косюта, Ю.Е. Полянский, В.М. Савицкий, М.С. Строгович, М.В. Юрчишин и др. Однако на сегодня недостаточно исследованным остается вопрос относительно статуса и функций прокурора в стадии исполнения судебных решений в уголовном производстве. Собственно функциями прокуратуры являются основные направления деятельности прокуратуры, которые определены Конституцией и законами. Исследуя сущность и специфику функций, которые осуществляет прокурор в уголовном производстве, необходимо учитывать, на какой стадии уголовного производства осуществляются соответствующие полномочия прокурора, на какой объект направлена деятельность прокурора и какой объем его полномочий. Собственно, стадия исполнения судебных решений является завершающей стадией уголовного производства, имеет определенные особенности, которые касаются задач этой стадии, круга участников, а также их процессуального статуса, прав и обязанностей. В юридической научной литературе нет единой позиции о том, какую же функцию выполняет прокурор в этой стадии уголовного производства. По поводу этого среди ученых можно встретить разные точки зрения. Так, например, К.К. Арушанян отмечает, что прокурор в стадии исполнения судебных решений в уголовном производстве выполняет функцию государственного обвинения [5, с. 7]. Однако, по моему мнению, с таким утверждением нельзя согласиться. Если обратиться к понятию обвинения, то юридический словарь определяет его как деятельность (функцию) уполномоченных законом органов (в том числе и прокурора), содержание которой заключается в доказанности виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, цель которой совпадает с целями уголовного судопроизводства [6, с. 473]. В ст. 3 Уголовного процессуального кодекса Украины также содержится определение понятия государственного обвинения, под которым законодатель понимает процессуальную деятельность прокурора, которая заключается в доказанности перед судом обвинения с целью обеспечения уголовной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение. Следовательно, выходя из этих двух определений, можно утверждать, что деятельность прокурора в стадии исполнения судебных решений в уголовном производстве не может иметь обвинительного характера, поскольку в этой стадии решение суда уже вступило в законную силу, вина лица в совершении уголовного правонарушения доказана и реализация уголовной ответственности обеспечена, то есть цель правосудия достигнута. Кроме того, в данной стадии уголовного производства законодатель, в ст. 539 УПК Украины, в перечень лиц, которым дано право обращаться в суд с ходатайством о рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, включает и прокурора. Следовательно, в таком случае прокурор, будучи инициатором представления такого ходатайства, в том числе и в интересах осужденного, не может одновременно выступать и в качестве обвинителя.

В.П. Корж по этому поводу также отмечает, что процессуальная деятельность прокурора как субъекта уголовного преследования заканчивается именно на стадии исполнения наказания [7, с. 90]. Аналогичную мысль поддерживал и М.В. Косюта, который указывал, что государственное обвинение является функцией прокурора только в виде его поддержания перед судом, лишая таким образом прокурора функции государственного обвинения как элемента уголовного преследования на других стадиях уголовного производства [8, с. 75]. Конечно, можно встретить и противоположные мнения по этому поводу. Так, например, А.А. Тушев утверждает, что государственное обвинение на указанной стадии может осуществляться прокурором и заключаться именно в поддержании им ходатайства, направленного на недопущение незаконного улучшения положения осужденного, а также наложение на него дополнительных взысканий [9, с. 197].

В юридической литературе существует также и утверждение о надзорной деятельности прокурора в стадии исполнения судебных решений. Так, Б.М. Спиридонов придерживался мнения о том, что прокурор в этой стадии уголовного производства осуществляет функцию надзора [1, с. 27]. Отрицая такую позицию, И.Д. Перлов считал, что приписывать прокурору полномочия относительно наблюдения за законностью действий суда – значит ставить прокурора выше суда [10, с. 103]. Также и В.М. Савицкий отмечал, что «случай, когда сторона в суде одновременно присматривает за этим же судом, является бессмыслицей, если мы хотим не на словах, а в действительности создать независимую и авторитетную судебную власть» [11, с. 27]. Поддерживая мнение указанных ученых, считаю, что действительно утверждение о наблюдательной деятельности

прокурора в суде противоречит правовой природе судебной власти как независимой и самостоятельной ветки государственной власти, которая осуществляет свою деятельность без вмешательства любых лиц, органов или учреждений. Стоит отметить, что в действующем УПК Украины законодателем полностью оправдана исключенная норма ст. 25, которая действовала в УПК Украины до 1960 г., о том, что прокурор должен был во всех стадиях уголовного производства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения не исходили. Тем самым отмечается, что в судебных стадиях уголовного производства прокурор непосредственно не осуществляет функцию надзора.

Итак, все же какую функцию выполняет прокурор, участвуя в стадии исполнения судебных решений в уголовном производстве? Видимо, наиболее правильной является позиция В.Г. Даева, который указывал на то, что прокурор в уголовно-процессуальных производствах, не связанных с разоблачением лица в совершении преступления и назначением ему наказания, все же осуществляет функцию надзора, однако объектом такого надзора является не деятельность суда (или сам суд), а состояние законности, и при этом выводы прокурора по вопросам, которые возникают, имеют лишь рекомендательный характер [12, с. 5].

Как уже отмечалось, одной из функций прокурора есть осуществление надзора за исполнением судебных решений. С целью выявления нарушений закона при исполнении судебных решений прокурор имеет право в любое время посещать учреждения, в которых осужденные отбывают наказание, опрашивать лица, которые там находятся, знакомиться с документами, на основании которых эти лица осуждены, с их личными делами и тому подобное. В случае выявления прокурором нарушений прав и законных интересов осужденных или оснований для обращения в суд с целью решения вопросов, связанных с исполнением приговора, в частности об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким, прокурор должен с целью соблюдения законности и недопущения нарушений прав осужденных реализовать полномочия, предоставленные ему законодателем. В данном случае речь идет о правозащитной деятельности прокурора. То есть прокурор, обращаясь в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а также участвуя позже при рассмотрении такого ходатайства, будет отстаивать интересы осужденных лиц. Стоит отметить, что прокурор в таком случае не защищает осужденных, а лишь обеспечивает соблюдение законности и правопорядка, а приоритет остается за публичным интересом, поскольку в некоторых случаях прокурор будет отстаивать интересы государства и общества, которые заключаются в изоляции осужденных, например, при решении вопросов о направлении освобожденного от наказания с испытанием для отбывания наказания, назначенного приговором. Поэтому прокурор в этом случае должен оценить возможность принятия решения с позиции обеспечения как общественных интересов, так и интересов осужденных. В.П. Корж также выразил мнение о том, что прокурор в уголовном производстве при решении вопросов, связанных с исполнением судебных решений, является гарантом прав и свобод участников процесса, то есть осуществляет в суде правозащитную деятельность [13, с. 81]. На сегодня в действующем законодательстве Украины отдельные аспекты правозащитной деятельности прокурора закреплены в Законе Украины «О прокуратуре», а именно в ст. 4 указано, что деятельность органов прокуратуры направлена на всемерное утверждение верховенства закона, укрепление правопорядка и защиту от неправомерных посягательств, гарантированных Конституцией, другими законами Украины и международными правовыми актами социально-экономических, политических, личных прав и свобод человека и гражданина. В п. 3 ч. 1 ст. 6 также указано, что органы прокуратуры Украины защищают в пределах своей компетенции права и свободы граждан на принципах их равенства перед законом, независимо от национального или социального происхождения, языка, образования, отношения к религии, политическим убеждениям, служебному или имущественному положению.

Следует также отметить, что позитивным для разграничения функции прокурора в стадии исполнения судебных решений и других стадий уголовного производства было бы различие в УПК понятия государственного обвинителя и прокурора, что сделано в ст. 5 УПК Российской Федерации. То есть необходимо указать в ст. 3, где содержится определение основных терминов, что государственным обвинителем является должностное лицо органа прокуратуры, которое поддерживает от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, тогда как прокурором признается Генеральный прокурор, подчиненные ему прокуроры, их заместители и другие должностные лица органов прокуратуры, которые участвуют в уголовном производстве и наделены соответствующими полномочиями. В таком случае необходимо и в других статьях УПК, которые касаются судебного рассмотрения и решения уголовного дела, применять термин «государственный обвинитель», а в разд. 8, который касается стадии исполнения приговора, правильно применять термин «прокурор». Поскольку полномочия прокурора на этих разных по своей природе стадиях уголовного производства являются разными и имеют свои особенности, считаю, что такое разграничение функций прокурора является уместным и правильным и позволяет более точно определить направление деятельности прокурора в стадии исполнения судебных решений в уголовном судопроизводстве.

В действующем уголовном процессуальном кодексе Украины, принятом 13.04.2012 г., а именно в ст. 36 определен статус и полномочия прокурора в

уголовном производстве. Однако положения, которые содержатся в настоящей статье, не касаются стадии исполнения судебных решений. О прокуроре, как участнике на этой стадии, упоминается лишь в ст. 539, которая предусматривает порядок решения вопросов, связанных с исполнением приговоров. Именно в этой статье указано на право прокурора инициировать рассмотрение таких вопросов, участвовать в их рассмотрении, а также право обжалования принятых по результатам рассмотрения этих вопросов решений. Имеются, конечно, и пробелы в законодательстве касательно вопроса об участии прокурора в этой стадии производства. Например, законодатель, указав на то, что неприбытие в судебное заседание прокурора, который был должным образом поставлен в известность о месте и времени рассмотрения ходатайства (представление), не препятствует проведению судебного разбирательства, кроме случаев, когда его участие признано судом обязательной или он сообщил об уважительных причинах неприбытия, тем же определил такое участие прокурора факультативным, то есть необязательным. При этом решение вопроса об обязательности участия прокурора вынесено законодателем на усмотрение суда, и перечень случаев такого участия на законодательном уровне не определено.

О.В. Воронин также указывает на факультативное участие прокурора, обосновывая это тем, что лишь суд является активным в исследовании вопросов, связанных с исполнением приговора [14, с. 77]. Думаю, что такая позиция является неправильной, ведь прокурор должен в любом случае быть обязательным участником такого производства, поскольку должен придерживаться принцип состязания сторон, который, конечно, в этой стадии уголовного производства имеет свои особенности.

Б.М. Спиридонов, по поводу обязательного участия прокурора при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, правильно отметил, что когда речь идет об изменении наказания осужденному, а это и происходит при решении некоторых вопросов, участие прокурора должно быть обязательным [1, с. 12]. Другим недостатком законодательства, касающимся этой стадии, является также то, что законодателем вообще не регламентируются полномочия прокурора при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. То есть упоминается только о праве ходатайствовать о решении вопросов, связанных с исполнением приговоров, тогда как других полномочий не указано. Например, право прокурора заявлять отводы в ходе судебного рассмотрения, заявлять ходатайства, например, об истребовании дополнительных доказательств, материалов или вызова в суд тех или других лиц, в случае, если прокурор считает, что материалов, представленных суду недостаточно для полного и всестороннего рассмотрения соответствующего вопроса, или правом заявлять ходатайство о возвращении дела для устранения недостатков. Одновременно законодателю стоило бы также закрепить норму, которая бы определяла порядок и сроки устранения таких недостатков. Это бы значительно усилило защиту прав и законных интересов осужденного, недопущение ухудшения его положения, в частности, в тех случаях, когда в удовлетворении ходатайства администрации мест отбывания наказания об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания суд откажет в связи с выводом прокурора о недостаточности материалов. Ведь в таком случае повторное обращение с таким ходатайством возможно лишь по истечении 6-месячного срока, а в отдельных случаях через 1 год.

Считаю, что деятельность прокурора при решении вопросов, которые возникают в стадии исполнения судебных решений, должна начинаться еще до судебного заседания, то есть с того времени, когда дело пришло к прокурору из учреждения или органа исполнения наказаний с ходатайством относительно соответствующего вопроса, которое подлежит решению в суде. Хотя законодатель и наделяет правом учреждение или орган исполнения наказаний обращаться лично в суд с ходатайством относительно решения соответствующего вопроса, связанного с исполнением приговора, но на практике, как правило, сначала такое ходатайство попадает к прокурору. В таком случае прокурор обязан проверить, от надлежащего ли субъекта пришло ходатайство, соблюдены ли определенные в законе основания, которые касаются срока отбывания наказания, и были ли соблюдены сроки представления повторного ходатайства, если речь идет об условно-досрочном освобождении от наказания после отказа в удовлетворении этого ходатайства раньше. Проверив дело, прокурор должен или утвердить ходатайство и передать дело в суд, или, в случае выявления несоответствия такого ходатайства требованиям закона, принять обоснованное решение о возвращении дела в учреждение или орган исполнения наказаний. Однако в случае несогласия с ходатайством по другим основаниям прокурор должен направить дело в суд с сопроводительным листом, в котором может отметить свои замечания.

Разделяю мнение Б.М. Спиридонова о том, что прокурор должен также следить и за тем, были ли обеспечены права осужденного во время судебного разбирательства, а именно, было ли удовлетворено ходатайство осужденного о допуске защитника к участию в судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, и другие его права. Стоит отметить, что проведенным автором исследованием в форме опроса среди осужденных лиц, установлено, что в большинстве случаев (а именно 70 из 100 опрошенных на это указали) мнение осужденного по поводу желания иметь защитника вообще не учитывается, то есть даже не спрашивается. Хотя, поскольку законодатель не определил участие защитника на этой стадии производства обязательным, соответственно в каждом случае необходимо учитывать мнение самого осужденного. Также, по мнению Б.М. Спиридонова, про-

курор вправе изложить свои рассуждения по поводу места разбирательства дела, а именно о целесообразности проведения выездного судебного заседания по месту отбывания осужденным наказания [1, с. 27]. Кстати, что касается вопроса выездных судебных заседаний, то в действующем УПК этот вопрос не урегулирован. Лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда «О задании судов Украины по повышению уровня правосудия» указано о необходимости повышать уровень организации и проведения выездных судебных заседаний. Хотя на практике очень часто возникает необходимость проводить такие заседания с целью как процессуальной и материальной экономии, так и с воспитательной целью.

По окончании рассмотрения судом вопросов, которые обсуждаются на судебном заседании, прокурор должен сделать свой обоснованный вывод о том, поддерживает ли он заявленное ходатайство или опровергает, и высказать свое мнение по поводу решения, которое должен принять суд.

Следовательно, подытоживая вышесказанное, следует отметить, что одной из главных задач прокуратуры является защита прав человека. Надзор за законностью при исполнении судебных решений в уголовных делах является важным направлением деятельности прокуратуры, и его определение законодателем является гарантией охраны прав, свобод и законных интересов граждан, которые находятся в органах и учреждениях выполнения наказаний, а также предупреждения и своевременного устранения их нарушений, и главная задача при этом – не допустить нарушения прав и законных интересов осужденных, неспособных в полной мере самостоятельно защищать свои права. Однако не менее важной является и роль прокурора в уголовном производстве при решении вопросов, связанных с исполнением судебных решений. Это требует определения в законодательстве статуса прокурора на этой стадии, его функций и полномочий. С этой целью законодателю следовало бы внести соответствующие дополнения в ст. 36 УПК Украины, которые касались бы именно полномочий прокурора в стадии исполнения судебных решений, одновременно признавая его участие обязательным. Соответственно и в разд. 8 Уголовного процессуального кодекса Украины, который касается стадии исполнения судебных решений, в ст. 539, которая регламентирует процессуальный порядок решения вопросов, связанных с исполнением приговора, более детально регламентировать статус прокурора в этой стадии, момент вступления прокурора к судопроизводству. Соответствующие изменения следует внести и в Закон «О прокуратуре». Это, я считаю, даст возможность выяснить функцию и особенности деятельности прокурора в стадии исполнения судебных решений как отдельный, самостоятельный вид деятельности, а также будет способствовать укреплению законности и более полной реализации принципа верховенства права, которая является общеобязательной нормой уголовного производства наивысшего уровня, и других принципов уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спиридонов Б.М.* Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1978. 204 с.
2. *Курочка М.Й., Каркач П.М.* Прокурорский надзор в Украине: учебник МВД Украины. Луган. акад. внутр. дел им. 10-летия независимости Украины / за ред. проф. Е.О. Дидоренка. Луганск, 2004. 424 с.
3. *Декреты* Советской власти / ред. Комис. Г.Д. Обичкин. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.
4. *Александров Г.Н.* Советская прокуратура: сборник важнейших документов / под общ. ред. М.П. Малярова. М.: Юрид. лит., 1972. 408 с.
5. *Арушанян К.К.* Функции прокурора в уголовном судопроизводстве по исполнению судебных решений // Журнал Академии адвокатуры Украины. 2012. № 4 (17). С. 1–7.
6. *Юридический* словарь / под ред. Б.М. Бабия, Ф.Г. Бурчака, В.М. Корецкого, В.В. Цветкова. 2-е изд., перераб. и доп. К., 1983. 872 с.
7. *Корж В.П.* Уголовное преследование лица, которое совершило преступление // Вестник прокуратуры. 2009. № 8. С. 85–90.
8. *Косюта М.В.* Актуальные вопросы поддержки государственного обвинения в суде // Право Украины. 2001. № 8. С. 71–75.
9. *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 325 с.
10. *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1955. Ч. 2. 248 с.
11. *Савицкий В.М.* Стержневая функция прокуратуры при осуществлении уголовного преследования // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 24–28.
12. *Даев В.Г.* Судебно-правовая реформа и законность // Эффективность уголовно-правовых и процессуальных норм в борьбе с преступностью: межвуз. тематич. сб. научных трудов. Калининград, 1993. 323 с.
13. *Корж В.П.* Концептуальные принципы реформирования функций прокуратуры // Вестник прокуратуры. 2007. № 8. С. 74–82.
14. *Воронин О.В.* Некоторые проблемы участия прокурора при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 4(17). С. 74–79.

УДК 343.131.8

Д.А. Мезинов

«ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: К ДИСКУССИИ ПО ЗАКОНОПРОЕКТУ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В связи с предложением Следственного комитета Российской Федерации о введении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации института установления объективной истины по уголовному делу в статье критически анализируются высказанные в ходе возникшей научной дискуссии мнения. Автор не считает правильным использование в законе словосочетания «объективная истина», обосновывая выводы об отсутствии точных критериев достижения объективной истины в уголовном процессе, о несовпадении понятий «объективная истина» и «достоверные выводы об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах», о возможности и необходимости достижения таких выводов в ходе доказывания по уголовному делу, рассматривая их в качестве юридической (судебной) истины.

Ключевые слова: *УПК РФ, объективная истина, критерии достижения объективной истины, достоверность, юридическая (судебная) истина.*

Вследствие вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации [1, 2] проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (далее – законопроект), на страницах отечественной юридической печати обострилась уже казалось бы утихшая дискуссия по вопросам о необходимости, возможности и критериях достижения в уголовном процессе так называемой объективной истины, как следствие, и о целесообразности внесения в отечественный уголовно-процессуальный закон соответствующих изменений, в том числе закрепления в нем понятия «объективная истина». Так, большое число отечественных ученых-процессуалистов – всего 31 человек – участвовало в данной дискуссии в специальной рубрике журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал» № 4(5) 2012 г. Спектр высказанных мнений по обозначенным вопросам получился очень широк, при этом на вопрос о необходимости закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законе понятия «объективная истина» положительный ответ, по сути, дали 18 авторов (в том числе главный редактор журнала А.Г. Волеводз [3]), отрицательный ответ – 13 авторов, часть из которых в целом все же не отказалась от рассмотрения объективной истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе.

Приступая к изложению и обоснованию своего мнения по обозначенным вопросам, прежде всего, с позиции здравого смысла, автор настоящей статьи не усматривает ничего плохого в стремлении суда, а также должностных лиц стороны обвинения к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующем естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности». Думается, это нормально и адекватно как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности. При этом полагаю возможным согласиться с Л.В. Головко, считающим принцип материальной истины имманентно присущим отечественному уголовному процессу как сформированному в континентальной правовой системе [4, с. 76–84], соответственно считаю оправданным рассмотрение объективной, а точнее материальной, истины в качестве цели (т.е. идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в нем. Так, применительно к отечественному уголовному процессу (и уголовно-процессуальному праву) можно утверждать, что несмотря на возможные оговорки, например высказанные авторами концепции самоограничения государства [5], он изначально все же связан с уголовным правом – служит реализации его норм, обеспечению ***правильного применения уголовного закона*** («процесс – форма жизни материального закона»). Правильно применить уголовный закон означает применение его именно к ***действительно виновному лицу*** и в мере, соответствующей степени его вины, – в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления, отражая их в материалах уголовного дела, в полном и точном соответствии с объективной действительностью, т.е. устанавливать объективную (материальную) истину по уголовному делу.

Уголовное право, как известно, – отрасль публичного, а не частного права, и, выполняя по отношению к нему служебную роль, уголовный процесс должен в полной мере обеспечивать соответственно публичное начало. В то же время, как верно отметил противник законопроекта А.С. Александров, в уголовном процессе должно обеспечиваться и частное начало, оба начала (частное и публичное) находятся в диалектическом единстве и борьбе противоположностей, при этом «публичный интерес состоит в том, чтобы наказать виновного», а «частный интерес заключается в создании гарантий гражданских прав и свобод на защиту» [6, с. 144]. Он же утверждает, что под концепцией «объективной истины» скрывается стремление к доминированию публичного на-

чала [6, с. 144]. Но нельзя допустить и другую крайность – доминирование частного начала. Думается, что утверждение объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания есть важное условие обеспечения в уголовном процессе публичного начала – действительно виновный должен быть наказан, к нему должен быть правильно применен уголовный закон. Автоматически стремление к достижению этой цели не влечет доминирования публичного начала над частным. Будет ли публичное начало доминировать над частным, зависит от многих условий, в частности от создания и действительного соблюдения гарантий прав участников процесса. Само по себе рассмотрение в качестве цели доказывания объективной (материальной) истины в той же мере служит обеспечению ***публичного начала*** уголовного процесса, во всяком случае, в континентальных правовых системах, в какой, например, презумпция невиновности служит обеспечению частного начала. Важно и то и другое, первое не должно отрицать второго, и наоборот.

Разумеется, необходимо обязательно оговориться, что не «любыми средствами» суд, а также должностные лица стороны обвинения должны реализовывать стремление к установлению объективной (материальной) истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности», и требования уголовно-процессуальной формы являются теми пределами, которые все же ограничивают это обеспечивающее в уголовном процессе публичное начало стремление в мере, необходимой для обеспечения его частного начала. Таким образом, рассмотрение объективной (материальной) истины в качестве цели (т.е. идеального желаемого образа будущего результата) доказывания и соответствующее стремление суда и должностных лиц стороны обвинения к её достижению путем принятия всех допустимых законом мер естественны для отечественного уголовного процесса, как исходно развивающего в рамках континентальной правовой системы.

Между тем, несмотря на приведенные суждения, согласиться со сторонниками закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законе понятия «объективная истина» автору настоящей статьи не позволяет, прежде всего, ***отсутствие точных критериев*** достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято называть объективной истиной. Необходимость использования таких критериев вызывает опосредованность (реконструируемость по следам) получаемых в нем знаний об устанавливаемых фактах, как известно всегда являющихся для суда и других субъектов уголовного процесса событиями прошлого (как, например, и события, реконструируемые в исторических знаниях).

Прежде всего, для судей, как и для субъектов расследования, прокуроров и иных профессиональных участников уголовного процесса, в силу правил об отводе, недопустимо быть непосредственными наблюдателями (очевидцами) действительного существования устанавливаемых по уголовному делу фактов. Поэтому непосредственное наблюдение и восприятие этих фактов в качестве критерия истинности знаний об этих фактах в уголовном процессе рассматриваться не может.

Проявление закономерностей объективной действительности, в том числе определенных событий прошлого, можно наблюдать и в искусственно и досконально воссозданных экспериментальных условиях. Успешность такого рода экспериментов является главным критерием истинности знаний в области математических, естественных и технических наук (где и содержатся образцы подлинно научного знания). Однако в уголовно-процессуальном познании проведение подобных экспериментов, предполагающих максимально полные управление причинами изучаемого явления и воссоздание условий, на него влияющих, исключено. Преступление, как изучаемое в уголовном процессе явление, имеет общественную природу, и полное искусственное воссоздание причин и условий такого рода явлений в ходе эксперимента невозможно. Кроме того, в отношении преступления такой «эксперимент» в случае его успешности будет повторным совершением этого преступления.

Очевидно, не подходят для уголовного процесса и философские рассуждения советского периода о практике как критерии истинности знаний, получаемых судом по результатам рассмотрения конкретного уголовного дела [7, с. 340–342; 8, с. 60–62; 9, с. 91– 104], которые поддерживаются некоторыми современными авторами [10, с. 220] По существу, советские процессуалисты проявление практики как критерия истины в уголовном процессе видели в качественной деятельности (всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела и т.п.) следователей и судей, но, по верному замечанию Д.П. Туленкова, «все это характеризует познавательную деятельность лишь как способ ее осуществления, однако не критерий истинности выводов» [11, с. 31].

Практику в качестве критерия истины, как отмечено А.Ф. Лубиным, в известной мере можно рассматривать, имея в виду распространенную судебную практику. «При этом нужно учесть, – пишет он, – что достигается объективная истинность тех уголовно-процессуальных решений, которые были вынесены в прошлом, как тенденция и закономерность» [12, с. 30]. Однако применительно к производству по конкретному уголовному делу считать практику критерием истины неуместно. Дополнительные аргументы в обоснование этого вывода приводит и А.А. Козявин, уделивший отдельное внимание критике рассмотрения практики в качестве такого критерия [13, с. 112–115]. Вообще же попытка распространить на производство по конкрет-

ному уголовному делу философское понимание практики как критерия истинности получаемых в нем знаний об устанавливаемых фактах, думается, была явно неудачной и искусственной (видимо, в силу идеологических причин).

В качестве критерия соответствия объективной истине получаемого в уголовном процессе знания рассматривается также внутреннее убеждение суда в действительном существовании установленных и описанных им в решении фактов [14, с. 47; 15, с. 179–182; 16, с. 180–185; 11; 10, с. 221]. Действительно, к такому внутреннему убеждению суд должен и в большинстве случаев может прийти при принятии своего решения по делу, однако означает ли его наличие у суда, что его знания-выводы гарантированно полно и точно соответствуют самим исследованным фактам – событиям прошлого?

По классическому для советского периода и, надо признать, актуальному для настоящего времени определению М.С. Строговича: «Внутреннее убеждение есть *разумная уверенность* советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела» [7, с. 337]. Уместно также привести его высказывания о том, что «внутреннее убеждение – всегда ***субъективно***», оно «есть ***субъективное*** выражение объективной истины» [7, с. 339]. Думается, сам по себе фактор субъективности внутреннего убеждения, его отнесенности к малоконтролируемым самим субъектом познания явлениям его психической реальности, которые непосредственно не изучаются из вне, а потому представляются лишь умозрительно, свидетельствует об отсутствии гарантий точности этого критерия для определения объективной истинности знаний-выводов суда (других субъектов уголовного процесса), да и ставит вопрос о точности прилагательного «объективная» для обозначения истины.

Далее, разработчики законопроекта по существу считают, что достижение объективной истины по уголовному делу гарантируется достоверностью (обусловленной главным образом правильным логическим познанием) выводов суда об устанавливаемых фактах [2; 17, с. 252]. Тем самым понятия «достоверность» и «объективная истина», по сути, отождествляются, что было характерно и для работ многих отечественных процессуалистов советских времен [7, с. 326; 18, с. 27; 19, с. 58–59]. Есть серьезные аргументы для возражений против такого понимания, которые также не позволяют согласиться со сторонниками закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законе понятия «объективная истина».

Достоверность, по верному мнению Г.М. Резника, характеризует обоснованность знания, его доказанность, а объективная истина может выступать не только в форме доказанного, обоснованного знания, но и в виде гипотезы [20, с. 63]. При этом достоверное знание является знанием не только уже проверенным, но и в любой момент времени «подлежащим поверке» [21, с. 171], т.е. всегда открытым для проверки. Следует также признать фактор субъективности (т.е. зависимости от субъекта познания) достоверного знания. Так, то, в каких случаях выводы суда об устанавливаемых по уголовному делу фактах можно считать достоверными, зависит от характерных для конкретной исторической эпохи познавательных возможностей субъектов уголовно-процессуального доказывания, в том числе от развития языковых средств отражения и передачи сведений о произошедших в прошлом фактах [22, с. 232–274]. Субъекты уголовно-процессуального доказывания, да и общество в целом, к которому обращены их выводы, руководствуются сложившимся пониманием относительно того, какие знания в определенных ситуациях, при определенной доказательственной базе следует считать достоверными и соответственно ***признавать*** «объективно» истинными. Это понимание складывается в результате научных исследований, развития законодательной и судебной практики, а также влияния иных общественных факторов, например идеологии, политики, творчества (литературы, кинематографа и др.). В результате действия отмеченных факторов оно приобретает характер своеобразно согласованного понимания, т.е. с ним согласны все или большинство людей в определенном обществе и в определенную историческую эпоху. В этом смысле можно условно говорить о конвенциональном характере [22, с. 272–273] истины (т.е. ее обусловленности договоренностью, соглашением людей) во всех случаях ее установления по уголовному делу, а не только в случаях, когда решение по делу обусловлено прямо предусмотренным законом, например главами 40 и 40.1, ст. 25 УПК РФ, соглашением сторон, т.е. основано на так называемой конвенциальной [23, с. 21–22] истине.

Достаточно точно субъективный характер достоверного знания передан в высказываниях Г.М. Резника и В.Ю. Миронова. «Объективная истинность знания, – отметил Г.М. Резник, – не зависит от субъекта с его способами рассуждения и доказательства; достоверность знания, напротив, целиком определяется уровнем развития средств познания, которыми субъект обладает» [20, с. 64]. В свою очередь, В.Ю. Мироновым сделан вывод о том, что «достоверность выводов следствия и суда в уголовном процессе России носит субъективную природу, ибо представляет собой несомненность знания, обусловленную доказанностью наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих установлению в порядке расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела» [24, с. 111].

Верно замечено также, что «вывод суда, основанный на исследованных в судебном заседании доказательствах, является достоверным (достойным веры) в том смысле, что в ходе судебного разбира-

тельства не появилось чего-либо, что можно было бы ему противопоставить, что давало бы повод усомниться в этом» [11, с. 32]. Как уже отмечалось, знания-выводы об устанавливаемых по уголовному делу фактах, всегда относящихся к прошлому времени, являются реконструкцией по отразившим на себе эти факты следам. Вывод о достоверности доказательств – носителей этих следов – в каждом случае оценки конкретного доказательства всегда условен, относителен. Например, применительно к показаниям свидетеля такими условиями признания их достоверными являются: отсутствие выявленной субъектом доказывания заинтересованности свидетеля в исходе дела, отсутствие выявленных данным субъектом субъективных и объективных препятствий для правильного восприятия и запоминания этим свидетелем фактов, о которых он дает показания, а также правильного воспроизведения им сведений об этих фактах.

Возможности выявления всех обстоятельств, необходимых для оценки достоверности собранных доказательств, для любого субъекта доказывания всегда ограничены как субъективными, так и объективными условиями процесса познания исследуемых по уголовному делу фактов. Так, многие следы (в широком смысле этого термина) событий прошлого могут являться не только искаженным отражением этих событий, но и просто исчезнуть как в силу объективных природных процессов, так и в результате преднамеренных действий заинтересованных лиц. Правильно утверждается, что уголовно-процессуальное доказывание нельзя уподоблять логической демонстрации, математическому доказыванию, поскольку готового знания в уголовном процессе нет, его еще надо получить [6, с. 144]. Вследствие главным образом особенностей получения знаний в уголовном процессе, нет оснований отождествлять достоверные выводы суда по уголовному делу с объективной истиной по нему, т.е. считать достоверность выводов суда абсолютно точным критерием достижения такой истины.

В литературе уместно отмечено, что в этимологической расшифровке слово «достоверность» означает «***достойный веры***» [25, с. 41], чем достаточно точно передается смысл этого понятия. Иными словами, достоверное знание – это знание, придающее познающему субъекту веру в истинность этого знания, ***уверенность*** в этом, т.е. вызывающее у него ничто иное, как внутреннее убеждение. Учитывая изложенное выше, внутреннее убеждение судьи (а также следователя, прокурора) точно рассматривать в качестве критерия именно достоверности его знаний-выводов об устанавливаемых им по уголовному делу фактах, а не «объективной» истинности этих выводов-знаний, что характерно для работ ученых советского времени [7, с. 337, 339], а также некоторых современных авторов [10, с. 221]. Уместно здесь привести высказывание Л.Е. Владимирова: «Внутреннее убеждение как мерило уголовно-судебной достоверности означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, то есть та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обусловливающих самый акт решимости» [14, с. 47].

Относительно характера внутреннего убеждения, которого должен достигнуть суд при формулировании своих выводов об устанавливаемых по уголовному делу фактах, адекватным реальности представляется понимание внутреннего убеждения судьи как личной достоверности в немецкой теории уголовного процесса. Так, Б.А. Филимонов, проанализировав соответствующее германское законодательство, пояснил: «Судейское убеждение – это основанная на жизненном опыте достоверность, которой ***не противоречит разумное сомнение***… Под достоверностью здесь понимается не математическая, а практическая достоверность, доступная человеческому познанию, которая в силу своей сущности может быть и опровержимой… Эта личная достоверность необходима, но и достаточна для осуждения подсудимого. Понятие убеждения ***не исключает*** возможности существования и иных, противоположных, обстоятельств дела. Скорее всего, это относится к природе убеждения, поскольку очень часто остается субъективная возможность сомнения» [26, с. 76].

Действительно, наличие у судьи внутреннего убеждения, дающего ему право на вынесение приговора (особенно обвинительного), предполагает отсутствие у него не абсолютно всяких сомнений, а неустранимых (ч. 3 ст. 14, п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ), точнее неустранимых ***разумных сомнений*** [27, с. 639; 28, с. 19], поскольку некоторые сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Еще В.К. Случевский точно отметил: «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования» [29, с. 379]. Для достижения достоверных выводов разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта познания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными, а какие невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Против стандарта (принципа) «вне разумных сомнений» выступили разработчики и сторонники законопроекта. Так, Г.К. Смирнов считает, что этот стандарт противоречит требованию об установлении объективной истины, «заменив её критерием разумной доказанности» [17, с. 250]. В то же время противник законопроекта А.С. Александров веско замечает: «Что же касается собственно концепции “отсутствия разумного сомнения” (*beyond a reasonable*

doubt), то она нормативно закреплена в ст. 49 Конституции РФ, в ст.ст. 7, 8, 14, 19 и ч. 4 ст. 299 УПК РФ. Она неразрывно связана с состязательностью (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), свободой оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ), она составляет неотъемлемую часть любой развитой системы уголовного правосудия… является стержневой не только для англо-американской правовой семьи, но и романо-германской – тоже» [6, с. 145].

Складывается впечатление, что непринятие разработчиками и сторонниками законопроекта стандарта «вне разумных сомнений» происходит по инерции, вслед за советскими разработчиками концепции «объективной истины», также отвергавшими этот стандарт (в основном по идеологическим причинам – как «буржуазный» и т.д.).

В этой связи возникает вопрос: что предлагается взамен этого стандарта? Внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения? Возможно ли такое убеждение у ***вменяемого, объективно и разносторонне*** (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии?

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорам, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельства каждого совершенного преступления был бы бесконечен.

Итак, в уголовном процессе судом могут и должны быть в большинстве случаев достигнуты основанные на его внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) достоверные (достойные веры), предельно обоснованные доказательствами знания-выводы об устанавливаемых фактах. Использование понятия «объективная истина» для обозначения таких знаний-выводов, ввиду описанных выше особенностей устанавливаемых в уголовном процессе фактов, а также самой деятельности по получению этих знаний-выводов, нельзя признать удачным. Такие знания-выводы признаются общественностью в качестве «объективной» истины по уголовному делу, но это происходит в силу сложившегося в данном обществе в данную историческую эпоху конвенционального понимания того, что в определенных ситуациях считать такой истиной. Эти выводы могут (и, вероятно, будут в большинстве случаев, учитывая современную развитость средств доказывания) соответствовать объективной действительности, но могут и не соответствовать, при этом точного критерия определения такого соответствия, т.е. критерия, позволяющего однозначно свидетельствовать о достижении объективной истины судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе, не существует. Поэтому рассмотрение применительно к отечественному уголовному процессу объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания, т.е. идеального желаемого образа его будущего результата, не должно означать необходимость закрепления в законе безусловной обязанности суда и должностных лиц стороны обвинения достигать в своих знаниях-выводах то, что принято называть таковой истиной. Как верно отмечено и А.С. Александровым, следует различать стремление к истине и нормативное предписание об обязанности её достижения [6, с. 7].

Ввиду сказанного, следует ставить вопрос не об обязанности достижения в уголовном процессе «объективной» истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а о необходимости достижения судом (а также и должностными лицами стороны обвинения) основанных ***на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) достоверных*** (достойных веры), предельно обоснованных доказательствами знаний-выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как истинные.

По изложенным выше причинам безоговорочно назвать достоверные (в обозначенном смысле) знания-выводы суда объективной истиной нельзя, даже если суд (а также должностное лицо стороны обвинения) считает, что в своих выводах достиг такую истину и стремился к этому в силу её закрепления в законе в качестве цели доказывания. Не являлись исключением и выводы, делаемые судами в своих приговорах в период действия советского законодательства, к которому разработчики и сторонники законопроекта относят положительный опыт реализации концепции «объективной истины». Поэтому эти реально достигаемые в ходе уголовного судопроизводства процесса знания-выводы более правильно называть ***юридической*** или ***судебной*** истиной. Поскольку такая истина – или, по терминологии Л.Е. Владимирова, В.К. Случевского, ***уголовно-судебная достоверность*** [14, с. 47; 29, с. 380] – должна быть ***удостоверена*** допустимыми и исследованными в ходе судебного следствия доказатель-

ствами, и именно её суд должен представить общественности, изложив в своем приговоре.

Юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах и её, вопреки мнению разработчиков законопроекта [17, с. 250], следует отличать от формальной истины, характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциальной истиной, являющейся в известном смысле разновидностью формальной истины, т.е. с возможностью разрешения уголовного дела при признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон (в современном УПК РФ предусмотрена главами 32.1, 40 и 40.1, ст. 25 и некоторыми другими). Также необходимо отграничение от так называемой «презумпционной» истины, например от установленной согласно презумпции невиновности, кладущейся в основу разрешения уголовного дела при исчерпании возможностей её опровержения.

Уместно привести здесь замечание В.М. Корнукова о том, что юридическая истина неправомерно противопоставляется объективной истине и используется как синоним формальной. «Этимологически юридическая истина, – пишет он, – означает то, что доказано и признано в установленном правом порядке и нашло отражение в соответствующем процессуальном решении, вступившем в законную силу» [30, с. 159]. В свою очередь, Н.Г. Стойко верно отмечает: «При этом истина как познавательный ориентир идеальна, как познавательный результат – реальна, а потому в условиях уголовного процесса всегда имеет характер юридически формализованной судебной истины, с более или менее высокой степенью вероятности (вне разумных сомнений) приближенной к действительности» [31, с. 270].

Независимо от того, стремился суд к установлению объективной истины в силу требований закона или не стремился, ввиду отсутствия в законе такого требования, для суда истина есть то, что усматривается из допустимых и исследованных в ходе судебного следствия доказательств, удостоверяется ими как для самого суда, так и для общественности, т.е. юридическая (судебная) истина в обозначенном выше смысле. По точному утверждению Ю. Костанова, отрицание приоритета такой истины над объективной истиной «на практике приводит к фальсификации доказательств, подтасовыванию фактов, назначению виновными первых попавших под руку оперработникам и следователям, применению незаконных методов ведения следствия» [32, с. 27]. И если разработчики законопроекта, противопоставляя [17, с. 256–258] объективную истину юридической истине, имеют в виду, что приговор следует основывать не на той картине мира, которая нарисована доказательствами (юридическая истина), а на той, которая видится, вопреки доказательствам, «объективно» истинной судье, то возвращение в УПК РФ «объективной истины» в их понимании создаст дополнительные условия для судейского (а также следственного и прокурорского) произвола и беззакония (от которого, к сожалению, и без этого не удается избавиться).

Таким образом, учитывая изложенное выше, использование в уголовно-процессуальном законе словосочетания «объективная истина» нельзя признать адекватным реальным особенностям познавательной деятельности в уголовном процессе. Поэтому полагаю возможным возразить и против закрепления этого словосочетания в УПК РФ в том виде, как это предложено в законопроекте (формулировка названия законопроекта, предлагаемые в нем редакции п. 22.1 ст. 5, ч. 1 ст. 16.1, ч. 1.1 ст. 238, ч. 5.1 ст. 247, ч. 4 ст. 275, ст. 380.1 и ст. 389.16.1 УПК РФ). Добавлю, что это словосочетание, отражая советские философские изыскания и будучи некритично перенято у философии, ввиду своей абстрагированности, и не являясь правовой категорией, не очень уместно для использования в юридической плоскости [30, с. 160; 32, с. 22, 23], а применительно к отечественному уголовному процессу им прикрыта негативная для настоящего времени идеологическая подоплека. Выше уже обосновывалось, что в уголовном процессе реально достижима юридическая (судебная) истина, т.е. основанные на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами достоверные выводы об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Применительно именно к такой достоверности можно говорить о доказанности и, что важно, проверяемости принимаемых по уголовному делу решений. Поэтому правильнее будет и в уголовно-процессуальном законе использовать выражение «достоверные выводы об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела». Это вполне будет соответствовать разумному пониманию юридической (судебной) истины или «уголовно-судебной достоверности» как цели доказывания, характерному для отечественных ученых дореволюционного периода [14, с. 47; 29, с. 380; 33, с. 303].

В то же время предложение законопроекта закрепить для суда и должностных лиц стороны обвинения обязанность принятия всех необходимых мер к всестороннему, полному и объективному выяснению (исследованию) обстоятельств, подлежащих доказыванию (предлагаемые в законопроекте редакции ч. 3 ст. 15, ч. 1 ст. 16.1, ч. 1 ст. 17, ст. 119, ч. 1 ст. 243 УПК РФ), считаю вполне разумным и целе-

сообразным. Разумеется, с оговоркой, что исполняться эта обязанность будет для достижения достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела, а не для предлагаемого в законопроекте установления «объективной истины». Сама же по себе данная обязанность, по точному замечанию В.А. Лазаревой, «не равнозначна обязанности установить так называемую объективную истину» [34, с. 172]. Думается, данная обязанность должна неотъемлемо включаться в содержание как осуществляемой соответствующими должностными лицами от имени государства функции обвинения, так и функции разрешения уголовного дела, возлагаемой на суд. Применительно к предварительному расследованию, как обоснованно утверждает Ю.К. Якимович, требование объективности, всесторонности, полноты уже закреплено во многих нормах УПК РФ [35, с. 605]. Непризнание этой обязанности означает, что уполномоченные субъекты уголовного процесса, в том числе суд, вправе выяснять (исследовать) обстоятельства дела «неполно», «необъективно», «не всесторонне», т.е. частично, субъективно (пристрастно), односторонне (в пользу одной из сторон). Вряд ли такое отношение к исследованию обстоятельств уголовного дела со стороны не только суда, но и обладающих властными полномочиями субъектов обвинения будет нормальным и адекватным как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности.

При этом необходимые меры, принимаемые судом и должностными лицами стороны обвинения для соответствующего выяснения (исследования) обстоятельств уголовного дела, должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законом. Полагаю, оговорка в тексте соответствующих статей УПК РФ о том, что необходимые меры должны быть предусмотрены «настоящим Кодексом», все же является некоторым препятствием на пути возможных произвола со стороны властных субъектов доказывания и стремления «любыми средствами», «любой ценой» достигнуть своих целей (которые также могут пониматься превратно). Поэтому отсутствие такой оговорки в некоторых предлагаемых в законопроекте и посвященных всестороннему, полному и объективному выяснению (исследования) обстоятельств уголовного дела редакциях статей УПК РФ (ч. 2 ст. 16.1, ч. 1 ст. 243) целесообразно исправить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проект* федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007–2013. URL: http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551 (дата последнего обращения 22.06.2013).
2. *Пояснительная* записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007–2013. URL: http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551 (дата последнего обращения 22.06.2013).
3. *Волеводз А.Г.* Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 5–6.
4. *Головко Л.В.* Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 65–87.
5. *Мизулина Е.Б.* Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 139–148.
6. *Александров А.С.* Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142–157.
7. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 472 с.
8. *Теория* доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.
9. *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств (Краткий очерк). М.: Госюриздат, 1960. 176 с.
10. *Победкин А.В.* Моральные победы не считаются? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 209–223.
11. *Туленков Д.П.* Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 29–32.
12. *Лубин А.Ф.* О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 27–32.
13. *Козявин А.А.* Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе, в свете возможности ее нормативной формализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 111–117.
14. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
15. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 328 с.
16. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
17. *Смирнов Г.К.* Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 250–258.
18. *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 204 с.
19. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 180 с.
20. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. 119 с.
21. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1910. 572 с.
22. *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства. дис. ... д.ю.н. Н. Новгород, 2003. 650 с.
23. *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.

24. *Миронов В.Ю.* Достоверность выводов следствия и суда: логический аспект // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 106–112.
25. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
26. *Филимонов Б.А.* Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: Спарк, 1994. 157 с.
27. *Комментарий* к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
28. *Кухта А.А.* К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
29. *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. 669 с.
30. *Корнуков В.М.* Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 153–164.
31. *Стойко Н.Г.* Достижение истины в современном следственном и состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 264–273.
32. *Истина* в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6. С. 17–27.
33. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб., 1914. 547 с.
34. *Лазарева В.А.* Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 171–176.
35. *Якимович Ю.К.* Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. 772 с.

УДК 343.963

А.А. Михайлов

ПРАВО ПРОКУРОРА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ОБВИНЕНИЕМ В СУДЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Производится историко-правовой и сравнительно-правовой анализ решения вопросов изменения обвинения в суде и отказа прокурора от обвинения в законодательстве зарубежных стран и России. Обозначаются причины, обусловливающие различные подходы к решению указанных вопросов в англосаксонском и континентальном типах уголовного процесса. Определяются пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: *уголовный процесс, суд первой инстанции, отказ прокурора от обвинения, изменение обвинения в суде.*

Вопросы, связанные с возможностью прокурора, выступающего в суде первой инстанции в качестве государственного обвинителя, распорядиться обвинением, то есть изменить его или отказаться от него, привлекали внимание ученых-процессуалистов в дореволюционный и советский периоды развития отечественного уголовного процесса и продолжают оставаться предметом дискуссии в современной российской уголовно-процессуальной науке.

Одной из последних и при этом наиболее глубоких работ по данной проблематике является статья профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук Л.В. Головко, посвященная анализу институтов отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде с точки зрения решения «экзистенциальной проблемы» состязательности – сложности персонификации в уголовном процессе стороны обвинения [1].

Следует отметить, что, несмотря на то, что изменение обвинения и отказ от обвинения в суде первой инстанции по действующему УПК РФ выступают распорядительными полномочиями прокурора, данные институты являются самостоятельными и изначально имели разные исторические корни. При этом вопросы изменения обвинения в суде появились и стали актуальными в уголовном процессе намного раньше вопросов отказа от обвинения, хотя в том, каким образом решаются последние, наиболее рельефно выражается отношение в уголовном процессе того или иного государства к предоставлению прокурору права распоряжаться обвинением.

Л.В. Головко подробно и обоснованно объясняет различное отношение к отказу прокурора от обвинения в уголовном процессе США и континентальной Европы, выделяя две модели легитимации обвинительной деятельности прокурора со стороны общества – политическую (США) и юридическую (континентальная Европа) [1, с. 55–62].

Однако сами указанные модели в значительной степени обусловлены основными чертами соответственно англосаксонского и континентального типов уголовного процесса, которые оказали существенное влияние на возникновение разных подходов к решению проблем изменения обвинения и отказа от обвинения в суде. Исследование вопросов о том, как исторически осуществлялось данное влияние и какие именно черты того или иного типа уголовного процесса имеют при этом наибольшее значение, представляется важным с позиций дальнейшего решения теоретических проблем права прокурора распоряжаться обвинением в отечественном уголовном процессе.

Вопросы, связанные с изменением прокурором обвинения в суде первой инстанции, являются частью более общей проблемы изменения обвинения в суде, которая, в свою очередь, произрастает из такого важного в уголовно-процессуальной науке вопроса, как отношение обвинения к приговору.

Изменяемость обвинения определяется в теории уголовного процесса как возможность внесения в него тех или иных коррективов, восполнение имеющихся в нем пробелов или устранение допущенных при его формулировке ошибок [2, с. 83–84]. Истории уголовного процесса известны как полная неизменяемость обвинения, когда первоначальное обвинение в дальнейшем не может быть изменено ни при каких условиях, а любое отклонение от него влечет оправдание подсудимого, так и частичная, а также полная изменяемость обвинения.

Неизменяемость обвинения была присуща древнегерманскому и англо-норманскому уголовному процессу, отличавшемуся крайним формализмом, имевшим в значительной мере религиозное происхождение. Обвинение здесь изначально облекалось в определенную формулу, подлежащую доказыванию в четко определенных процедурах. Проигрыш дела мог произойти вследствие неправильного произнесения формулы или неточного обозначения противника.

В Средние века и вплоть до середины XIX века преемственность с англо-нормандским обвинительным уголовным процессом в части принципа неизменяемости обвинения была сохранена уголовным процессом Англии.

Как уточнял И.Я. Фойницкий, решение вопроса о пределах допустимости изменения обвинения на судебном следствии в законодательстве западных стран зависело от того, отдается предпочтение необходимости оградить права защиты от непредвиденных изменений обвинения либо потребности го-

сударства в скорейшем решении дела и устранении опасности, что «доказательства по делу могут изгладиться» [3, с. 415].

При этом в английской теории существованием запрета изменения обвинения подчеркивались беспристрастие суда, не выходящего за рамки первоначального спора между обвинителем и обвиняемым, и связанность обвинителя, которая составляет гарантию защиты обвиняемого [4, с. 434–435].

В целях же устранения негативных последствий действия принципа полной неизменяемости обвинения, заключающихся в том, что любой недостаток обвинительного акта мог привести к оправдательному приговору, а виновный в таких случаях зачастую ускользал от правосудия, английская правовая теория и судебная практика выработали ряд правил (средств), ограничивающих его действие.

Среди основных указанных правил, во-первых, правило делимости утверждений обвинительного акта, согласно которому «доказанность на суде только части утверждаемого не ведет к потере дела» [5, с. 44]. Здесь следует указать на то, что в английском уголовном праве распространено учение о «подразумеваемых» («включенных») преступлениях. Так, к примеру, считается, что обвинение в изнасиловании или противозаконных половых сношениях подразумевает и обвинение в непристойном приставании, обвинение в берглэри (насильственном вторжении в чужое жилище с целью совершения там преступления) – обвинение в краже [6, с. 502].

Вторым средством, ограничивающим действие принципа полной неизменяемости обвинения и возникшим в английском уголовном судопроизводстве, являются эвентуальные (альтернативные) обвинения, которые означают, что «обвинительный акт предъявляет к подсудимому обвинение в нескольких пунктах (counts) и изображает в каждом из них инкриминируемое деяние различным образом; если доказательства не подойдут к одному пункту, то подойдут к другому или третьему, какое-нибудь из изображений события все-таки совпадет с действительностью, как она открылась на судебном следствии» [5, с. 62].

Третьим средством выступает возможность возбуждения нового преследования против того же подсудимого за то же деяние. Э.Я. Немировский, объясняя на основе изученной судебной практики Англии суть данного средства, делал вывод, что «в общем те же факты, которые составляли предмет первого обвинения, несколько модифицированные, могут быть положены в основу нового обвинительного акта, и *только в тех случаях, в которых, несмотря на изменившееся обвинение, обвиняемый мог быть осужден уже в первом процессе, не допускается вторичное преследование*» [5, с. 71].

Соответственно свою специфику имеет в английском праве принцип недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление (non bis in idem). Английская доктрина и судебная практика в XX веке (дело Connelly v. Director of Public Prosecution (1964 г.) разработали ряд правил, которые конкретизировали данный принцип. В частности, указанный запрет действует, если преступление, в котором обвиняется лицо, является в сущности или в основном тем же самым, что и главное либо другое преступление, в связи с которым оно прежде было оправдано или могло быть осуждено либо было осуждено [6, с. 503–504].

На законодательном уровне ограничение принципа полной неизменяемости обвинения впервые было произведено в Англии с принятием Закона от 7 августа 1851 г., который упростил процесс составления обвинительного акта и ввел процедуру его исправления. Еще в большей степени упростили процедуры, относящиеся к составлению и форме обвинительного акта, Закон 1915 г. об обвинительном акте и соответствующие Правила 1971 г.

В обвинительный акт, который поступил в суд, могут быть внесены изменения. Английская судебная практика допускает возможность внесения изменений, в том числе возможность включения нового пункта обвинения, если при этом существо обвинения остается неизменным. В зависимости от обстоятельств конкретного дела новый пункт обвинения может быть внесен как до предъявления обвинения, так и после этого. Ходатайство о внесении поправок вправе заявить любая сторона. Исправления в обвинение могут быть внесены и судом по собственной инициативе, однако перед этим суд должен предоставить сторонам возможность изложить свое мнение по поводу предлагаемых поправок [6, с. 495–496].

Кроме того, в английском праве существует институт отзыва обвинения, который, как пишет Л.В. Головко, заключается в том, что обвинитель просит суд не рассматривать дело (что оставляет первому возможность предъявить впоследствии новое обвинение), и мало чем отличается от возвращения дела на доследование по ходатайству стороны обвинения [7, с. 65].

В уголовном процессе США также выработан ряд средств, применяемых при необходимости изменить обвинение в суде. Так, в США действует практика завышения государственным обвинителем объема обвинения, когда по одному эпизоду предъявляется завышенное число пунктов обвинения. Данная практика во многом основывается на существующем в американском, как и английском, уголовном праве учении о так называемых «включенных» (included) преступлениях, под которыми понимаются элементы более сложного преступления, имеющие самостоятельное уголовно-правовое значение. В связи с этим существуют специальные таблицы, указывающие на соотношение преступлений. Например, считается, что предумышленное убийство включает в себя непредумышленное и т.д. Исходя из подобного соотношения преступлений, обвинитель вправе предъявить не только обвинение в совершении наиболее тяжкого «включающего» преступления, но и обвинение во всех «включаемых» в него преступлениях, и

если наиболее тяжкое обвинение не будет доказано, то подсудимый может быть осужден за «включенное» преступление [8, с. 277].

В уголовном судопроизводстве США существует институт так называемого «поочередного» (successive) уголовного преследования, при котором дело искусственно разъединяется, и лицо по одному эпизоду после вынесения обвинительного приговора вновь подвергается уголовному преследованию и уголовной ответственности по разъединенным обвинениям [9, с. 144–145].

Критерий, выражающий суть принципа запрета повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление в уголовном процессе США, был сформулирован Верховным Судом США в решении по делу Blockburger v. United States (1932 г.). Данный критерий заключается в том, что деяние, являющееся преступлением в соответствии с одной статьей уголовного законодательства, может считаться отдельным самостоятельным преступлением, если отличается хотя бы один элемент состава другого преступления – если каждое правонарушение «требует доказывания такого дополнительного обстоятельства, которое не присутствует в описании состава другого правонарушения» [10, с. 521]. Исходя из этого, под понятие «одно и то же преступление» подпадают все преступления, которые поглощаются преступлением, за которое лицо уже было осуждено. В то же время наличие в новом обвинении элемента, который отсутствовал в обвинении, по которому лицо уже было осуждено, не исключает привлечение лица к уголовной ответственности по существу за то же деяние.

Кроме того, принцип недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление не запрещает поочередное уголовное преследование органами обвинения штата и федеральными органами обвинения за уголовные правонарушения, вытекающие из одного преступного деяния, что допускается в силу доктрины «двух суверенов» (dual sovereignty). В соответствии с этой же доктриной органы обвинения двух разных штатов вправе привлекать к уголовной ответственности человека за одно и то же совершенное им деяние [10, с. 522–523].

Уголовно-процессуальное законодательство штатов предусматривает и непосредственную возможность изменения обвинения в суде первой инстанции. Так, в соответствии с правилом 220 Правил уголовного судопроизводства Пенсильвании суд может разрешить внести изменения в обвинительный акт в том случае, если был обнаружен дефект в соблюдении формы, ошибка в описании преступления любого лица или любого имущества либо в дате обвинения, если внесенные изменения не приведут к обвинению в дополнительном или ином преступлении. При внесении изменений суд может разрешить отсрочку судебного рассмотрения или применение иного средства судебной защиты, которые необходимы в интересах правосудия [11]. В целом, в уголовном процессе США «обвинитель может практически бесконтрольно изменять объем и характер обвинения» [12, с. 174], однако в основном в сторону улучшения положения подсудимого.

В континентальных странах (Франции, Германии) неизменяемость обвинения существовала в уголовном процессе примерно до конца XIII века [4, с. 187, 263], когда обвинительные начала уголовного процесса все более и более начали вытесняться розыскным порядком уголовного судопроизводства.

Принцип полной изменяемости обвинения является порождением именно континентального розыскного уголовного процесса. С учетом того, что в данном типе уголовного судопроизводства в одном лице совмещались функции следствия и суда, а также в силу необходимости установления по делу объективной (материальной) истины, допускалось не только практически любое изменение обвинения, но и осуждение за выявленное в суде новое преступление.

Следствием необходимости установления в континентальном уголовном процессе объективной (материальной) истины является иная, по сравнению с англосаксонским уголовным процессом, трактовка принципа недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление (non bis in idem), исходя из чего предметом обвинения в первом является деяние по своей сути (событие преступления), тогда как во втором предметом обвинения по существу выступает деяние в его уголовно-правовой квалификации.

Возможность широкого изменения в суде первой инстанции обвинения, в том числе на более тяжкое, сохраняется в континентальном уголовном процессе по настоящее время.

Л.В. Головко отмечает, что французский уголовный процесс является хрестоматийным примером гибкого отношения к пределам судебного разбирательства, поскольку, «согласно французской концепции, окончательная квалификация деяния, т.е. его юридическая оценка, является прерогативой судебной власти, а не следственных органов, поэтому никаких теоретических ограничений для изменения квалификации не только в сторону улучшения, но и в сторону ухудшения здесь быть не может» [7, с. 65].

В УПК Франции эта концепция проявляется в следующем. По делам, рассматриваемым в суде ассизов, председатель суда вправе поставить один или несколько специальных вопросов, если в судебном разбирательстве выяснятся одно или несколько отягчающих обстоятельств (ст. 350), а также один или несколько дополнительных вопросов, если в результате судебного разбирательства выяснится, что деяние подлежит иной юридической квалификации, чем та, по которой обвиняемый был предан суду (ст. 351).

При рассмотрении дела в исправительном суде тот вправе в случаях, указанных в ст.ст. 466 и 469 УПК Франции, осуществлять переквалификацию деяния.

Кроме того, в уголовном процессе Франции существуют механизмы, позволяющие преодолеть ограничение рассмотрения дела в суде лишь в отношении только тех лиц, которые преданы суду, и только тех фактов, которые вменяются им в вину (безотносительно их квалификации). Одним из данных механизмов выступает предусмотренное ст. 389 УПК Франции уведомление (*avertissement*): «если прокурор направил обвиняемому уведомление с указанием нарушения уголовного закона, после чего обвиняемый добровольно предстал перед судом, то это избавляет от необходимости совершать какие-либо иные процессуальные действия (возбуждение уголовного преследования, предъявление обвинения и т.д.)» [7, с. 65].

Согласно ст. 310 УПК Франции, председатель наделен дискреционными полномочиями, в силу которых он может по совести и чести принимать любые меры, которые он сочтет полезными для установления истины. Он вправе в ходе разбирательства вызывать и заслушивать любое лицо, или распорядиться о представлении в суд любых новых вещественных доказательств, которые, по его мнению, в связи с развитием судебного разбирательства полезны для установления истины. Суд активно участвует в исследовании доказательств, первым осуществляет допрос обвиняемого и свидетелей (ст.ст. 328, 332 УПК). Это говорит о том, что публичность в уголовном процессе Франции распространяется и на суд.

В соответствии со ст. 313 УПК Франции прокурор именем закона обращается к суду со всеми требованиями, которые он считает полезными; суд обязан их выслушать и обсудить. Согласно ст. 314 УПК Франции, если суд не удовлетворяет требования прокурора, следствие и судебное разбирательство по этой причине не прекращаются и не приостанавливаются. Поэтому требования прокурора в суде первой инстанции по существу носят характер ходатайств.

В соответствии с п. 2 § 264 УПК Германии суд не связан оценкой деяния, лежащей в основе постановления об открытии судебного разбирательства. Согласно п. 1 § 265 УПК Германии, подсудимый не может быть осужден на основании нормы уголовного закона, не фигурирующей в допущенном к судебному рассмотрению обвинении, за исключением случаев, когда перед этим ему было специально указано на изменение обвинения и предоставлена возможность для защиты. Аналогичным образом суд должен поступать, если при рассмотрении дела выясняются обстоятельства, специально предусмотренные уголовным законом, оправдывающие повышение уголовной ответственности.

Данная обязанность суда указать на изменение обвинения, как отмечает В. Бойльке, происходит из обязанности суда надлежащим образом заботиться о расследовании дела и конкретизирует право на судебное слушание. При этом обязанность указать подсудимому на новые моменты в деле признается и при наличии существенных изменений: переходе к другой форме совершения одного и того же состава преступления, изменениях фактических оснований. Указание на изменение обвинения необходимо и в случаях, если должен применяться более мягкий закон [13, с. 221–222].

В судебном разбирательстве, в том числе на судебном следствии, активная роль в руководстве процессом и доказывании принадлежит суду. Это обусловлено тем, что в соответствии с закрепленным в УПК Германии (п. 2 § 244) принципом расследования суд обязан в целях установления истины по долгу службы исследовать все факты и доказательства, которые имеют значение для разрешения дела. С учетом указанного именно на суде лежит бремя доказывания обвинения, и, исходя из п. 1 § 238, § 240, п. 2 § 241 УПК Германии, суд обладает широкими дискреционными полномочиями при проведении допроса подсудимого и свидетелей.

Таким образом, такие черты континентального типа уголовного процесса, как цель – достижение объективной (материальной) истины, и активная роль суда в процессе, объясняемая высокой степенью публичности в его деятельности, оказали существенное влияние на формирование подхода к изменению обвинения в суде, в соответствии с которым субъектом изменения обвинения в суде первой инстанции в уголовном процессе континентального типа является только суд, тогда как прокурор лишь выражает свое мнение, заявляя о необходимости внести в обвинение изменения.

В силу обозначенных выше причин аналогичным образом решается в уголовном процессе континентального типа (Франция, Германия) и вопрос возможности прокурора отказаться от обвинения.

Исходя из ст. 346 УПК Франции, прокурор в прениях, которые четко отделяются от судебного следствия, выступает после гражданского истца. Обвинительная речь прокурора должна соответствовать материалам дела. Если же прокурор считает, что в ходе судебного заседания выясняется, что возбуждение уголовного дела в отношении подсудимого не подкреплено законными основаниями, он сам должен рассмотреть возможность заявить ходатайство о вынесении оправдательного приговора [14, с. 97].

В уголовном процессе Германии в прениях, которые именуются в УПК заключительными речами, прокурору первому предоставляется слово для выступления. В теории и на практике, как отмечает Б.А. Филимонов, принято, что прокурор в своей речи должен дать анализ результатов судебного разбирательства, сделать определенный вывод о виновности или невиновности подсудимого и внести предложение о постановлении соответствующего приговора [15, с. 441]. В соответствии с § 153b УПК Германии при наличии условий, на основе которых суд может отказаться от назначения наказания, прокуратура с согласия компетентного суда, уполномоченного рассмотреть дело по существу, вправе отказаться от предъявленного обвинения. Согласно

§ 156 УПК, после принятия судом окончательного решения об открытии судебного разбирательства прокурор уже не может отозвать обвинение.

Соответственно прокурор в уголовном процессе Франции и Германии не обладает распорядительными правами в отношении обвинения. В дополнение к изложенному, это также объясняется его процессуальным статусом и функциями в уголовном процессе.

Прокуроры в уголовном процессе Франции наряду со статусом служащих исполнительной власти имеют статус магистратов судебной системы. Процессуальное положение прокурора в уголовном процессе определяется, с одной стороны, таким двойственным статусом, а с другой – принципом состязательности, который выражается в разделении функций органов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование, и органов, в чьей компетенции находится разрешение дела. Одновременно считается, что прокурор выполняет роль представителя общества, а не столько роль сторонника обвинения [12, с. 99]. С учетом указанных обстоятельств прокуроры в уголовном процессе обладают независимостью, в том смысле, что они осуществляют судебное преследование свободно, вне зависимости от влияния судей и подсудимых [16, с. 77], и не подлежат в соответствии со ст. 669 УПК Франции отводу, в отличие от судей и присяжных. Представитель прокуратуры в суде именуется «генеральным адвокатом».

В суде, как отмечается некоторыми авторами, на прокурора не распространяется понятие «стороны», в связи с чем суд не вправе обращаться с ним как со стороной в процессе, в частности, применять к нему санкции [17, с. 4]. Действительно, УПК Франции (например, в ст.ст. 329, 330), регламентируя судебное разбирательство, разграничивает прокурора и стороны, под которыми понимаются гражданский истец и участники судебного разбирательства со стороны защиты. Однако, исходя из направленности деятельности прокурора в суде, все же следует признать, что прокурор здесь осуществляет уголовное преследование. Так, Рене Корин-Жулен и Аньес Фоссер-Сабатье пишут, что «являясь по-прежнему основной стороной уголовного процесса, по крайней мере, в судах первой и второй инстанции, прокурор никак не может рассматриваться в качестве независимого судьи. Прокурор скорее входит в категорию прочих судебных работников, которые исполняют судебные функции в соответствии с законом…» [16, с. 27].

В соответствии со ст. 32 УПК Франции прокуратура представлена при каждом уголовном суде. Прокурор участвует в судебном разбирательстве, а все решения суда оглашаются в его присутствии. Соответственно предусматривается обязательное участие прокурора при рассмотрении уголовных дел. Согласно ст. 33 УПК Франции, прокурор беспрепятственно высказывает в устной форме свои соображения, которые, по его мнению, направлены на обеспечение правосудия.

В уголовном процессе Германии участие представителя прокуратуры в судебном разбирательстве также является обязательным (§ 226 УПК Германии). При этом, согласно п. 3 § 243 УПК, прокурор в суде только представляет обвинение, а в теории и на практике подчеркивается, что прокурор не является стороной в процессе [15, с. 432].

По мнению немецкого ученого-процессуалиста К. Петерса, государство как носитель верховных правовых задач, как хозяин функций судопроизводства не может рассматриваться в качестве стороны, точно так же как и какой-либо его орган, потому что не орган, а государство противостоит обвиняемому. У органа, в частности прокуратуры, нет своего собственного правового положения [18, с. 26–27]. При этом, указывает Э. Керн, прокуратура должна охранять интересы обвиняемого, поскольку она выступает не только от имени государства, а всего народа, заботится не о суровом наказании виновных, а о торжестве права [18, с. 27].

На прокуратуру в уголовном процессе, как отмечается немецкими авторами, возлагаются три основные задачи (функции): 1) она является «госпожой дознания», расследует уголовные преступления и осуществляет уголовное преследование по ним; 2) поддерживает обвинение на стадии производства по преданию суду и на стадии судебного разбирательства, выступая в качестве «беспристрастной стороны»; 3) является органом, приводящим в исполнение приговор [13, с. 62; 19, с. 29].

Для английского судопроизводства более важным, чем установление материальной истины, является разрешение конфликта, существующего в связи с совершением преступления, и обеспечение беспристрастного судебного разбирательства с участием сторон, обладающих равными процессуальными правами. С учетом этого состязательность здесь носит «спортивный» характер. Так, Л. Зеднер, рассматривая судебное разбирательство как средство разрешения конфликта, отмечает: «Логика состязательного разбирательства дела в суде состоит в том, что только одна сторона может выиграть. Оправдание подсудимого является одновременно проигрышем для стороны обвинения, ее свидетелей и потерпевшего (если он есть). Подобно этому восстановление прав потерпевшего с необходимостью выступает поражением подсудимого» [20, с. 162].

В английском уголовном процессе не отрицается, что уголовное судопроизводство должно быть направлено на достижение истины. Та же Л. Зеднер пишет, что отыскание истины является одной из центральных функций судебного разбирательства в уголовном суде, а последний рассматривается ею как инструмент поиска истины [20, с. 168]. Однако критерий достижения истины, которая должна быть установлена в английском уголовном процессе, носит иной характер, чем в континентальном уголовном процессе. В уголовном процессе Англии сторона обвинения должна доказать, что обвиняемый виновен при отсутствии каких-либо «разумных сомне-

ний» (beyond all reasonable doubt) [20, с. 170], чтобы истина считалась установленной.

Признанию обвиняемым своей вины придается значение распорядительного акта, который означает признание иска, прекращение спора и отсутствие необходимости в дальнейшем использовании системы уголовной юстиции для разрешения уголовно-правового конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление.

Придание признанию вины значения распорядительного акта в отношении обвинения обусловливает существование в английском уголовном процессе сделок о признании вины, которые в то же время не получили такого широкого распространения, как в США. При заключении соответствующей сделки сторона обвинения в обмен на обязательство обвиняемого признать вину исключает из обвинительного акта отдельные пункты обвинения, смягчает квалификацию преступления, совершение которого инкриминируется обвиняемому, и т.п. В возможности заключения сделок о признании находят свое выражение дискреционные полномочия органов публичного уголовного преследования, которыми они обладают не только в досудебном, но и судебном производстве по уголовному делу.

Дискреционные полномочия стороны обвинения в суде выражаются и в возможности отказаться от уголовного преследования. Так, Генеральный атторней исторически обладает правом потребовать по любому основанию и в любой момент после утверждения обвинительного акта до вынесения приговора прекращения всякого уголовного дела. Это говорит о предоставлении государственному обвинителю права распоряжаться материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

При этом уголовному процессу Англии не известна система публичного уголовного преследования в том виде, в котором она существует в континентальном типе уголовного судопроизводства, что можно объяснить «уходящими в глубину веков традициями широкого местного самоуправления, частного обвинения, судебного контроля, отсутствием самой идеи законности (главный источник права – судебный прецедент)» [21, с. 25–26]. Исторически в Англии правом выдвигать и поддерживать обвинение в суде обладало и обладает по настоящее время любое частное лицо, причем не обязательно то, которому непосредственно причинен вред преступлением. Считается, что указанное лицо выступает обвинителем в интересах государства.

В настоящее время уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, по большинству преступлений входит в компетенцию Королевской службы уголовного преследования (Crown Prosecution Service), созданной в 1985 г. согласно Закону об уголовном преследовании преступлений и возглавляемой директором, назначаемым и подотчетным Генеральному атторнею. Одной из целей создания этой службы являлось повышение эффективности системы уголовного преследования посредством разделения функций расследования (полиция) и уголовного преследования (Королевская служба уголовного преследования) [22, с. 431]. В соответствии с Кодексом королевских обвинителей [23] должностные лица данной службы проверяют каждое поступившее к ним дело, чтобы удостовериться, что оно отвечает требованиям в отношении доказательств и в отношении общественного интереса, которые предъявляет данный Кодекс. Однако в суде предъявление и поддержание от имени Короны обвинения осуществляют профессиональные адвокаты – барристеры или солиситоры, которые делают это на договорной основе, получая соответствующий гонорар [24, с. 29–30; 25, с. 227].

В целом, общее право и законодательство Англии наделяет обвинителя процессуальными правами, позволяющими активно доказывать обвинение. Активность же суда проявляется в основном только в руководстве процессом.

В уголовном судопроизводстве США, как и в английском уголовном процессе, основной целью является урегулирование конфликта между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, а сам процесс рассматривается как спор в суде между обладающими равными процессуальными правами обвиняемым и обвинителем [16, с. 17–18]. Уголовно-процессуальное законодательство США, в частности Федеральные правила о доказательствах США [27] (правила 102, 611), закрепляет установление истины как цель уголовного процесса. Однако соответствующие нормы являются скорее декларативными, чем реально обеспечивающими соответствующую направленность деятельности участников уголовного процесса. Хотя большинство американских процессуалистов не отрицают необходимость установления истины в уголовном судопроизводстве, все же распространенным является мнение, в соответствии с которым цель в состязательном правосудии заключается не в том, чтобы «отыскать «*истину*», а установить, какое *сообщенное восприятие* события является наиболее *правдоподобным изложением* этого события» [10, с. 220]. Так же как и в английском уголовном процессе, здесь основным критерием достижения истины является отсутствие разумных сомнений в виновности подсудимого.

Именно таким подходом к определению цели уголовного процесса, думается, объясняется то, что подавляющее большинство изменений обвинения в уголовном процессе США является следствием заключения сделок о признании вины, которые в настоящее время являются повседневной практикой в уголовном процессе США. При этом данная практика признается и поощряется Верховным Судом США (решение 1971 г. по уголовному делу Сантобелло), поскольку экономит силы, средства и время органов уголовной юстиции. Кроме того, условия заключения сделок о признании вины регламентируются федеральным законодательством, в частности Принципами осуществления федерального уголовного пресле-

дования (Principles of Federal Prosecution), утвержденными Генеральным Атторнеем США для служащих Министерства юстиции США [28].

Необходимо отметить, что сделки о признании вины, инициатором заключения которых во многих случаях выступает атторней, являются основанием изменения в дальнейшем атторнеем обвинения (его объема или квалификации), либо отказа от одного или нескольких обвинений. Атторней зачастую идет на заключение подобного рода сделок, поскольку не уверен в полной законности и обоснованности выдвинутого обвинения (обвинений), достаточности и допустимости имеющихся доказательств. При этом на практике во многих случаях объем первоначально выдвинутого обвинения и (или) количество обвинений намеренно завышаются, в том числе с целью обеспечить в дальнейшем возможность маневрирования в переговорах со стороной защиты [29, с. 79–80; 30, с. 21]. Соответственно институт сделок о признании вины, следствием заключения которых выступают, как правило, решения об изменении обвинения и отказе от обвинения, – одно из наиболее ярких проявлений дискреционных полномочий атторнея в уголовном процессе США.

В отличие от Англии в США система публичного (государственного) уголовного преследования (институт атторнейской службы) начала складываться практически изначально. По мнению В. Власихина, идея «концентрации обвинительной власти в руках государства была воспринята, по всей видимости, из французской или голландской правовых систем с их концентрацией должностного обвинения и, возможно, является наследием голландского правления на территории нынешнего Нью-Йорка» [9, с. 23–24]. При этом из английской системы был сохранен исковой характер уголовного преследования. Атторней в США выступает представителем своего «клиента» – государства, который наделил его всеми правами по распоряжению уголовным иском.

Концепция «усмотрения государственного обвинителя» является, как пишет У. Бернам, фундаментальной для американской правовой системы [10, с. 454], и атторней с полным основанием может считаться «хозяином обвинения». Уголовное преследование выступает дискреционным полномочием, правом, а не обязанностью атторнея.

Атторней, принявший уголовное дело к своему производству, в любое время до вынесения приговора и назначения наказания судом (вердикта присяжными заседателями) может отказаться от обвинения и забрать обвинительный акт или заявление об обвинении обратно. При этом в случае, если он отказывается от обвинения до начала судебного разбирательства, то в дальнейшем он вправе вновь возбудить уголовное преследование за то же самое преступление. Несмотря на то, что в соответствии с Правилом 48 Правил уголовной процедуры в окружных судах США 1977 г. (Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts) и законодательством ряда штатов отказ от обвинения после того, как был предъявлен обвинительный акт, допустим лишь с разрешения суда (а во время судебного разбирательства – с согласия подсудимого), суд крайне редко отказывается утверждать решение обвинителя о прекращении уголовного дела. В большинстве штатов, как пишет В.А. Власихин, право nolle prosequi минимально ограничено требованием изложить причины отказа от обвинения, а в нескольких штатах законодательство вообще не устанавливает никаких ограничений на прекращение дела обвинителем [9, с. 141]. Дела могут прекращаться государственным обвинителем также на стадии пересмотра дела вышестоящим судом [31, с. 277].

Процедура судебного разбирательства, в рамках которого суду принадлежит активная роль в руководстве процессом и пассивная в доказывании, и возложение на обвинителя практически в полном объеме бремени доказывания обвинения обусловливает, как и в уголовном процессе Англии, активную роль государственного обвинителя в отстаивании своей позиции в суде в уголовном процессе США.

Рассмотрение вопросов поддержания обвинения в уголовном процессе Англии, США, Франции и Германии позволяет сделать вывод о том, что пределы прав прокурора (государственного обвинителя) в отношении обвинения в суде первой инстанции определяются целями, которые имеет уголовный процесс того или иного государства, степенью реализации публичности в деятельности суда, а также тем, как решен на доктринальном уровне и в законодательстве соответствующего государства вопрос о возможности распоряжения прокурором (государственным обвинителем) материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Основной целью уголовного процесса англосаксонского типа (Англия, США) является разрешение конфликта, существующего в связи с совершением преступления, а активность суда проявляется в основном только в руководстве процессом, в доказывании же обстоятельств уголовного дела суд пассивен. Государственный обвинитель является представителем государства, обладающим всеми правами по распоряжению обвинением – уголовным иском, в том числе материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление. При этом указанные права носят дискреционный характер.

В уголовном процессе континентального типа (Франция, Германия) основной целью является достижение объективной (материальной) истины, ответственность за достижение которой в суде первой инстанции возложена на сам суд. В связи с этим суд является активным субъектом доказывания и должен во всех случаях по существу рассмотреть обвинение, что говорит о высокой степени проявления публичности в деятельности суда. Прокурору в континентальном уголовном процессе государство и общество не предоставляет возможность распоряжаться материальным правом на наказание лица, со-

вершившего преступление, исходя из чего прокурор не имеет и распорядительных полномочий в отношении обвинения.

Однако отношение прокурора к обвинению в суде в уголовном процессе не всех стран подпадает под вышеуказанные схемы. Безусловно, специфику полномочиям прокурора в отношении обвинения в суде первой инстанции придает действующий в уголовном процессе отдельных стран институт субсидиарного обвинения. По существу, здесь идет речь о самостоятельной форме участия потерпевшего в уголовном преследовании.

Как известно, в теории уголовного процесса уголовное преследование классифицируется на такие виды, как главное (основное), дополнительное и субсидиарное. Однако, как представляется, здесь следует вести речь не о видах уголовного преследования, а о формах участия потерпевшего в уголовном преследовании в пределах соответствующих видов уголовного преследования. Критерием классификации таких форм выступает роль потерпевшего в осуществлении уголовного преследования.

Главная (основная) форма участия потерпевшего в уголовном преследовании имеет место, когда уголовное преследование осуществляется в частном порядке. Потерпевший, выступающий частным обвинителем, при этом в полном объеме осуществляет деятельность по поддержанию обвинения, в том числе может отказаться от него. Дополнительная форма участия потерпевшего в уголовном преследовании (так называемое «дополнительное обвинение») представляет собой обвинительную деятельность потерпевшего, в ходе которой тот присоединяется к обвинению, выдвинутому должностным лицом. В данном случае потерпевший приобретает широкие возможности по реализации своих прав, хотя и не может оказывать решающее воздействие на ход процесса.

Субсидиарная форма участия потерпевшего в уголовном преследовании (так называемое «субсидиарное обвинение») – это поддержание потерпевшим обвинения взамен государственного обвинителя, отказавшегося от обвинения, по делам, по которым уголовное преследование осуществляется в публичном и частно-публичном порядке. Данный институт впервые возник в Шотландии. Среди ученых континентальной Европы возможность его переноса в законодательство начала активно обсуждаться с 60-х годов XIX века. Причинами этого явились издержки монополии прокуратуры на уголовное преследование, в частности отказ от уголовного преследования по одним делам и выдвижение необоснованных обвинений по другим. На законодательном уровне первоначально он был закреплен в австрийском Уголовно-процессуальном кодексе 1873 г. [32, с. 7–8]. В действующем УПК Австрии (§ 48) сохраняется норма о том, что в случае если прокурор отказался от обвинения, то потерпевший имеет право заявить ходатайство о преследовании лица [33].

Право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа от него государственного обвинителя закрепляется также, к примеру, в УПК Республики Беларусь [34] (ч. 3 ст. 28, ч. 8 ст. 293) и УПК Украины 2012 г. [35] (ст. 340). Кроме того, необходимо указать, что прокурор в суде первой инстанции в уголовном судопроизводстве ряда стран – бывших республик СССР – обладает распорядительными полномочиями в отношении обвинения, которые в то же время не формулируются как его дискреционные права. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 306 УПК Республики Армения [36], ч. 6 ст. 317 УПК Республики Казахстан [37], ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан [38], ст. 340 УПК Украины 2012 г. отказ от обвинения является обязанностью прокурора при наличии соответствующих оснований.

Примечательно, что во всех указанных случаях речь идет о государствах, уголовный процесс которых с учетом его исторического пути развития относится к континентальному типу. При этом стоит отметить, что большее внимание к регламентации прав потерпевшего в уголовном процессе характерно именно для стран с континентальным типом уголовного судопроизводства. Напротив, в англосаксонском уголовном процессе тот гораздо менее защищен [39].

То, что уголовный процесс указанных выше стран относится к континентальному типу, обусловливает то обстоятельство, что достижение истины в уголовном судопроизводстве продолжает определять деятельность государственных органов, в том числе суда. Так, УПК Республики Беларусь (ст. 18) сохраняет в числе принципов уголовного процесса всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

Обусловливание деятельности прокурора в уголовном процессе названных выше стран необходимостью принятия всех предусмотренных законом мер по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, требованием обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, в том числе потерпевшего, предоставление последнему права на поддержание обвинения в случае отказа от него прокурора, формулирование полномочий прокурора по распоряжению обвинением в суде первой инстанции как его обязанностей принять соответствующее решение при наличии установленных законом оснований – все это существенно ограничивает усмотрение прокурора при распоряжении обвинением в суде первой инстанции и говорит о том, что прокурор в суде первой инстанции здесь не может распоряжаться материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Однако изменение обвинения и отказ от обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве указанных стран все же являются распорядительными полномочиями прокурора, поскольку влекут за собой изменение пределов судебного разбира-

тельства или прекращение уголовного дела соответственно (там, где уголовный процесс предусматривает институт субсидиарного обвинения, – при условии, если потерпевший не возражает и не желает самостоятельно поддерживать обвинение). В связи с этим представляется, что прокурор в таких случаях распоряжается исключительно процессуальным правом поддержания обвинения, которым его наделило государство, но не материальным правом на наказание лица, совершившего преступление, которое ему государство не передавало.

Рассмотрев вопрос об отношении прокурора к обвинению и определив, что обусловливает пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в зарубежном уголовном процессе, думается, что необходимо выяснить, как данные вопросы решались и решаются в отечественном уголовном процессе.

В дореволюционный период целью уголовного процесса России являлось установление истины, что находило отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Исходя из ст. 613 Устава, председатель суда должен был направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины. Активность прокурора ограничивалась активной ролью суда в доказывании: большинство судебных действий могло совершаться по его инициативе. При этом прокурор не наделялся Уставом распорядительными правами в отношении обвинения.

В советское время при неизменности цели уголовного процесса публичность в деятельности суда только усилилась. В соответствии со ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. он, наряду с прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, обязан был принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. Прокурору советское уголовно-процессуальное законодательство распорядительных прав в отношении обвинения не предоставляло, и он в целом являлся пассивным участником судебного разбирательства. Это придавало производству по делу в суде первой инстанции сходство с соответствующим производством в уголовном процессе Германии.

Указанная ситуация в отечественном уголовном процессе начала меняться с введением в уголовное судопроизводство России в 1993 г. института присяжных заседателей. Его регламентация в УПК РСФСР (в частности, в ст.ст. 429 и 430) предусматривала повышение активности прокурора в рассмотрении дела в суде первой инстанции, права прокурора в отношении обвинения в суде присяжных приобрели распорядительный характер, а потерпевшему было предоставлено право поддерживать обвинение в случае отказа от него прокурора. Следующим шагом в этом направлении, которым данное положение дел было распространено на производство в суде первой инстанции в целом, стало принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

Однако с принятием УПК РФ 2001 г. производство по делу в суде первой инстанции фактически было реформировано в духе англосаксонского уголовного процесса, что нашло отражение и в конструировании институтов отказа от обвинения и изменения прокурором обвинения в суде.

Современный законодатель в ст. 6 УПК РФ провозгласил назначением уголовного судопроизводства, во-первых, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и, во-вторых, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Таким образом, институты изменения обвинения и отказа от обвинения в суде первой инстанции в УПК РФ должны быть регламентированы таким образом, чтобы учитывать обе указанные стороны назначения уголовного судопроизводства. Как писал Н. Полянский: «Цель уголовного процесса прежде всего выявляет смысл входящих в состав уголовного процесса институтов. Все институты права телеологичны» [40, с. 27]. Установление истины в числе целей уголовного процесса в УПК РФ не значится. Однако стоит согласиться с учеными, которые пишут о том, что установление истины в любом случае является целью доказывания, промежуточной целью и необходимым условием достижения любой общей цели уголовного процесса, как бы она ни была сформулирована в законе [41, с. 50]. Уголовный процесс России исторически принадлежит к континентальному типу уголовного судопроизводства, что нельзя игнорировать.

Необходимо отметить, что прокурор, поддерживая от имени государства обвинение в суде, реализует публичные интересы, а последним, как верно пишет Д.А. Мезинов, «соответствует осуществление обвинительной деятельности исключительно в отношении лиц, действительно виновных в совершении преступлений, а также в мере, соответствующей степени их виновности, что обеспечивается полным отказом от нее в отношении невиновных и частичным отказом от нее, ее изменением до соответствующей степени виновности лица меры» [42, с. 16]. При этом при реализации прокурором полномочий по распоряжению обвинением в силу закрепленного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства не должно допускаться нарушение прав других сторон, которые всегда затрагиваются, когда прокурор изменяет обвинение или отказывается от него в суде первой инстанции.

Таким образом, пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в суде первой инстанции в уголовном процессе России заключаются, во-первых, в необходимости обеспечения реализации публичных интересов при поддержании обвинения и, во-вторых, в недопустимости нарушения при распоряжении обвинением прав других сторон. Указанные пределы являются общими и могут быть конкретизированы применительно к отдельным рас-

порядительным полномочиям прокурора, исходя из их специфики.

В связи с указанным выше регламентация отношения прокурора к обвинению в суде первой инстанции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России должна предусматривать уменьшение усмотрения прокурора при осуществлении распорядительных полномочий в отношении обвинения, в том числе посредством их формулирования в качестве обязанностей прокурора, и обеспечение защиты не только прав и законных интересов подсудимых, но и потерпевших.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Головко Л.В.* Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теретических заблуждений» // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
2. *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. 169 с.
3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. II. 559 с.
4. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна, Альфа, 1995. 846 с.
5. *Немировский Э.Я.* Отношение приговора к обвинению. Прив.-доц. Э.Я. Немировского. Одесса, 1907 (Записки Имп. Новорос-го ун-та. Т. 108). 1–412 с.
6. *Уолкер Р.* Английская судебная система. М., 1980.
7. *Головко Л.В.* Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67.
8. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 304 с.
9. *Власихин В.* Служба обвинения в США: Закон и политика. М.: Юрид. лит., 1981. 176 с.
10. *Бернам У.* Правовая система США. 3-й вып. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
11. *Правила* уголовного судопроизводства Пенсильвании. Свод законов Пенсильвании – Титул 234 [Извлечения] // Соединенные штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский / под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 748.
12. *Николайчик В.М.* Уголовный процесс США. М.: Наука, 1981. 224 с.
13. *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. 6-е изд., с доп. и изм.; пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
14. *Юридические* и судебные практики во Франции: Прокуратура. Право окружающей среды. Б.м. и б.г. 247 с.
15. *Гуценко К.Ф.* Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. ИКД «Зерцало-М», 2001. 480 с.
16. *Судебная* система и судебные учреждения. М., Посольство Франции в Российской Федерации, 2003. 195 с.
17. *Дашков Г., Кигас В.* Прокуратура в ФРГ // Законность. 1995. № 11. С. 50–53.
18. *Филимонов Б.А.* Уголовный процесс ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 117 с.
19. *Нимеллер М.* Уголовное судопроизводство и роль прокуратуры в Германии // Рос. юстиция. 1994. № 10. С. 28–30.
20. *Zedner, Lucia*. Criminal justice. Oxford University Press, 2004. 319 p.
21. *Додонов В.Н., Крутских В.Е.* Прокуратура в России и за рубежом. М.: Норма, 2001. 181 с.
22. *Quick, Oliver*. Prosecuting «Gross» Medical Negligence: Manslaughter, Discretion, and the Crown Prosecution Service // J. Law Soc. 2006 (September). V. 33. No. 3. P. 421–450.
23. *Кодекс* принципов и правил поддержания обвинения в судах Англии // Законность. 2003. № 9. С. 45–51.
24. *Газетдинов Н.И.* Доктрина о принципах уголовного судопроизводства в Великобритании// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1. С. 28–31.
25. *Романов А.К.* Правовая система Англии: учеб. пособ. М., 2000. 342 с.
26. *Семухина О.Б.* Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск: Изд-во НТЛ, 2002. 94 с.
27. *Федеральные* правила о доказательствах Соединенных Штатов Америки // Process-net [электр. ресурс]: Портал уголовно-процессуального права. Режим доступа: http:// sergei-nasonov.narod.ru, свободный.
28. *Rossman, David.* Criminal Law Advocacy. Guilty Pleas. V. 2. New York, 1984. P. 8–25.
29. *Уайнреб Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США М.: Юрид. лит., 1985. 191 с.
30. *Чаадаев С.Г.* Контроль над преступностью в государствах англосаксонской системы права: автореф. дис. … д.ю.н. М., 1992. 28 с.
31. *Burnham W*. Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Min, 1995. 567 p.
32. *Зачинский А.* О начале государственного обвинения. – Ярославль, 1887. 17 с.
33. *Александров А.С.* Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75–83.
34. *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Беларусь. Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. 272 с.
35. *Уголовно-процессуальный* кодекс Украины (от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI). Режим доступа: www. Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar, свободный.
36. *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Армения. Ереван, б.г. 235 с.
37. *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Казахстан: учеб.-практич. пособие. Алматы, 2002. 288 с.
38. *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Узбекистан // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2. Ст. 4.
39. *Кухта К.И.* Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США: автореф. дис. … к.ю.н. М., 2006. 28 с.
40. *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Б.м. и б.г. 36 с.
41. *Орлов Ю.К.* Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50–56.
42. *Мезинов Д.А.* Участие прокурора в рассмотрении дел судами: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 100 с.

УДК 343.2

А.В. Пиюк

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ЛИЦА С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

Положения УПК РФ, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением, не содержат достаточных гарантий от осуждения невиновного. Поскольку российский уголовный процесс исторически ориентирован на вынесение обоснованного, законного решения, принятие которого возможно лишь в результате исследования совокупности доказательств, следует скорректировать нормы действующего закона в направлении возвращения к положениям континентального процесса. В статье освещаются имеющиеся проблемы и высказываются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *цель уголовного процесса, принцип публичности, упрощенное уголовное судопроизводство, особый порядок принятия судебного решения, тип уголовного судопроизводства.*

Основная претензия, высказываемая к особому порядку судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, заключается в том, что при его применении суд не проверяет доказательства вины подсудимого, представленные органом предварительного расследования, презюмируя их добросовестность, что может привести к вынесению необоснованного приговора и осуждению невиновного. Как известно, закон, в частности положения ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ, фактически запрещают суду исследовать доказательства при применении положений главы 40 УПК РФ.

Отдельные авторы, впрочем, полагают, что суд (судья) и в рамках особого порядка производит исследование доказательств, устанавливая все подлежащие доказыванию обстоятельства и делая самостоятельные выводы [1, с. 146, 156].

Представляется, данное толкование является попыткой выдать «желаемое за действительное». Досудебная обвинительная установка у судьи действительно складывается, но фактически в непроцессуальном порядке и лишь на основании письменных доказательств, причем сформированных органом расследования, что не исключает их недостоверности, доказывания же судебного в процессе (если не считать таковым изучение вопроса о личности подсудимого) не производится вообще. При рассмотрении данного вопроса следует согласиться с мнением о том, что в силу специфики предварительного расследования формирование ценности доказательств (главным образом, такого их качества, как достоверность) завершается в стадии судебного разбирательства посредством исследования их на новой, более качественной основе, в связи с чем окончательные выводы органа расследования по уголовному делу следует считать только вероятными, достоверное же знание может быть получено лишь в судебном заседании [2, с. 21].

Проблема довольно очевидна: при применении сокращенной процедуры не имеется достаточных гарантий от необоснованного осуждения невиновного либо осуждения лица за более тяжкое, чем он совершил, деяние. А поскольку российский уголовный процесс, процесс континентального типа, исторически ориентирован на поиск справедливости, на установление истины, достаточно очевиден и путь ее решения: нормы действующего уголовно-процессуального закона следует скорректировать так, чтобы наибольшим образом обеспечить выполнение назначения российского национального судопроизводства.

Известно, что процессуалистами высказывались предложения по совершенствованию особого порядка. И.Л. Петрухин, анализируя УПК РФ непосредственно после его принятия, указывал, что в целях устранения возможности осуждения невиновного следовало бы внести в УПК РФ положение об обязательном допросе в судебном заседании подсудимого [3, с. 21]. Предлагалось также обязать судью в описательно-мотивировочной части приговора ссылаться на исследованные в заседании обстоятельства (отягчающие, смягчающие, характеризующие личность) и приводить мотивы избрания того или иного вида наказания [4, с. 273], высказывались и иные соображения, однако они касались отдельных аспектов, не предполагая концептуального изменения конструкции особого порядка принятия решения.

Представляется, что основным вектором совершенствования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением должно стать возвращение к континентальной конструкции данной части процесса.

Верность подобных рассуждений подтверждается тем, что правоприменитель в лице Верховного Суда РФ, несмотря на отсутствие процессуальных механизмов исследования доказательств, требует от судей и при применении особого порядка руководствоваться достоверными выводами, постановляя обвинительный приговор лишь в случае убежденности в виновности подсудимого и «доказанности обвинения», как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разби-

рательства уголовных дел». О частичном возвращении к континентальной конструкции сокращенных производств свидетельствует и то, что законодатель, Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. дополнив УПК РФ нормами главы 32.1 УПК РФ, в ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ фактически закрепил возможность производства судом исследования и оценки доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, при рассмотрении дел, по которым производилось сокращенное дознание. Достаточно показательна и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, согласно которой при поступлении возражения стороны по делу, по которому производилось дознание в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья должен вынести постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Прогрессивность данных норм заключается уже в том, что впервые после принятия УПК РФ законодатель применительно к сокращенным процедурам использовал в уголовно-процессуальном законе термины, характерные для континентального российского судопроизводства, требующего от суда установления действительных обстоятельств деяния и принятия обоснованного, справедливого решения.

А раз подобные требования к суду имеются, вопрос следует решать кардинально, убрав из УПК РФ положения ч. 5 и ч. 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие, что судья при рассмотрении дела в особом порядке не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Если (и поскольку) суд в континентальном судопроизводстве обязан отвечать за результат своей деятельности и, в конечном итоге, нести ответственность за состояние правопорядка в обществе, он должен быть наделен возможностью выяснять в судебном заседании все юридически значимые моменты.

Отметим, что об автоматическом переходе к общему порядку судебного разбирательства речи не идет. Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе. Согласно положений ст. 73 УПК РФ, как известно, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В настоящее время при рассмотрения дела, по которому производилось предварительное расследование, суд может исследовать (и то в усеченном варианте, «без проведения судебного разбирательства») лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие доказательства, чего явно недостаточно для вынесения законного и обоснованного приговора, данные обстоятельства вообще не входят в понятие т.н. «главного факта», который суд, по М.С. Строговичу, должен установить для принятия обоснованного решения [5, с. 83].

Континентальное судопроизводство выдвигает для суда, рассматривающего дело, требование выяснить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, причем какие-либо из них по конкретному делу могут быть более очевидны, а какие-то менее. Следует закрепить в законе обязанность судьи убедиться в том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делу установлены, а при сомнениях в качествах каких-либо из них у суда должна быть возможность исследовать полученные органом расследования доказательства в том объеме, в котором суд это посчитает нужным сделать, вплоть до самостоятельного истребования каких-либо данных. От общего порядка такая деятельность будет отличаться тем, что изучаться и исследоваться будут именно те обстоятельства, которые суд (и стороны) сочтут необходимыми для вынесения законного приговора. К примеру, помимо вопросов, непосредственно относящихся к преступлению и виновности в нем лица, могут быть уточнены вопросы квалификации деяния, характер и размер вреда, невыяснение которых в настоящее время является фактически традиционным основанием для отмены либо изменения приговоров суда[1].

При таком подходе положения ст. 317 УПК РФ о недопустимости обжалования приговора, вынесенного в особом порядке, по мотивам несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, также целесообразно исключить из уголовно-процессуального закона. Приговор, не отвечающий объективной реальности и противоречащий обстоя-

[1] По данным основаниям, к примеру, в Тюменской и Московской областях, Хабаровском крае уже за три первых месяца 2013 года отменено и изменено в среднем соответственно 43,1; 39,7 и 24,6 % от обжалованных отмененных (измененных) приговоров, вынесенных в особом порядке.

тельствам совершенного деяния, не есть акт правосудия.

Лишь при применении подобной конструкции можно будет говорить о том, что цели и принципы российского процесса остались прежними. Начать же следует с реализации предложения о закреплении в уголовно-процессуальном законе положения об обязательности допроса подсудимого, признающего себя виновным и ходатайствующего о постановлении приговора с применением льготы. Именно при допросе подсудимого суд должен убедиться, что он является, во-первых, надлежащим субъектом, во-вторых, что он осознает характер своего деяния, согласен со своей виновностью, в-третьих, суду при допросе подсудимого проще уточнить и правильность квалификации и иные необходимые обстоятельства. В настоящее же время, согласно ч. 4 ст. 316 УПК РФ, суд «опрашивает» подсудимого, понятно ли ему обвинение, добровольно ли он заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке и изучает иные вопросы, не относящиеся к существу обвинения, чего явно недостаточно.

Что касается потерпевшего, правила о его обязательном допросе в уголовно-процессуальном законе, как представляется, закреплять не следует, хотя суд, как указано выше, должен быть наделен правом при необходимости осуществить любые действия, в том числе и его допрос. Изложенное не связано с тем, что права потерпевшего менее важны, чем права подсудимого, ценность их равнозначна. Допрос потерпевшего сам по себе может дать информацию, необходимую для доказывания, лишь в определенных случаях, в частности, по делам, связанным с воздействием на личность, таким, как грабеж, разбой, причинение телесных повреждений различной тяжести, по обвинению же лица в совершении тайного хищения имущества, совершении налоговых, финансовых преступлений ценность показаний потерпевшего невелика. УК РФ содержит также множество составов, где потерпевшего либо нет вовсе, либо его роль выполняют законные представители. Конечно, если потерпевший желает высказаться и участвовать в рассмотрении дела в особом порядке, отказывать ему в этом нельзя, мы ведем речь именно об обязательности определенных действий.

Что касается согласия прокурора и потерпевшего на применение особого порядка, большого смысла в его наличии (либо в обязательности такого согласия для суда) нет. Подсудимый признал себя виновным, то есть прокурор уже «выиграл спор», у потерпевшего же при согласии подсудимого с обвинением также возникают основания для осуществления юридически значимых действий, совершаемых в гражданском либо ином порядке: взыскания ущерба, лишения родительских прав и т.д. К примеру, согласно положениям ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, приговор суда по уголовному делу для суда, рассматривающего гражданский спор, в части обстоятельств, им установленных, имеет значение преюдиции. Фактически же, как показывает изучение практики, и прокурор, и потерпевший дают согласие не на рассмотрение дела в упрощенном порядке, а, как они считают, согласие на применение льготы по наказанию.

Возникает вопрос, что первично: установление истины, признание виновности подсудимым как стороной в споре или применение льготы? В конструкциях, реализованных в настоящее время, создается впечатление, что особый порядок нужен для применения льготы, государство и стимулирует лицо к признанию вины, обещая скидку по наказанию.

Исследования показывают, что прокуроры руководствуются при даче согласия на рассмотрение дела в особом порядке своими представлениями об общественной опасности преступления (38,7 %), данными, характеризующими личность подсудимого (63,4 %), 17,6 % опрошенных прокуроров мотивом своих решений назвали также оценку судебных перспектив при рассмотрении уголовного дела в общем порядке и доказанность преступления. Потерпевшие, не соглашающиеся на применение упрощенного порядка, ссылаются в основном на то, что преступник, по их мнению, должен быть наказан максимально жестко, большую роль играет также момент возмещения (или невозмещения) потерпевшим вреда.

Представляется, данная конструкция также нуждается в корректировке. Очевидно, что в настоящее время превалирует субъективный фактор, прокурор может дать, а может и не дать согласия на применение сокращенного порядка, объективных критериев для этого нет. Подобное положение не характерно для романо-германского судопроизводства, исходя из положения о равенстве всех перед законом и судом. Вместе с тем нельзя и автоматически уравнивать всех: как законопослушных лиц, впервые совершивших преступление, так и лиц, для которых преступная деятельность является своеобразным промыслом. Исследования показывают, что на применение особых процедур охотнее всего идут как раз подсудимые, совершившие преступление в условиях очевидности, в общественных местах, ранее неоднократно судимые, хорошо понимающие, что при прочих равных условиях им вряд ли удастся избегнуть либо уменьшить меру уголовной репрессии со стороны государства. При изучении практики нам встретились дела, по которым лица были осуждены в особом порядке, причем за аналогичные преступления, и 3, и 4, и даже 5–6 раз, несмотря на довольно короткий период существования данной сокращенной формы. Думается, излишне спрашивать, способствует ли процедура, предусмотренная главой 40 УПК РПФ, исправлению и перевоспитанию, хотя подобная задача в настоящее время и не ставится государством в качестве приоритетной.

С учетом изложенного представляется, что необходимо указать в уголовно-процессуальном и уголовном законе, что суд вправе не применять льготу

по наказанию к определенным категориям лиц, в частности к лицам, совершившим преступления повторно, рецидивистам и т.д., то есть вернуться к конструкциям, реализуемым в УК и УПК РСФСР. Если лицо, не подпадающее под льготную категорию, желает признать себя виновным, загладить причиненный вред, способствовать устранению его последствий – это его право, как известно, УК РФ содержит большой перечень смягчающих обстоятельств, причем ч. 2 ст. 61 УК РФ устанавливает, что суд может признать смягчающими и обстоятельства, не указанные в ч. 1 этой статьи, но гарантировать льготу по наказанию всем вряд ли справедливо и целесообразно. Общество не должно уговаривать убежденных преступников, у суда и при несогласии лица с особым порядком достаточно возможностей и полномочий рассмотреть уголовное дело и, установив фактические обстоятельства, принять законное и справедливое решение. Думается, на первом плане должна остаться не льгота, не экономия финансовых ресурсов любой ценой, а добровольное признание вины, раскаяние и заглаживание вреда, то есть то, что и должен стимулировать разумный законодатель. Именно так и никак иначе решается возможность применения упрощенных форм в развитых государствах континентальной Европы, главное здесь – согласие лица с обвинением, незначительность общественной опасности (по меркам того или иного государства), а также предшествующее поведение субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенцов В.А., Белохортов И.И.* Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
2. *Свиридов М.К.* Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 51 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
3. *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5.
4. *Трубникова Т.В.* Некоторые проблемы особого порядка судебного разбирательства // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Уголовно-процессуальный кодекс РФ: год правоприменения и преподавания». М., 2004.
5. *Строгович М.С.* Избранные труды. Т. 3. Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991.

УДК 343

Т.В. Трубникова

НАЧАЛО БЕСПРИСТРАСТНОСТИ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ: ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ НЕЗАСЛУЖЕННО

Аргументируется важность обращения российской уголовно-процессуальной науки и законодателя к проблемам обеспечения беспристрастности суда. Автор обосновывает необходимость определения содержания и места этого начала в системе уголовного процесса, формирования системы гарантий, необходимых для обеспечения его реализации при осуществлении уголовного правосудия, с опорой на правовые позиции Европейского суда по правам человека и достижения российского арбитражного процессуального законодательства.

Ключевые слова: *право на справедливое судебное разбирательство, право на судебную защиту, беспристрастность суда.*

В соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (которая согласно ст. 15 Конституции РФ является составной частью российской правовой системы) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым **и беспристрастным судом,** созданным на основании закона. Таким образом, беспристрастность суда является необходимым условием справедливого судебного разбирательства, одним из его элементов. Однако практическая реализация данного начала в уголовном судопроизводстве РФ затруднена.

Во-первых, это связано с недостаточной степенью нормативно-правовой регламентации начала беспристрастности суда. Уже сама необходимость обеспечения беспристрастности судей при осуществлении ими правосудия не упомянута в Конституции РФ, т.е. не обозначена как конституционный принцип судопроизводства. Беспристрастность суда в России не отнесена к числу принципов деятельности судов общей юрисдикции и Федеральным конституционным законом «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». В уголовно-процессуальном кодексе РФ термин «беспристрастность» вообще упоминается единственный раз – только в ч. 6 ст. 340 УПК РФ, согласно которой стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности. Для сравнения, в ГПК РФ и АПК РФ обязанность суда сохранять независимость, объективность и беспристрастность по крайней мере упомянута в статьях, посвященных соответственно принципу состязательности (ст. 9 АПК РФ) либо принципу состязательности и равенства сторон (ст. 12 ГПК РФ).

Следует, правда, отметить, что обязанность судьи при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности, предусмотрена ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», а также в некоторой степени конкретизирована в нормах «Кодекса судейской этики», утвержденного VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. Однако любопытно то, что судьи, согласно действующему российскому законодательству, являются не единственными, на кого возлагаются обязанности как в служебное, так и в неслужебное время воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в их беспристрастности (аналогичное требование предъявляется ст. 7 ФЗ РФ «О полиции» к сотрудникам полиции). Более того, профессиональные судьи не могут быть отнесены и к числу тех субъектов, требования к поведению которых в целях обеспечения гарантий их беспристрастности определены наиболее четко и подробно: правила «Кодекса судейской этики» в этом отношении явно уступают «Правилам о беспристрастности и независимости третейских судей», утвержденным Приказом Торгово-промышленной палаты РФ от 27.08.2010 г. № 39. Необходимо также, соглашаясь с Н.В. Ильютченко, отметить, что положения ч. 2 ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» нечетко определяют как само понятие конфликта интересов, так и обязанности судей в случае возникновения такого конфликта[1], в силу чего способны привести к негативным последствиям. В самом деле, норма, закрепленная в абз. 2 ч. 2 ст. 3 этого Закона, гласит, что «в случае возникновения конфликта интересов судья, участвующий в производстве по делу, обязан заявить самоотвод **или** поставить в известность участников процесса о сложившейся ситуации». Таким образом, исходя из буквального прочтения формулировок данного Закона, судья, личная заинтересованность (прямая или косвенная) которого «влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заин-

[1] *Ильютченко Н.В.* Конфликт интересов в деятельности судей // Нотариальный вестникъ. 2011. № 1. С. 50–52.

тересованностью судьи и правами и законными интересами граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации», поставив участников процесса в известность о наличии у него такой личной заинтересованности, может продолжать рассматривать такое дело по существу (?!).

Во-вторых, проблемы определения содержания начала беспристрастности суда, его места в уголовном процессе, обеспечения его реальной реализации при осуществлении правосудия по уголовным делам очень редко становятся предметом исследования в науке уголовного процесса[2].

Частично это проблема, как представляется, связана с тем, что ранее, в период действия УПК РСФСР, начало беспристрастности не упоминалось в законе и рассматривалось в уголовно-процессуальной науке не в качестве самостоятельного принципа, наряду, например, с принципом независимости судей и подчинения их только закону, а в составе начала всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, как одна из сторон объективности[3]. В связи же с отсутствием в УПК РФ формулировки, содержавшейся ранее в ст. 20 УПК РСФСР, наука уголовного процесса на продолжительный срок «забыла» и о начале беспристрастности суда.

В-третьих, в правоприменительной практике нередко возникают проблемы, связанные с недооценкой судьями значения требования беспристрастности и необходимости его неукоснительного гарантирования. Например, неоднократное заявление отводов суду иногда рассматривается последним как злоупотребление стороной своими процессуальными правами[4].

В таких условиях наука уголовного процесса должна обратиться к проблемам обеспечения беспристрастности суда и, определив его содержание и место в системе уголовного процесса, предложить законодателю систему гарантий (процессуального и организационного характера), необходимых для обеспечения реализации данного начала при осуществлении уголовного правосудия.

При этом необходимо отметить, что при определении содержания начала беспристрастности суда, минимально необходимого уровня гарантий его осуществления, юридическая наука может опираться на правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее – Европейского суда или ЕСПЧ), который в своих решениях по конкретным жалобам неоднократно был вынужден обращаться к данной проблематике. Как уже было упомянуто выше, Европейская конвенция (в том ее толковании, которое дается ей Европейским судом) является составной частью российской правовой системы и имеет приоритет над внутренним законодательством, соответственно – начало беспристрастности суда должно реализовываться в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в том объеме и в том его понимании, которые сформулированы в актах Европейского суда.

Итак, согласно правовым позициям, сформулированным в решениях ЕСПЧ, под беспристрастностью Европейский суд понимает отсутствие предубеждения и заинтересованности в исходе дела. Оценивая ее значимость с точки зрения обеспечения справедливого характера судебного разбирательства, Европейский суд неоднократно подчеркивал, что в демократическом обществе важно, чтобы суды внушали доверие населению[5]. Поэтому необходимо не только, чтобы судьи были действительно беспристрастны, непредубеждены, но **и чтобы они выглядели таковыми**. С учетом этого Европейский суд при проверке беспристрастности судей разделяет субъективный подход, отражающий личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективный подход к проверке, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу»[6].

---

[2] В качестве немногих исключений следует отметить работы: *Багыллы Т.А.* Принцип беспристрастности правосудия и порядок разрешения отвода судьи: проблема правового регулирования и реализации // Закон. 2010. № 12. С. 143–148; *Есева Е.Ю.* Гарантия беспристрастности российского суда // Вопросы права и политики. 2012. № 2. С. 49-61; *Михайловская И.Б.* Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 96-102; *Садчикова О.В.* Соотношение норм УПК РФ с практикой Европейского суда по правам человека и беспристрастность судьи в российском уголовном процессе (в контексте повторного участия судьи в деле) // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 266–274; *Сайкин Л., Груздь Б.* Невозможно быть беспристрастным, рассматривая отвод самому себе // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 18; *Сенякин Н.Н.* Беспристрастность судьи как главное условие справедливого правосудия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 3. С. 41–44; *Тетюев С.В.* Возможность отвода судьи – гарантия беспристрастности состава суда // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 42–46; *Федорин В.Е.* Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... к.ю.н. / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2007. 25 с.; *Хитрова О.В.* Позиции сторон, независимость и беспристрастность суда в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2011. № 2. С. 123–130.

[3] См., например, Советский уголовный процесс. Учебник / под ред. Д.С. Карева. М.: Юрид. лит., 1975. С. 60–62; Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. М.: Юрид. лит., 1970. С. 37–40; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. С. 160; Уголовный процесс. Учебник для вузов / под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 1995. С. 117–118 и др.

[4] См., например, *Восканян М.Ж.* Заявил отвод суду – злоупотребил процессуальными правами? // Российский судья. 2012. № 5. С. 41–48.

[5] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Клейн (Kleyn) и другие против Нидерландов» от 06.05.2003 г., п. 196. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Постановление ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п.30 // Европей-

При этом личная (субъективная) беспристрастность судьи, по мнению ЕСПЧ, презюмируется, пока не доказано обратное[7]. Напротив, для того чтобы констатировать нарушение объективного основания беспристрастности, **не требуется** достоверно устанавливать, что судья был предубежден или имел личную заинтересованность в определенном исходе дела. Судьи должны вести себя так, чтобы у участников процесса и присутствующих не возникало *объективных оснований для возникновения сомнений в беспристрастности суда*[8]. Причем при решении вопроса о том, имелись ли в данном деле законные основания опасаться, что конкретный судья небеспристрастен, по мнению ЕСПЧ, точка зрения лиц, утверждающих это, важна, но не имеет решающего значения. Решающее значение имеет вопрос о том, можно ли считать данное опасение объективно оправданным[9]. Например, по делу «Белуха против Украины» Европейский суд установил, что председатель суда, который единолично рассматривал дело заявителя в качестве суда первой инстанции, требовал и получал на бесплатной основе (для суда в целом) определенное имущество от компании-ответчика. По мнению Европейского суда, в этих обстоятельствах опасения заявителя, что председатель суда будет пристрастным, могли быть объективно оправданными[10]. По делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что были объективно оправданными сомнения заявителя относительно беспристрастности всего состава областного суда, поскольку председатель этого суда фактически возбудил дисциплинарное разбирательство против заявителя (являвшегося адвокатом), а в дальнейшем, когда заявитель обжаловал в суд решение Совета адвокатской палаты, которым он был лишен статуса адвоката, именно председатель суда в соответствии со своими организационными и управленческими функциями определил состав суда и передал ему дело[11].

Относительно же минимально необходимых гарантий обеспечения беспристрастности судей ЕСПЧ также неоднократно высказывался. В частности, в ситуации, когда имело место заявление, ставящее под сомнение беспристрастность судьи (судей), по мнению ЕСПЧ, национальный судебный орган в каждом случае обязан проверить, является ли данный судебный состав «беспристрастным судом» в свете положений ст. 6 Конвенции[12]. Причем такая проверка должна быть эффективной, способной устранить сомнения относительно реальности и характера указанных фактов[13]. Если в результате проверки будет установлено, что сомнения в беспристрастности обоснованы, то всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются законные сомнения, должен выйти из состава суда[14].

Необходимо также отметить, что в уголовно-процессуальной доктрине России (в том числе и в актах Конституционного Суда РФ, в той или иной мере отражающих ее) зачастую гарантии беспристрастности судей (например, недопустимость принятия на себя судом обязанностей по реализации функции обвинения) рассматриваются в качестве гарантий принципа состязательности, что ведет к смешению содержания двух этих, как представляется, самостоятельных принципов уголовного процесса. Европейский же суд возводит беспристрастность суда, наряду с состязательностью, равенством возможностей сторон и независимостью суда, в ранг самостоятельных принципов справедливого судебного разбирательства и (в отличие от Конституционного Суда Российской Федерации и российского законодателя) рассматривает ситуацию, в которой суд принимает на себя реализацию функции обвинения, отнюдь не с точки зрения нарушения начала состязательности, а с точки зрения необеспечения в этом случае беспристрастности суда. Так, в деле «Озеров против Российской Федерации», где уголовное дело в отношении заявителя было рассмотрено судом РФ в ноябре 1999 г. в отсутствие прокурора, Европейский суд признал, что имело место нарушение ст. 6 Конвенции, но обоснованно показал, что в ситуации, когда имеется смешение функций прокурора и судьи, имеются обоснованные сомнения в беспристрастности такого судьи (а не основания полагать нарушенным принцип состязательности)[15]. Тем не менее такой подход воспринят в настоящее время лишь крайне небольшим числом

ский суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417–421.

[7] См., среди прочих прецедентов, Постановление ЕСПЧ по делу «Падовани (Padovani) против Италии»» от 26 февраля 1993 г. (жалоба № 13396/87), п. 20. URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en (дата обращения 01.12.2010), а также Постановление ЕСПЧ по делу «Морель (Morel) против Франции» от 06 июня 2000 г. (жалоба № 34130/96), п. 41. URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en (дата обращения 01.02.2013).

[8] См. Постановление ЕСПЧ по делу «Бусчеми (Buscemi) против Италии», от 16 сентября 1999 г. (жалоба № 29569/95) // http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Buscemi%20 %7C%20v.%20 %7C%20Italy&sessionid=48658344&skin=hudoc-en (дата обращения 01.02.2013).

[9] Постановление ЕСПЧ по делу «Озеров (Ozerov) против Российской Федерации) от 18 мая 2010 г. (жалоба № 64962/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] Постановление ЕСПЧ по делу «Белуха (Belukha) против Украины» от 09.11.2006 г. (жалоба № 33949/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Постановление ЕСПЧ по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации»» от 03 февраля 2011 г. (жалоба № 8921/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Ремли против Франции» от 23.04.1996 г.// Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 196–206.

[13] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Фархи (Farhi) против Франции» от 16.01.2007 г. (жалоба № 17070/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] См., например, Постановление ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п.30 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417–421.

[15] Постановление ЕСПЧ по делу «Озеров (Ozerov) против Российской Федерации) от 18 мая 2010г. (жалоба № 64962/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ученых, занимающихся проблемами российского уголовного процесса.

Представляется, что даже само рассмотрение начала беспристрастности суда в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса, необходимого элемента права каждого на судебную защиту, четкое разграничение в доктрине уголовного процесса принципов состязательности, равенства сторон и беспристрастности суда, адекватное определение в уголовно-процессуальном законодательстве содержания каждого из этих принципов, даже и без создания дополнительных гарантий беспристрастности судей, способно повысить уровень реализации данного начала. Это, в свою очередь, окажет положительное влияние на уровень гарантированности фактической реализации права на справедливое судебное разбирательство и конституционного права на судебную защиту в уголовном судопроизводстве РФ.

Далее, в настоящее время практика Конституционного Суда РФ, как представляется, не вполне адекватно, не в полном соответствии с правовыми позициями ЕСПЧ (хотя и ссылаясь на них) определяет содержание начала беспристрастности судей. В своем Определении от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О, Конституционный Суд РФ записал, что участники судебного разбирательства **должны** испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном. В результате Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что предусмотренный ГПК РФ (и УПК РФ также) порядок разрешения вопроса об отводе, заявленном судье, рассматривающему дело единолично, не противоречит Конституции РФ. Представляется, что данное Определение содержит позицию, прямо противоречащую толкованию ст. 6 Конвенции, данному Европейским судом по правам человека. В самом деле: Европейский суд исходит из того, что **суд должен** действовать так, чтобы окружающие испытывали к нему доверие, а если это доверие по каким-либо причинам нарушено, то суд должен предпринять достаточные меры для того, чтобы это доверие восстановить. Конституционный же Суд РФ заявил, что **участники судебного разбирательства должны** испытывать доверие к суду и не могут терять его иначе, как при наличии достоверных доказательств пристрастности суда, получить которые практически невозможно. Возникают поэтому существенные сомнения: действительно ли такая позиция Конституционного Суда РФ способна гарантировать обеспечение беспристрастности суда, а значит, и обеспечить реальный и исполнимый характер права каждого на судебную защиту?

Наконец, представляется, что в уголовно-процессуальном законодательстве РФ содержится явно недостаточный объем гарантий для исключения обоснованных сомнений в беспристрастности судьи и обеспечения отвода судьи, в отношении которого такие обоснованные сомнения появились. В частности, в уголовно-процессуальном законодательстве РФ в настоящее время не регламентирован порядок формирования состава суда, состоящего из одного судьи или трех профессиональных судей, а также основания и порядок передачи дела от одного состава суда другому. В результате отсутствует прозрачность в передаче дел тому или иному судье, не исключена произвольная, немотивированная (и многократная) передача дела от одного судьи другому, что (особенно в условиях невозможности обжалования соответствующего решения) само по себе способно вызвать обоснованные сомнения в независимости и беспристрастности суда. Например, по делу «Моисеев против Российской Федерации» предметом рассмотрения ЕСПЧ стала ситуация, когда состав суда, рассматривающего дело, неоднократно менялся (всего было произведено 11 замен). Причины таких замен были известны только в двух случаях. По мнению ЕСПЧ, замена председательствующего без указания причин должна считаться произвольной. Поскольку законодательство РФ не определяет, в каких случаях председатель суда может передавать дело другому судье, председатель в деле заявителя фактически использовал неограниченное усмотрение по данному вопросу, без каких-либо процессуальных гарантий, например, обязанности информировать стороны о причинах такой меры или предоставления им возможности высказывать по этому поводу свое мнение или обжаловать замену в вышестоящем суде. В результате ЕСПЧ пришел к выводу, что в данном случае имело место нарушение ст. 6 Конвенции, в связи с нарушением признаков независимости и беспристрастности суда[16].

Кроме того, перечень оснований для отвода судьи, закрепленный в УПК РФ, не гарантирует возможности устранения от рассмотрения дела судей, в отношении которых у объективного наблюдателя может сложиться обоснованное основание для сомнений в их небеспристрастности (при отсутствии данных о личной заинтересованности такого судьи в исходе дела). В действующем законодательстве (УПК РФ, Закон РФ «О статусе судей в РФ») не оговорены четко ситуации, в которых судья обязан раскрыть перед сторонами информацию об обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Наконец, как представляется, основания и порядок разрешения отвода, заявленного судье, установленные в российском уголовно-процессуальном законодательстве, не гарантируют в достаточной степени проведения объективной проверки заявлений о сомнениях в его беспристрастности.

В отличие от УПК РФ, заметим, арбитражное процессуальное законодательство РФ регламентирует:

- порядок формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела (в соответствии со

[16] См. Информация о Постановлении ЕСПЧ по делу «Моисеев против России» от 09.10.2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 2. С. 17–21.

ст. 18 АПК РФ он должен быть сформирован с учетом нагрузки и специализации судей в порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства. Кроме того, в соответствии с п. 31 Регламента арбитражных судов, утвержденного Постановлением Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 г. № 7 (ред. от 17.12.2009), распределение дел при наличии программного обеспечения может производиться в автоматизированном режиме);

- основания замены судьи или одного из судей, начавших рассмотрение дела (ст. 18 АПК РФ);

- субъектный состав лиц, уполномоченных принимать решение о такой замене (п. 37 Регламента арбитражных судов);

- порядок принятия решения о замене судьи или одного из судей, начавших рассмотрение дела, а также требования к оформлению соответствующего решения и обязательность его приобщения к материалам дела (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»);

- дополнительные (по сравнению с УПК И ГПК РФ) основания для отвода судьи (например, если имеются иные обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности);

- гарантии объективного характера разрешения отвода, заявленного единоличному судье (в число которых, в частности, входит разрешение такого отвода председателем суда арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава, а не тем судьей, которому заявлен отвод).

Еще более подробно (и весьма удачно, как представляется) основания для отвода судьи (третейского), обстоятельства, которые должны быть им раскрыты сторонам, процедура изучения материалов и принятия решения об его отводе изложены в упоминавшихся уже «Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей», утвержденных Приказом Торгово-промышленной Палаты РФ от 27.08.2010 г. № 39. Таким образом, в РФ сложилась парадоксальная ситуация, в которой беспристрастность третейских судей обеспечена куда лучше, чем беспристрастность профессиональных судей в уголовном (и гражданском) процессе.

Думается, что необходимость создания достаточных гарантий для реализации принципа беспристрастности суда требует от российского законодателя распространить перечисленные выше положения арбитражного процесса (и процедуры рассмотрения дела третейским судом) в части обеспечения беспристрастности суда на уголовное судопроизводство, разумеется адаптировав их, в случае необходимости, к реалиям уголовного процесса.

Таким образом, неоправданное невнимание в юридической науке к проблематике начала беспристрастности уголовного суда, небрежное отношение к восприятию и использованию в отечественной правовой доктрине, уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике правовых позиций Европейского суда по правам человека (единственного органа, уполномоченного толковать содержание норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод) относительно содержания и минимальных гарантий беспристрастности суда ведет к сложностям в реальной обеспеченности реализации этого начала, а тем самым и к невозможности полной реализации права каждого на судебную защиту, права на справедливое судебное разбирательство уголовного дела.

УДК 343

С.А. Шейфер, М.А. Кошелева

СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ДОПУСТИМОСТИ КАК НЕОБХОДИМОГО СВОЙСТВА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

На основе анализа положений ФЗ от 4 марта 2013 г. и научных публикаций констатируется появление тенденции к фактическому отказу в интересах быстроты расследования от требований допустимости доказательств. Этой тенденции дается критическая оценка, подчеркивается важное значение института допустимости как средства предотвращения нарушений закона и обеспечения прав граждан, отмечается необходимость его всемерного укрепления и соблюдения.

Ключевые слова: *доследственная проверка, средства проверки, иные процессуальные действия, допустимость доказательств, процессуальная форма доказательства.*

На протяжении многих лет, начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., процессуальная наука отстаивала тезис о том, что доказательства, используемые для установления истины, должны обладать свойством допустимости, означающим, что они могут быть получены лишь с соблюдением установленной законом процедуры (из надлежащего источника, управомоченным лицом, законным способом, с закреплением в надлежащей форме). Факты беззакония и произвола, имевшие место в 30–40-х гг. прошлого века, побудили законодателя впервые в истории страны включить требование допустимости в Основной Закон страны. Статья 50 Конституции РФ гласит: «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Соответственно этому УПК РФ устанавливает, что собирание доказательств осуществляется управомоченными лицами путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ (ч. 1 ст. 86), а ст. 75 УПК РФ, повторяя и расширяя конституционное положение, вместе с тем определяет круг недопустимых доказательств, включая в них доказательства, полученные с нарушением закона.

Однако возникает вопрос, что следует понимать под процессуальными действиями, признаваемыми законом (ст. 86 УПК РФ) иными, помимо следственных, способами собирания доказательств. Этот вопрос прямо отсылает к предусмотренной УПК РФ (ч. 1 ст. 144) так называемой доследственной проверке, проводимой в стадии возбуждения уголовного дела и предусматривающей применение ряда приемов проверки.

Нельзя, однако, не напомнить, что Концепция судебной реформы в РСФСР резко отрицательно относилась к доследственной проверке, видя в ней не обеспеченный необходимыми гарантиями суррогат предварительного расследования и исходя из того, что уголовное дело следует возбуждать в каждом случае получения сообщений о преступлении, если из них не усматривается их ложность. Вносились и предложения вообще отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, которая отсутствовала в Уставе уголовного судопроизводства[1].

Тем не менее законодательство последних лет не только не отказалось от доследственной проверки, но и постоянно расширяло ее границы. Особенно развернуты они оказались Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. К предусмотренным ранее средствам проверки – следственным действиям – осмотру, освидетельствованию, а также к требованию о проведении ревизий, документальных проверок и исследованию предметов, документов, трупа добавлены дополнительно получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие предметов и документов, назначение судебной экспертизы, осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Новое законоположение сопровождено (ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ) предоставлением лицам, участвующим в проверочных процессуальных действиях, ряда гарантий, сходных отчасти с процессуальными гарантиями, которыми наделены участники предварительного следствия (не свидетельствовать против себя и близких, пользоваться услугами адвоката, обжаловать действия и решения органа расследования). Одновременно (в ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ) законодатель счел возможным использовать сведения, полученные в ходе проверки, в качестве доказательств, оговорившись, что это возможно при условии соблюдения положений ст. 75 (Недопустимость доказательств) и ст. 89 (Использование в доказывании результатов ОРД) УПК РФ. Таким образом, несмотря на существенное расширение средств проверки, в УПК РФ сохранено требование допустимости доказательств. Более того, в норме об оценке доказательств (ч. 3 ст. 88 УПК РФ) сохранено право субъектов обвинительной деятельности признавать доказательства недопустимыми и не включать их в обвинение.

Все эти, не вполне согласованные между собой положения закона, побуждают к исследованию в условиях изменившегося законодательства института

[1] См.: *Дершиев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... к.ю.н. Омск, 1998. С. 118.

допустимости доказательств в плане определения сущности этого нормативного требования и круга сведений, на которые оно распространяется.

Из смысла ст. 74 УПК РФ доказательствами, о допустимости или недопустимости которых можно рассуждать, являются любые пригодные для установления предмета доказывания сведения, полученные субъектами доказывания «в порядке, определенном настоящим Кодексом». Это означает, что доказательствами по уголовному делу могут стать только сведения, полученные с соблюдением установленной законодателем для этого процедуры.

Рассмотрение под этим углом зрения способов доследственной проверки показывает, что процедура применения большинства из них законом не регламентирована. Так, отсутствует порядок получения объяснений, истребования предметов и документов, назначения ревизий и документальных проверок (в литературе неоднократно ставился вопрос о необходимости закрепить в законе порядок проведения двух последних, необходимых для доказывания, приемов). Что касается исследования документов, предметов, трупов – смысл этого предписания, по-видимому, состоит в применении методов экспертного исследования указанных объектов, но без соблюдения процессуальных форм проведения экспертизы (такая возможность предусматривалась ранее Положением о проведении судебно-медицинской экспертизы в СССР).

Из сказанного следует вывод: допускаемая законом возможность использования в качестве доказательств результатов доследственной проверки в значительной своей части не соответствует требованиям УПК РФ, содержащихся в ст.ст. 74, 75, относительно допустимости доказательств. Не обладая свойством допустимости, эти результаты вряд ли могут считаться доказательствами. К тому же невозможно причислить их к четко предусмотренным законом видам доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), в том числе и к иным документам, так как согласно ст. 84 УПК РФ последние должны быть получены, истребованы и представлены в порядке ст. 86 УПК РФ, то есть путем процессуальных действий, предусмотренных законом. Заметим попутно, что нельзя считать правомерными попытки некоторых исследователей причислить к иным документам любую относимую информацию, полученную без проведения следственных действий, то есть безгранично расширяющих объем этого вида доказательств и лишающих понятие доказательства необходимой четкости.

Нельзя не обратить внимание на все более частые попытки исследователей признать процессуальными доказательствами результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. Уже упомянутый Закон от 4 марта 2013 г. предоставил органам расследования право получать оперативно-розыскную информацию при проведении допроцессуальной проверки, что в контексте ч. 1[2] ст. 144 УПК РФ также означает возможность использования ее в качестве доказательств.

С иных позиций – путем отождествления оперативно-розыскных мероприятий со следственными действиями – обосновывают эту идею другие исследователи. Так, Н.А. Соколов, учитывая принятый Латвией Закон «Специальные следственные действия» от 21 апреля 2003 г., согласно которому в качестве доказательств можно использовать информацию, полученную в тайне, с применением для этого средств и методов оперативной работы[2], считает, как и провозглашено в этом акте, что если отсутствуют возможности получить недостающую информацию, следует провести специальные следственные действия в виде предусмотренных Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскных мероприятий[3]. Подобные предложения вносят и другие авторы, ссылаясь на то, что законодательство ряда стран Европы и США допускает использование материалов оперативно-розыскного происхождения в качестве доказательств. Однако при этом не учитывается два важных момента. Во-первых, оставляется без внимания законодательно закрепленный запрет использовать оперативно-розыскные данные в качестве доказательств в их изначальном виде, содержащийся в ст. 82 УПК РФ. Несмотря на не вполне удачную редакцию этой нормы, поскольку условием использования этих данных названо соответствие их требованиям УПК РФ, в то время как они изначально не соответствуют этим требованиям, ибо оперативно-розыскные мероприятия проводятся по правилам не уголовно-процессуального законодательства, а Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», из этой нормы все же следует, что в своем первозданном виде такие материалы не могут служить доказательствами. Во-вторых, порядок введения их в дело установлен Инструкцией шести ведомств от 17 апреля 2007 г., из которой видно, что в постановлении о направлении органам расследования результатов ОРМ должны быть приведены обстоятельства получения фактических данных, которые будут определять допустимость доказательства. Принимая результаты ОРД, орган расследования должен проверить их происхождение, отсутствие возможной деформации, отразив эту информацию в протоколе представления доказательств, то есть принять решение о допустимости или недопустимости и соответственно – о приобщении или неприобщении материалов к делу[4]. Поспешное положительное решение о приобщении их к делу таит в себе угрозу правам

---

[2] http://www.alex-lawyer.lv/upzssd.htm. Дата обращения 21 декабря 2012 г.

[3] См.: *Соколов Н.А.* К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 60–64.

[4] Более подробно о процессуальных условиях использования в доказывании результатов ОРМ см.: *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. Проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. Главы 5, 6.

участников процесса и установлению истины, поскольку в процедуре ОРМ нет достаточных гарантий установления истины и обеспечения прав.

Помимо этого, следует учесть, что в странах Запада, на опыт которых ссылаются авторы, данные, полученные в результате оперативных мероприятий, получают легитимность только в суде, после проверки их допустимости. На досудебном производстве они, фактически, доказательствами не являются. В отечественном же уголовном процессе собирает доказательства и строит на них свои выводы орган расследования, и, как сказано выше, он обязан выяснить: допустимы ли предоставляемые ему результаты ОРМ и следует ли приобщить их к делу.

Принятие ФЗ от 4 марта 2013 г. побудило многих процессуалистов осмыслить новые законоположения и сопоставить их с традиционными постулатами теории доказательств. Встречаются и попытки создать новую или, по крайней мере, скорректировать существующую теорию доказательств. Одна из таких попыток основана на отказе от института допустимости доказательств. Так, П.В. Козловский, считая действующую систему доказательств неоптимальной, подвергнутой субъективным наслоениям, выступает против исключения из использования доказательств «на том основании, что они не отвечают специфическим правилам получения конкретного вида доказательства, если нет сомнений в их относимости и достоверности»[5]. В основу деления доказательств на виды автор кладет содержание доказательств (что верно отчасти), но не их форму, неотделимым элементом которой является способ получения доказательств. Автор, признавая возможность классификации доказательств по их процессуальной форме и отмечая ее значение в обеспечении всесторонности и полноты расследования, считает вместе с тем, что современные формы доказательств сдерживают вовлечение в доказывание «доброкачественных сведений»[6]. Многократно подчеркивая, что доказательствами могут быть сведения, обладающие относимостью и достоверностью, он ни разу не упоминает в своей работе о допустимости как необходимом свойстве доказательства. В целом же концепция автора состоит в том, что доказательством являются любые «доброкачественные сведения», в том числе и полученные средствами доследственной проверки. Интересно, что причину отрицательного отношения некоторых ученых к сведениям, полученным в стадии возбуждения уголовного дела, автор усматривает в негативной правоприменительной практике[7] (что верно лишь отчасти), но не в несоответствии большинства этих сведений требованиям допустимости, на что обращают внимание исследователи.

Нам же представляется, что изменения, внесенные в уголовный процесс Федеральным законом от 4 марта 2013 г., имеют узко-прагматическую цель – расширить задачи стадии возбуждения уголовных дел посредством резкой активизации познавательной деятельности на этом этапе, приравняв их фактически к задачам предварительного расследования и обеспечив их разрешение путем упрощенных процедур, облегчая этим деятельность органов расследования. Особенно ярко указанная цель проявилась в учреждении дознания в сокращенной форме, проводимого при кардинальном упрощении расследования (глава 32[1] УПК РФ).

Завершая эти рассуждения, приходим к выводу, что отказ от требования допустимости доказательств, явственно выраженный в ФЗ от 4 марта 2013 г., а также в ряде научных публикаций, несмотря на сохранение его в нормах УПК РФ, ускоряет производство по делу, но способен причинить существенный вред отечественному судопроизводству, так как позволяет строить его на вызывающих сомнение доказательствах и на подмене проверенных средств их получения непроцессуальными аналогами. Исторический опыт показывает, что пренебрежение к процессуальной форме способно породить грубые нарушения закона и ущемление прав граждан. Ввиду сказанного, институт допустимости доказательств требует всемерного укрепления и неукоснительного соблюдения на практике. Представляется, что негативный опыт применения новых законоположений, ожидаемый в будущем, подтвердит это предположение.

[5] *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: автореф. дис. … к.ю.н. Омск, 2013. С. 8, 16.
[6] Там же. С. 9, 16.
[7] Там же. С. 17.

УДК 343.13

Ю.К. Якимович

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

Рассмотрены различные виды уголовно-процессуальных производств. Автор последовательно характеризует каждый из них, указывает на недостатки в правовом регулировании данного вопроса и вносит предложения по их разрешению.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальные производства, дифференциация уголовного процесса.*

Никто ныне не оспаривает[1], что в рамках единого уголовного процесса имеются различные виды производств. Наличие же в уголовном процессе различающихся между собой производств и составляет суть дифференциации уголовного судопроизводства.

Именно уголовно-процессуальные производства (которые делят процесс по вертикали) вместе со стадиями (которые делят процесс по горизонтали) определяют систему и структуру уголовного судопроизводства в целом. Я не затрагиваю в этой работе проблемы, связанные со стадиями. Хочу лишь отметить, что, несмотря на отказ законодателя от этого понятия (УПК РФ делит весь уголовный процесс на два этапа: досудебный и судебный), никто из известных ученых не оспаривает наличие и в современном российском уголовном процессе[2] стадий как самостоятельных этапов, различающихся между собой задачами, субъектами, особенностями процессуальной деятельности и завершающихся вынесением итогового процессуального акта, от содержания которого зависит дальнейшая судьба процесса: либо он завершается, либо переходит в следующую стадию[3].

Но прежде чем исследовать различные виды производств в рамках дифференциации уголовного процесса, необходимо определиться с общим понятием «уголовно-процессуальное производство». Данное понятие неотделимо от понятия уголовного процесса в целом. От того, как мы определяем понятие «уголовное судопроизводство», напрямую будет зависеть и определение понятия «уголовно-процессуальное производство» как части уголовного процесса.

Вопрос о понятии уголовного процесса всегда был непростым для ученых-процессуалистов, и по нему велись оживленные дискуссии в отечественной литературе, особенно во второй половине XX века[4].

Представляется, что уголовный процесс не может определяться однозначно. Это и самостоятельная отрасль права, и соответствующая ему отрасль законодательства, и, что следует особо подчеркнуть в свете новых веяний по дроблению научных специалистов, несомненно, сама уголовно-процессуальная деятельность. Вне уголовно-процессуальной деятельности уголовно-процессуальное право есть всего лишь фикция. С другой стороны, уголовно-процессуальная деятельность может осуществляться только в рамках уголовно-процессуального права и без нарушения норм уголовно-процессуального закона.

Изложенное выше относительно понятия уголовного процесса в полной мере относится и к понятию «уголовно-процессуальное производство» как части последнего.

Итак, под уголовно-процессуальным производством понимается: во-первых, определенный вид уголовно-процессуальной деятельности; во-вторых, самостоятельный институт уголовно-процессуального права; и, в-третьих, та часть уголовно-процессуального законодательства, нормы которой и регулируют эту деятельность в рамках самостоятельных уголовно-процессуальных производств.

Признаком самостоятельного уголовно-процессуального производства, на мой взгляд, прежде всего, является его направленность, выражающаяся в специфике предмета и задач. Кроме того, самостоятельное уголовно-процессуальное производство всегда носит полистадийный характер. Это «вертикальный срез» уголовного процесса. Хотя в отдель-

---

[1] Такие споры и весьма отчаянно велись в процессуальной литературе 70–80-х годов XX века. См., например: *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 33–37; *Арсеньев В.Д., Метлин Н.Ф., Смирнов А.В.* О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. 1986. № 1. С. 78–83; *Гуляев А.П.* Дифференциация уголовных деяний и уголовно-процессуальное право // Сов. государство и право. 1986. № 7. С. 86–90; *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1976. С. 68–85; *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1981. С. 68–103 и др.

[2] *Манова Н.С.* Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 228 с.; *Волколуп О.В.* О справедливости уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 143–145 и др.

[3] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 66; *Михайленко А.Р.* О сущности и значении стадии советского уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 114–120; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. *П.А. Лупинской*. М.: Юристъ, 2001. С. 15 и др.

[4] См., например, работы Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, П.С. Элькинд и др.

ных видах самостоятельных производств могут отсутствовать отдельные стадии. Так, по делам частного обвинения по общему правилу не производится предварительное расследование, и, таким образом, после стадии возбуждения уголовного дела (если оно возбуждено у мирового судьи) сразу же следует первая судебная стадия – стадия назначения дела к слушанию.

Обычно в качестве критерия дифференциации уголовного судопроизводства, критерия разграничения всего уголовного процесса на самостоятельные уголовно-процессуальные производства используется только один – сложность процессуальной формы, и разграничивают по этому критерию только производства по уголовным делам. Однако (и об этом я писал много лет назад[5]) кроме производств по уголовным делам в уголовном процессе были и появляются все новые и новые производства, которые либо вовсе не имеют отношения к уголовному делу (производство по применению принудительных мер медицинского характера, производства по условно-досрочному освобождению и многие другие), либо, хотя и имеют отношение к уголовному делу, однако в них не решаются вопросы виновности и наказания, а направлены они на разрешение совершенно иных задач – например, производства по судебному контролю[6].

Вот почему я считал и продолжаю считать, что главным критерием разграничения производств на различные виды служит их направленность, выражающаяся в предмете и задачах. По этому критерию все производства подразделяются на основные – производства по уголовным делам, дополнительные и особые. В рамках дополнительных[7] (а это производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора – глава 47 УПК РФ) производств, как и в основных, применяются нормы уголовного права. Но эти производства не имеют никакого отношения к вопросам, разрешаемым в основных производствах: виновности и назначения наказания. Они появляются тогда, когда возникает необходимость в предусмотренных уголовным законом случаях разрешить подведомственные уголовному суду вопросы, возникающие уже после вступления приговора в законную силу и в процессе его исполнения. При этом в этих производствах ни в коей мере не затрагиваются вопросы законности, обоснованности, справедливости приговора суда. Поэтому это не продолжение процесса по уголовному делу, не стадия исполнения приговора.

Дополнительные производства – это самостоятельные полистадийные производства. В них отсутствуют досудебные уголовно-процессуальные стадии, но каждое из них может пройти все судебные стадии, начиная со стадии назначения дела к слушанию, вплоть до пересмотра его кассационной и надзорной инстанциями.

Я, как и другие авторы[8], называю их (конечно же, условно) дополнительными, поскольку в отличие от основных они не категорично присущи уголовному судопроизводству: сегодня они есть, а завтра может их не быть, если вопросы, указанные в ст. 397 УПК РФ, будут разрешать не суды, а тюремная администрация или иные административные органы.

Особые производства потому так и называются, что их материально-правовой базой являются нормы не уголовного права, а административного и конституционного права.

Прежде всего, к ним относится производство по применению принудительных мер медицинского характера[9]. Принудительные меры медицинского

---

[5] *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 104 с.; *Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В.* Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.

[6] *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2004. 379 с.; *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2002. 332 с.; *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2000. 297 с. и др.

[7] *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 104 с.; *Якимович Ю.К., Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 128–137; *Квициния Д.А.* Уголовно-процессуальные новеллы, регулирующие деятельность суда в стадии исполнения приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 72–75.

[8] См., например: *Мартыняхин Л.Ф.* Проблемы повышения эффективности судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении от наказания: дис. ... к.ю.н. Томск, 1990. 251 с.; *Якимович Ю.К., Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 128–137 и др.

[9] Мнения о том, что производство по применению принудительных мер медицинского характера является «особым», придерживаются также В.В. Николюк, В.В. Кальницкий (см.: *Николюк В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990. С. 5–6; *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 19–20; *Кальницкий В.В., Николюк В.В.* Особые производства в советском уголовном процессе // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Вопросы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. трудов. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 111–118). Между тем в литературе по уголовному процессу под особыми производствами нередко понимают те производства по уголовным делам, в которых усложняются или упрощаются процессуальные формы. К особым относят производства по делам несовершеннолетних, по делам частного обвинения, по делам с протокольной формой судебной подготовки материалов (см.: *Ермилов В.Я.* О гарантиях прав обвиняемого в особых производствах // Гарантии прав личности в уголовном процессе ПНР. Ярославль, 1976. С. 39–44; *Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А.* Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983. С. 91; *Швецов В.И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. С. 15). В действительности, все эти производства являются разновидностями производств по уголовным делам и в связи с этим никакими особыми

характера назначаются не за совершение преступления (преступления может и вовсе не быть в случае невменяемости), а носят (как и меры пресечения) пресекательно-предупредительный характер. И нормы, регулирующие материально-правовую сторону принудительных мер медицинского характера, хотя и в большей части расположены в Уголовном кодексе, носят явно выраженный административный характер. Кстати, по законодательству Российской империи не требовалось судебного решения для помещения лица, совершившего общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в психиатрическое лечебное учреждение. Достаточно было решения следователя, основанного на заключении врачебной комиссии, освидетельствовавшей это лицо.

Возможно появление и иных особых производств, в рамках которых будут применяться материальные нормы административно-правового характера, например при возрождении лечебно-трудовых профилакториев[10].

Однако гораздо большее развитие получили особые производства, в рамках которых применяются нормы конституционного права. Имеются в виду те производства, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ и которые в литературе обычно именуются производствами по судебному контролю[11].

Вопрос о судебно-контрольных производствах непростой. Есть противники (и их немало) судебного контроля именно в рамках уголовного процесса вообще или его расширении в частности.

Как уже отмечалось выше, в рамках особых производств по судебному контролю действительно применяются нормы конституционного права. Но следует ли из этого, что надо создавать новую отрасль процессуального права – конституционно-процессуального права и соответственно специализированные суды, которые бы эти вопросы рассматривали? Представляется, что нет.

Именно при решении вопросов о даче судом согласия на производство наиболее серьезных мер процессуального принуждения, при рассмотрении жалоб на действия (бездействия) органов дознания, следователя, прокурора, как никогда требуется быстрота, властность, т.е. именно те качества, которые присущи методу уголовного процесса. И потом, справляются ли ныне действующие федеральные суды общей юрисдикции с возложенными на них задачами по судебному контролю? Если да (а это в целом именно так), то тогда зачем что-то реформировать в аспекте рассматриваемой проблемы? Другое дело, что нет необходимости в столь тотальном судебном контроле, его бы следовало сузить, вернув прокурору утраченные им полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием.

Проблемами дополнительных производств (наряду с другими авторами) основательно занимается О. В. Воронин[12].

Многие ученые (о чем уже упоминалось ранее) посвятили свои труды проблемам судебного контроля (или, как я их называю, – особым производствам).

Одним из немногих позитивных моментов в деятельности нашего законодателя в области уголовного судопроизводства явилось внесение существенных изменений в главу 51 УПК РФ «Производство о применении принудительных мер медицинского характера». В частности, наконец-то определено процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется это производство. Разрешены и многие другие, возникавшие ранее вопросы, на которые обращалось внимание много десятилетий подряд, в том числе и мною[13].

Поэтому далее я перейду к проблемам и перспективам дифференциации основных производств, то есть производств по уголовным делам.

Что касается досудебного производства, то оно крайне «монолитно» и практически не дифференцировано. Фактически полицейское дознание мало чем отличается от предварительного следствия. А ведь, когда УПК РФ только начал действовать, дознание весьма существенно отличалось от предварительно-

их считать нет необходимости, равно как и производства, предусмотренные главами 40, 40[1] УПК РФ.

[10] По этому вопросу я уже писал. См.: *Якимович Ю.К.* Процессуальная форма направления в ЛТП // Проблемы правоведения в современный период: сб. ст. / под ред. проф. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 198–199.

[11] *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2004. 379 с.; *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2002. 332 с.; *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2000. 297 с. и др.

[12] *Якимович Ю.К., Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 128–137; *Воронин О.В.* Некоторые вопросы оптимизации порядка возбуждения производства, направленного на рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юридические науки. 2003. С. 94–97; *Воронин О.В.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: монография. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.; *Воронин О.В.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования производств, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора, по УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Ч. 30. С. 176–179 и др.

[13] *Галаган А.И.* Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми. Киев: НИ и РИО, 1986. С. 45; *Ленский А.В., Якимович Ю.К.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Юристъ, 1999. 48 с.; *Михайлова Т.А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Всес. науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка, 1987. С. 33; *Николюк В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990. С. 5–6 и др.

го следствия: оно проводилось только по очевидным преступлениям и в весьма краткие сроки, которые мог только один раз продлить прокурор и также на незначительный срок. Чем же сейчас отличается дознание от следствия, производимого следователями МВД? Практически ничем, если не считать того печального обстоятельства, что в дознании более квалифицированные кадры, чем в следственном аппарате МВД (во всяком случае, в Томской области). Представляется, что следовало бы вернуться (тем более, при условии, что будет образован единый орган предварительного следствия) к прежней ускоренной и упрощенной форме полицейского дознания, каким оно и было до реформ 2006–2007 гг. Реализация этого предложения позволила бы повысить эффективность предварительного расследования в целом.

Кроме того, следовало бы подумать о возвращении в сферу уголовно-процессуальной деятельности и протокольного досудебного производства, которое показало достаточную эффективность[14], и никому не ясны причины, по которым оно было устранено.

Стоит также отметить, что многие десятилетия ведутся споры о том, имеется ли необходимость в сохранении стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса[15]. Следует заметить, что ни в одной стране (кроме некоторых государств, входивших ранее в состав СССР) такой стадии нет. Вместо института «Возбуждение уголовного дела» там предусматривается другой институт – «Возбуждение уголовного преследования».

Последние изменения законодательства Российской Федерации, начиная с момента принятия УПК РФ, приводят меня к выводу о том, что, в конечном счете, стадию возбуждения уголовного дела заменит возбуждение уголовного преследования. Оно будет выступать либо в качестве самостоятельной стадии, либо будет сведено к вынесению процессуального акта.

Что касается производства в суде первой инстанции, то оно в достаточной степени дифференцировано. Кроме обычного производства имеются как упрощенные (производство по делам частного обвинения у мирового судьи, производства, предусмотренные главами 40, 40[1] УПК РФ), так и производства с более сложными процессуальными формами (производство по делам несовершеннолетних, в суде с участием присяжных, в отношении отдельных категорий лиц).

Не буду подробно останавливаться на недостатках правового регулирования порядка производства по делам, по которым обвиняемый согласился с предъявленным ему обвинением либо заключил досудебное соглашение о сотрудничестве (главы 40, 40[1] УПК РФ). Об этом я писал ранее[16]. Замечу лишь, что главным из них, на мой взгляд, является значительное ограничение (если не вовсе исключение) основополагающего принципа судебной деятельности – принципа непосредственности.

Остановлюсь на более общих и принципиальных вопросах дифференциации судебного производства по уголовным делам.

Дифференциация судебного производства не должна сводиться лишь к упрощению или усложнению процессуальных форм судебной деятельности. Она должна касаться и состава суда, рассматривающего различные категории дел. Представляется абсолютно недопустимым существующее ныне положение, когда абсолютное большинство уголовных дел рассматривается в судах первой инстанции единолично. Коллегиально рассматривались уголовные дела по первой инстанции и в Российской империи, и в Советской России. Причем по УПК РСФСР 1960 г. коллегиально рассматривались все без исключения уголовные дела.

Во всех современных государствах Европы также, если не большинство, то многие дела рассматриваются коллегиально. Мне могут возразить, что у нас тоже есть коллегиальный суд – суд с участием присяжных заседателей. Но сколько он рассматривает дел? Менее 1 % от числа всех поступающих в суд. Я не против единоличного рассмотрения уголовных дел, но единолично профессиональным судьей должны рассматриваться дела только о преступлениях нетяжких и только при наличии согласия как обвиняемого, так и потерпевшего. Во всех остальных случаях, по моему глубокому убеждению, уголовные дела по первой инстанции должны рассматриваться только коллегиально.

Другим важным вопросом является вопрос о составе этой коллегии. Должны ли в нее входить только профессиональные судьи или, наряду с ними, и представители народа – шеффены или народные заседатели, как они назывались у нас? Для разрешения этого вопроса следует обратиться, прежде всего, к действующей Конституции Российской Федерации. Статья 3 Конституции РФ прямо предусматривает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. А это означает, что на-

[14] Об этом писали многие авторы. См., например: *Лонь С.Л.* Протокольное производство в уголовном процессе (Исследование по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 238 с.

[15] *Андреева О.И.* О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Право. 2012. № 356. С. 109–112; *Вицин С.Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; *Гирько С.И.* О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16; *Усачев А.А.* Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72 и др.

[16] *Якимович Ю.К.* Соглашение о сотрудничестве – новый институт уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы XIII науч.-практич. конф. (18–19 февраля 2010 г.). В 3 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. Ч. 2. С. 193–195.

род не только должен участвовать в формировании судебной власти (избирать, во всяком случае, мировых судей и судей районных судов), но и его представители должны участвовать непосредственно в осуществлении судебной власти, в рассмотрении и разрешении уголовных дел по первой инстанции. Как уже отмечалось ранее, суд присяжных рассматривает очень мало дел. Да и потом исторический опыт показал его несостоятельность. Поэтому настоятельно требуется восстановить институт народных заседателей. Пусть они будут называться шеффенами, как это принято в Европе, суть от названия не меняется.

Естественно, невозможно в одной статье остановиться и тем более детально исследовать все проблемы дифференциации уголовного судопроизводства. Подытоживая же изложенное выше, прихожу к следующим выводам.

1. Под уголовно-процессуальным производством следует понимать:
   1.1. Определенный вид уголовно-процессуальной деятельности.
   1.2. Самостоятельный институт уголовно-процессуального права.
   1.3. Институт уголовно-процессуального законодательства, нормы которого регулируют уголовно-процессуальную деятельность в рамках самостоятельного полистадийного производства.
2. Дифференциация уголовного судопроизводства предполагает разграничение уголовного процесса не только по степени сложности процессуальной формы, но и по другому критерию – направленности производства, выраженной в его предмете и задачах. По этому критерию все уголовно-процессуальные производства можно подразделить на:
   2.1. Основные – производства по уголовным делам.
   2.2. Дополнительные – производства, возникающие в процессе реального исполнения приговора (не путать со стадией исполнения приговора).
   2.3. Особые – производства, материальной основой которых являются нормы административного (глава 51 УПК РФ), гражданского (гражданский иск в уголовном процессе), конституционного (ч. 2 ст. 29, ст. 125 УПК РФ) и иных материальных отраслей права (возмещение вреда в порядке реабилитации).
3. Разграничив все производства по их направленности, далее следует применить критерий сложности процессуальной формы.
4. Применив этот критерий к производствам основным (по уголовным делам), мы получим:
   4.1. Обычное производство, досудебная деятельность в котором осуществляется в форме предварительного следствия, а в суде первой инстанции дело рассматривается и разрешается в обычном порядке.
   4.2. Упрощенное производство.
   4.3. Производства с более сложными процессуальными формами.
5. Досудебное производство должно предполагать наличие в нем:
   5.1. Протокольного досудебного производства.
   5.2. Полицейского дознания (ускоренного и упрощенного в сравнении с предварительным следствием).
   5.3. Предварительного следствия, производимого следователями единого следственного органа.
6. Дифференциация должна предполагать в том числе и дифференциацию судебных составов, рассматривающих уголовные дела по первой инстанции. В этой связи, на мой взгляд, единолично профессиональным судьей должны рассматриваться только дела о нетяжких преступлениях и только при условии получения согласия на это как обвиняемого, так и потерпевшего.

Дела же о тяжких и особо тяжких преступлениях должны рассматриваться коллегиально в составе одного профессионального судьи и двух шеффенов (народных заседателей).

При этом не предлагается вообще устранить суд присяжных: при наличии суда шеффенов суд присяжных сам по себе «отомрет», как это уже было в России в конце XIX – начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2004. 379 с.
2. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
3. *Андреева О.И.* О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Право. 2012. № 356. С. 109–112.
4. *Арсеньев В.Д., Метлин Н.Ф., Смирнов А.В.* О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. 1986. № 1. С. 78–83.
5. *Вицин С.Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54–56.
6. *Волколуп О.В.* О справедливости уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 143–145.
7. *Воронин О.В.* Некоторые вопросы оптимизации порядка возбуждения производства, направленного на рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юридические науки. 2003. С. 94–97.
8. *Воронин О.В.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным

освобождением: монография. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
9. *Воронин О.В.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования производств, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора, по УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Ч. 30. С. 176–179.
10. *Галаган А.И.* Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми. Киев: НИ и РИО, 1986. 84 с.
11. *Гирько С.И.* О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 14–17.
12. *Гуляев А.П.* Дифференциация уголовных деяний и уголовно-процессуальное право // Сов. государство и право. 1986. № 7. С. 86–90.
13. *Ермилов В.Я.* О гарантиях прав обвиняемого в особых производствах // Гарантии прав личности в уголовном процессе ПНР. Ярославль, 1976. С. 39–44.
14. *Кальницкий В.В., Николюк В.В.* Особые производства в советском уголовном процессе // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Вопросы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. трудов. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 111–118.
15. *Квициния Д.А.* Уголовно-процессуальные новеллы, регулирующие деятельность суда в стадии исполнения приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 72–75.
16. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2002. 332 с.
17. *Ленский А.В., Якимович Ю.К.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Юристъ, 1999. 48 с.
18. *Лонь С.Л.* Протокольное производство в уголовном процессе (Исследование по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 238 с.
19. *Манова Н.С.* Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 228 с.
20. *Мартыняхин Л.Ф.* Проблемы повышения эффективности судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении от наказания: дис. ... к.ю.н. Томск, 1990. 251 с.
21. *Михайленко А.Р.* О сущности и значении стадии советского уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 114–120.
22. *Михайлова Т.А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Всес. науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка, 1987. 76 с.
23. *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 256 с.
24. *Николюк В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990.
25. *Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А.* Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983. 224 с.
26. *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2000. 297 с.
27. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. 471 с.
28. *Уголовно-процессуальное* право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 2001. 696 с.
29. *Усачев А.А.* Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 71–74.
30. *Швецов В.И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. 51 с.
31. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1976. 143 с.
32. *Якимович Ю.К.* Процессуальная форма направления в ЛТП // Проблемы правоведения в современный период: сб. ст. / под ред. проф. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 198–199.
33. *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 104 с.
34. *Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В.* Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
35. *Якимович Ю.К., Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 128–137.
36. *Якимович Ю.К.* Соглашение о сотрудничестве – новый институт уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы XIII науч.-практич. конф. (18–19 февраля 2010 г.). В 3 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. Ч. 2. С. 193– 195
37. *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

Е.Г. Михеенков

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе различных источников, архивных материалов, извлеченных автором из Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Томской области, рассматриваются особенности реформирования пенитенциарной системы Томской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте производимых Главным тюремным управлением преобразований пенитенциарной системы Российской империи. Автором рассматриваются историко-правовые аспекты исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, создание новых и реконструкция функционирующих пенитенциарных учреждений Томской губернии, анализируется соотношение уголовных и политических заключенных в период 1900–1914 гг., показывается вклад общественных объединений в реформирование пенитенциарной системы губернии на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: *пенитенциарная система, заключенные, пенитенциарная политика Российской империи, Томская губерния.*

В 1879 г. Российское государство официально взяло курс на проведение реформ пенитенциарной системы. Ее реализация в Сибири была связана, прежде всего, с экономическими соображениями. По мере развития капиталистических отношений, создания путей сообщений Сибирь перестала быть оторванной от центральных губерний страны, а следовательно, не могла оставаться исключительно местом ссылки уголовных преступников, от которых стремились избавиться центральные районы страны.

К последней трети XIX века ссылка отчетливо показала свою несостоятельность и в нравственном отношении. Положение казенных поселений полностью противоречило исправительно-воспитательной направленности уголовного наказания. Наконец рост числа преступлений после отмены крепостного права стал причиной и следствием начатых тюремных преобразований [1, с. 78–79]. Таким образом, требовалось создание новых пенитенциарных учреждений, способных адекватно исполнять, с одной стороны, карательную функцию уголовного наказания, а с другой – соответствовать элементарным требованиям содержания заключенных, обеспечивая им пригодные для отбывания наказания условия.

Необходимость тюремных преобразований была связана и с потребностью общества в гуманизации жизни в целом, что стало отчетливо ощутимо после проведения реформ Александра II. Кроме того, либерализация пенитенциарной системы Сибири напрямую была связана с постоянным участием России в международных пенитенциарных конгрессах. Однако копирование европейского пенитенциарного опыта без учета национальных и местных особенностей при постоянной проблеме с финансированием из центра ставило пенитенциарные учреждения Западной Сибири в невыгодное положение: строительство и реконструкции местных тюрем (в соответствии с Законом от 11 декабря 1879 г.) существенно затягивалось.

Законом предполагалось не только создать и реконструировать пенитенциарные учреждения, изменить типологию тюрем и управление ими, но и усилить воспитательно-исправительную направленность пенитенциарной системы в целом, что имело прогрессивное значение.

В Законе от 11 декабря 1879 г. были определены основные начала преобразования карательной системы государства, в основу которой были положены следующие виды уголовных наказаний:

- смертная казнь;
- каторга, назначаемая бессрочно или на срок с последующим переводом на поселение;
- ссылка на поселение без срока;
- заключение в исправительном доме;
- заключение в крепости;
- заключение в тюрьме;
- арест;
- денежная пеня.

В 1890 г. утверждается Устав о содержании под стражей. Для обеспечения реализации указанных целей в гражданском ведомстве создается система учреждений, имеющих свой особый правовой статус, которая включала в себя:

- помещения для подвергаемых к аресту;
- арестантские помещения при полиции;
- тюрьмы губернские, областные и уездные тюремные замки;
- исправительные арестантские отделения;
- тюрьмы для содержания к каторжным работам;
- пересыльные тюрьмы [2, с. 32].

С середины 1880-х годов в Томске были созданы два исправительно-арестантских отделения, предназначенных для отбывания наказаний мужчинами в возрасте от 16 до 60 лет, пригодных к тяжелым физическим работам. В связи с тем, что в них для отбывания наказаний направлялись заключенные со всей страны, они получили статус самостоятельных пенитенциарных учреждений. Как правило, в эти учреждения направлялись по распоряжению губернаторов арестанты по приговорам тех губерний, на территории которых исправительные арестантские отделения находились. В учреждении заключенные разделялись на отделения с учетом возраста, пола, степени общественной опасности совершенного преступления. При этом не рекомендовалось направлять в одно отделение лиц со слишком большой разницей в возрасте. Численный состав отделений и размещение арестантов в зависимости от степени их исправления определялись начальником исправительного арестантского отделения [3, с. 227].

В соответствии со ст. 31 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных время работы в исправительных арестантских отделениях зависело от меры вины и разделялось на пять основных степеней. Заключенные, приговоренные к содержанию в исправительных арестантских отделениях по первой степени, отбывали наказания от 3,5 до 4 лет; по второй степени – от 3 до 3,5 лет; по третьей степени – от 2,5 до 3 лет; по четвертой степени – от 1,5 до 2,5 лет; по пятой степени – от 1 до 1,5 лет. Сверх установленных в ст. 31 сроков отдача в исправительные арестантские отделения была допустима на срок от 5 до 6 лет [4, с. 4].

Изменение условий и порядка отбывания наказания заключенными в зависимости от их отношения к соблюдению установленного законом порядка в местах заключения признавалось одним из наиболее действенных стимулов, способствующих их исправлению. В законодательство, регламентирующее организацию тюремного быта, вводятся понятия отрядов испытуемых и исправляющихся. При отбывании наказания в виде содержания в исправительных арестантских отделениях заключенные, зарекомендовавшие себя в течение двухлетнего пребывания в этих учреждениях хорошим поведением, исполняющие добросовестно обязанности веры и показавшие прилежание в труде или освоении профессионального мастерства, могли быть причислены к отряду исправляющихся. В связи с этим, они получали отличную от других арестантов одежду. По истечении определенного времени нахождения в отряде они могли, по усмотрению начальника отделения, быть допущены к надзору за работой других арестантов. Таким образом, условия отбывания наказаний зависели от поведения самого осужденного, что соответствовало введению элементов прогрессивной системы отбывания наказаний в виде лишения свободы.

В 1891 г. в Томске начинается строительство новой пересыльной тюрьмы, вместимостью до 1000 заключенных. Само строительство было завершено в августе 1895 г., а тюрьма соответствовала требованиям Главного тюремного управления МВД [5, лл. 7, 49–50]. В 1913 г. началось строительство каменного тюремного замка в Мариинске. Через четыре года, 15 сентября 1917 г., губернским тюремным комиссаром было подписано постановление о завершении основных строительных работ и переводе заключенных в новое здание уездной тюрьмы [6, с. 31–32]. Вместе с тем скорее это было исключением из правил: реорганизация тюремных замков нередко ограничивалась их переименованием в уездные тюрьмы.

Сохранившиеся архивные данные Главного тюремного управления Министерства юстиции позволяют уточнить даты постройки и ввода в эксплуатацию большинства пенитенциарных учреждений Томской губернии. Большинство из них было введено в эксплуатацию в последней четверти XIX столетия: Каинская тюрьма – 1868 г. постройки, с лимитом содержания 150 заключенных; Бийская уездная тюрьма – 1880 г., с лимитом содержания 120 заключенных; Барнаульская тюрьма – 1894 г., с лимитом содержания 175 заключенных; Томское № 1 исправительное арестантское отделение – 1868 г., с лимитом наполняемости в 1070 заключенных [7]. Лишь Кузнецкая уездная тюрьма, предназначенная для содержания уголовных преступников, была построена в 1808 г. Однако заключенные содержались в ней с 1840 г. До этого времени постройка принадлежала военному ведомству и использовалась в качестве казармы местного гарнизона [8, с. 112].

Создание новых пенитенциарных учреждений в губернии позволило увеличить количество содержащихся в них заключенных. Так, в самом Томске на 1 января 1908 г. в них содержалось 4069 арестантов, а в 1912 г. их количество достигало уже 4720 человек [9].

В тюрьмах содержались самые разнообразные по правовому положению заключенные под стражу. Во-первых, это состоящие под следствием и судом, обвиняемые в преступлениях и проступках, для пресечения им способа уклонения от следствия и суда. Во-вторых, осужденные на временное заключение в тюрьме. В-третьих, лица, определенные на кратковременный арест по приговорам общих судов, принадлежащие к сословиям, не подвергавшимся телесным наказаниям. В-четвертых, так называемые «неисправимые должники», содержащиеся в тюрьмах, в случаях отсутствия специальных заведений для данной категории заключенных. Кроме того, в тюрьмах содержались пересыльные арестанты, ссыльные всех разрядов, вплоть до их высылки, а также военные арестанты в случаях, установленных законом.

Однако в целом по стране к 1901 г. удельный вес осужденных к лишению свободы, содержащихся в тюрьмах, составлял 55,5 %. Таким образом, тюрьма в Российской империи к началу XX века становится

основным пенитенциарным учреждением. Наказание в виде лишения свободы с содержанием в тюрьме стало основным в системе наказаний, что соответствовало имевшимся в то время в юридической науке взглядам на преимущества тюремного заключения перед другими видами наказаний [10, с. 49]. Пенитенциарные учреждения Томской губернии не являлись в этом отношении исключением из правил.

Уставы о содержании под стражей предусматривали раздельное содержание заключенных мужского пола от лиц женского пола; малолетних и несовершеннолетних от взрослых; дворян и чиновников и лиц иных привилегированных сословий от людей низшего состояния [3, с. 225–226].

Особенностью пенитенциарной системы губернии было прохождение большого количества этапных партий заключенных через Томск для отбывания наказаний в Восточной Сибири.

К началу XX века перевозка заключенных в Томской губернии осуществлялась по железной дороге и водным транспортом. Однако продолжали существовать и пешие маршруты конвоирования, например Барнаул – Новониколаевск. По территории Томской губернии к 1913 г. проходило 10 этапов, которые обеспечивались омской, томской и новониколаевской конвойными командами, общей численностью 178 сотрудников [11, с. 13].

По сохранившимся источникам установлено, что за период с 1879 по 1917 г. через территорию Томской губернии было этапировано около 50 000 заключенных, включая ссыльных, до отмены ссылки в 1900 г. Однако само значение закона от 12 июня 1900 г. состояло, прежде всего в том, что в Сибирь была полностью прекращена судебная ссылка, а также существенно ограничена ссылка по приговорам сельских и мещанских обществ. Однако за государственные и религиозные преступления была сохранена ссылка на каторгу и судебная ссылка на поселение. Административная политическая ссылка вплоть до 1917 г. оставалась основным средством борьбы с революционным движением.

При этом следует учитывать, что большинство из них было осуждено за особо опасные уголовные преступления к каторжным работам, либо длительным срокам лишения свободы. Что же касается лиц, осужденных за так называемые «политические» преступления, то даже в период царской реакции, последовавшей за революционными событиями 1905–1907 гг., их численность была намного меньше. В целом, за 1906–1914 гг. через места заключения Западной Сибири прошло 4633 политических пересыльных преступников и 4084 подследственных арестантов – всего 12 117 человек [12, с. 14].

Однако для данной категории заключенных были установлены учрежденные министром юстиции 16 апреля 1904 года «Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов».

Особенности режима для политических заключенных состояли в следующем. Политические заключенные содержались в одиночных камерах; заключенным этой категории из непривилегированных сословий запрещалось питаться за свой счет; их труд не применялся на хозяйственных работах, что, очевидно, объяснялось опасением их влияния на других заключенных. Чины жандармерии могли заходить к ним в камеру в любое время дня и ночи. Эти Правила были фактически упразднены в 1905 г., однако в период реакции была подтверждена обязательность их исполнения Циркуляром Главного тюремного управления от 20 июня 1907 г. № 17. Политические заключенные имели право читать книги лишь «серьезного научного содержания» [13, с. 17].

В отличие от центральных губерний страны, в которых трудовое использование арестантов повсеместно было начато лишь после принятия Закона от 6 января 1886 г., впервые организовавшего постановку работ в местах лишения свободы различного типа, в Томске этот процесс был начат несколько ранее. Так, в 1873 г. в Томском тюремном замке были устроены сапожные и портняжные мастерские, а приемом заказов от населения и организаций работ заведовал смотритель тюремного замка или его уполномоченные [14, с. 25]. Это позволило задействовать часть осужденных на работах, что благоприятно сказывалось на режиме в томских тюрьмах. В последующие годы практика привлечения заключенных к труду в пенитенциарных учреждениях губернии была продолжена. В 1910–1913 гг. при Исправительном арестантском отделении № 1 Томска были открыты кирпичный, смолокуренный и гончарные заводы, а также Заварзинская сельскохозяйственная ферма. Новым явлением для пенитенциарной системы губернии стало открытие при арестантском отделении № 1 в Томске электростанции, которая давала существенную прибыль. В немалой степени этому способствовало и то, что попечителями над томскими арестантскими отделениями были утверждены известные успешные в Сибири купцы – Викул Патрушев и Аким Каримов [15, с. 394], оказывавшие как организационную, так и финансовую поддержку создаваемым предприятиям.

В качестве финансовой поддержки администрация пенитенциарной системы Томской губернии рассматривала государственные заказы. Циркуляром ГТУ от 7 февраля 1913 г. № 7 региональным пенитенциарным системам предлагалось организовать пошив обуви для надзирателей и надзирательниц в условиях тюремных мастерских [16, с. 409–417]. Таким образом, пенитенциарная система стремилась к самообеспечению не только для заключенных, но и форменным обмундированием для сотрудников.

Использование арестантского труда в рассматриваемый период способствовало переходу пенитенциарной системы губернии от исполнения сугубо карательных функций в сторону создания ком-

плексного воспитательно-трудового воздействия на личность заключенных, среди которых труд заключенных занимал одну из ведущих позиций. Накопленный пенитенциарной системой губернии опыт получил свое развитие в последующие годы.

Наконец, обучение заключенных ремесленным навыкам объективно способствовало их дальнейшей ресоциализации, предупреждению рецидива преступлений. Однако без комплексной поддержки со стороны государства администрации пенитенциарной системы губернии было не под силу справиться с данной проблемой, что существенно снижало эффективность работы пенитенциарной системы Томской губернии в целом.

Просветительская работа с заключенными в большинстве случаев сводилась к религиозной деятельности, проводимой служителями русской православной церкви. Так, во всех пенитенциарных учреждениях Томска были введены должности штатных священников в тюремных церквях, в функции которых входило отправление православных обрядов, а также беседы с осужденными и чтение книг религиозного содержания [14].

Об оценке важности и значимости выполняемой священнослужителями работы со стороны государства свидетельствует то, что в соответствии с Законом от 15 июня 1987 г. состоящие при местах заключения священнослужители относились к администрации тюрем. Их денежное довольствие было не меньшим, чем у начальников пенитенциарных учреждений [17, с. 17].

В программе реформирования тюремной системы стоял вопрос организации тюремных библиотек для осужденных. В 1882 г. Главное тюремное управление обратилось в Комитет грамотности с просьбой об издании каталога книг для организации тюремных библиотек. Комитет направил в Главное тюремное управление список из 122 наименований книг. Почти 25 % из них составили книги религиозного содержания. Остальные были объединены в разделы по географии, истории, санитарной гигиене и естественным наукам. В каталог также были включены и произведения художественной литературы следующих авторов: Григоровича, Тургенева, Гоголя и Толстого [18, л. 12]. В Томске процесс создания тюремных библиотек также был начат несколько ранее, чем в центральных губерниях страны. К 1880 г. тюремные библиотеки томских пенитенциарных учреждений насчитывали около 1060 томов. Для осужденных выписывались периодические издания, такие, как журнал «Странник» и газета «Сын Отечества» [14]. Вполне естественно, что подобная деятельность вряд ли была возможна без привлечения широких слоев общественности к вопросам реформирования пенитенциарной системы.

Не без участия Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов 19 ноября 1896 г. была учреждена колония для несовершеннолетних преступников, которой было присвоено наименование «Соколовская». Она стала первой как на территории Западной Сибири, так и на Дальнем Востоке. Главное тюремное управление Министерства юстиции выделило ассигнования на это учреждение. Министр земледелия и государственного имущества 25 января 1897 г. распорядился отвести в пользование Обществу три участка в пяти верстах от Томска для устройства колонии. В 1901 г. колония была открыта, в ней содержалось шестнадцать мальчиков и две девочки. В последующие годы численность воспитанников существенно возросла за счет поступающих в колонию подростков из соседних губерний – Енисейской и Тобольской, а также Семипалатинской и Акмолинской областей Томской губернии [19, с. 23].

Таким образом, развитие пенитенциарной системы Томской губернии в дореволюционный период проходило в контексте преобразований Главного тюремного управления. Однако за длительный период реформирования пенитенциарной системы несколько раз менялся состав правительства. Это ограничивало преемственность проводимой политики, а отсутствие необходимых денежных средств существенно затормаживало начатые преобразования. Вместе с тем в пенитенциарной системе наметились тенденции перехода от реализации сугубо карательных функций к комплексному воспитательно-трудовому воздействию на заключенных, что являлось прогрессивным шагом в ее деятельности.

Вряд ли стоит согласиться с мнением И.В. Упорова, считающего, что «второй этап реформирования тюремной системы в России (с 1879 г.) оказался в итоге неудачным, поскольку в дальнейшем (до 1917 г.) реальные условия отбывания наказания в местах лишения свободы, несмотря на строительство новых тюрем, практически не изменились» [20, с. 247].

По крайней мере, это не относится к пенитенциарной системе Томской губернии. Во-первых, создание на ее территории новых пенитенциарных учреждений привело к улучшению условий отбывания наказаний заключенным, а также к частичной разгрузке их «тюремным населением». Во-вторых, изменение типов пенитенциарных учреждений приводило к дифференциации условий отбывания наказаний заключенными, что закреплялось в основных нормативно-правовых актах рассматриваемого периода времени. В-третьих, в качестве положительных результатов реализации тюремных реформ на территории губернии следует расценивать постепенный отход пенитенциарных учреждений от реализации сугубо карательных функций к комплексному воспитательно-трудовому воздействию на заключенного, сочетаемого с религиозным воспитанием и обучением. В-четвертых, создание нового типа исправительного учреждения на территории Томской губернии в виде колонии для несовершеннолетних являлось безусловной заслугой не только общественных объединений, но и руководства пе-

нитенциарной системой губернии, что создавало предпосылки для духовно-нравственного исправления несовершеннолетних заключенных.

Наконец, привлечение широких слоев общественности к работе исправительных учреждений во многом опережало процессы гуманизации отбывания наказаний в европейской части страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бортникова О.Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг.: монография. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. 304 с.
2. *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999. 448 с.
3. *Уголовно-исполнительное* право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. М.: Норма, 2005. 720 с.
4. *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 15. С. 2–202.
5. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 2. Лл. 7, 49–50.
6. *Марченко С.Г.* Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. 265 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.827. Оп. 1. Д. 3. Лл. 232, 243–244, 251, 260, 272.
8. *Белоусова О.А.* Из истории Кузнецкого тюремного замка // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 110–114.
9. *Томский* вестник. 1908. 12 января; 1912. 15 марта.
10. *Спицнадель В.Б.* Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России: дис. … д.ю.н. СПб., 2004. 380 с.
11. *Общий* состав чинов конвойной стражи (по состоянию на 24 февраля 1913 года). СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1913. 15 с.
12. *Михеев А.П.* Борьба социал-демократического подполья Западной Сибири против террористического режима царских тюрем (1905–1914 гг.): автореф. дис. … к.и.н. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. 27 с.
13. *История* исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: учеб. пособие / Л.Ф. Пертли и др. М.: Инфра-м Риор, 2010. 130 с.
14. *Отчет* Томского губернского попечительного комитета о тюрьмах за 1880 г. Томск, 1881. 45 с.
15. *Списки* лиц, утвержденных на 1913 г. господином министром юстиции, на основании ст. 301 Устава о содержании под стражей над исправительными арестантскими отделениями // Тюремный вестник. 1913. № 3. С. 394.
16. *Циркуляр* Главного тюремного управления от 7 февраля 1917 г. № 7 «О постройке в тюремных мастерских обуви для надзирателей и надзирательниц» // Тюремный вестник. 1913. № 3. С. 409–417.
17. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. 365 с.
18. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 882.
19. *Михеенков Е.Г.* Прогрессивная система отбывания лишения свободы несовершеннолетними в России: история и современность: учеб. пособие / под ред. В.А. Уткина. Томск: Томский филиал Кузбасского института ФСИН России, 2008. 94 с.
20. *Упоров И.А.* Пенитенциарная политика России в XVIII – XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 610 с.

УДК 343.8

Н.В. Ольховик

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Рассматриваются проблемы реформирования уголовно-исполнительных инспекций в свете создания в России службы пробации. Отмечается, что среди ученых и практиков еще не существует единого мнения об организационных и функциональных аспектах деятельности будущей Службы пробации в России. Автор приходит к выводу, что в настоящее время необходимо совершенствовать деятельность уже существующих уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний России и постепенно создавать на их базе прообраз службы пробации.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительное право, альтернативы лишению свободы, наказания без изоляции от общества, непенитенциарный режим, ресоциализация осужденных, социализация.*

Гуманизация современной уголовной политики сопровождается реформированием уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, уголовно-исполнительной системы, а также активизацией деятельности различных государственных и общественных институтов по ресоциализации осужденных и предупреждению преступности в целом. Количество осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, в отношении которых ведут работу уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний, сопоставимо по численности с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Широкая практика применения альтернативных санкций, их постоянное реформирование способствовали существенному повышению доли лиц, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, которые по степени социально-нравственной испорченности оказались более запущенными по сравнению с аналогичной категорией осужденных еще несколько лет назад. Это не могло не сказаться на уровне преступности осужденных, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, который ежегодно возрастает. Если к этому добавить исполнение инспекциями домашнего ареста и предполагаемую передачу уголовно-исполнительным инспекциям надзора за освобожденными из мест лишения свободы, которые будут относиться к еще более социально запущенной категории лиц, а исполняться все теми же уголовно-исполнительными инспекциями, то указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости реформирования уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний.

Прежде всего, реформирование уголовно-исполнительных инспекций связывается учеными с решением вопроса о расширении стоящих перед инспекциями задач и создании на их базе прообраза службы пробации, которая бы выполняла как досудебные (предоставление суду необходимой информации о личности подсудимого и помощь суду в вынесении оптимального приговора по делу), так и послесудебные функции (исполнение наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, осуществление контроля за осужденными; оказание поддержки и помощи осужденным, отбывающим наказания, связанные и не связанные с лишение свободы, а также их семьям; оказание поддержки и помощи жертвам преступлений) [1, с. 39–52].

Положение об уголовно-исполнительных инспекциях ставит перед ними только так называемые «послесудебные» задачи, к числу которых относятся: исполнение наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и исправительных работ, ограничения свободы; осуществление контроля за поведением условно осужденных, осужденных, которым судом отсрочено отбывание наказания, а также предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекциях. Практика показывает, что уголовно-исполнительные инспекции в настоящее время сосредоточены *в основном* на выполнении только части уже сформулированных задач: исполнении перечисленных наказаний и мер уголовно-правового характера, осуществлении контроля за осужденными. Существуют серьезные недостатки при проведении с осужденными воспитательной работы и реализации других направлений деятельности по предупреждению совершения подучетными новых преступлений, которые отчасти компенсируются участием уголовно-исполнительных инспекций в оказании социальной помощи, поддержки и защиты осужденных без изоляции от общества посредством своевременного информирования других субъектов о необходимости оказания адресной помощи в получении документов, удостоверяющих личность, в трудоустройстве, решении жилищных проблем, а также разъяснения осужденным их прав, реализация которых влияет на исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Расширение функций уголовно-исполнительных инспекций невозможно без увеличения штатной численности сотрудников. Норматив штатной численности сотрудников в настоящее время определяется постановлением Правительства Российской

Федерации и составляет 2,1 % среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете. Средняя нагрузка на одного инспектора по-прежнему высока, несмотря на последовательно принимаемые Федеральной службой исполнения наказаний меры по расширению штатов уголовно-исполнительных инспекций за счет образования уголовно-исполнительных инспекций со своими филиалами, введения должности психолога, а также должностей, непосредственно не связанных с осуществлением контроля за осужденными и предупреждения совершения ими новых преступлений. Эта деятельность Федеральной службы исполнения наказаний, безусловно, заслуживает поддержки, поскольку повышает уровень, значимость инспекций, престиж службы.

В то же время, на наш взгляд, при определении оптимальной численности инспекторов и старших инспекторов уголовно-исполнительных инспекций следует учитывать не только количество осужденных, состоящих на учете, но и время, затрачиваемое сотрудниками на выполнение основных функций, размеры территории, обслуживаемой инспекцией, и годовой эффективный фонд времени работы одного инспектора. Такой подход позволяет оптимизировать численность сотрудников – непосредственных исполнителей, исключая руководителей и работников, осуществляющих счетно-бухгалтерские, делопроизводственные, снабженческо-бытовые и административно-хозяйственные функции в уголовно-исполнительных инспекциях, а также технический персонал.

Для реализации этих положений было измерено время, затрачиваемое инспектором на выполнение одной функции в отношении одного осужденного. При этом учитывалось время на подготовительно-заключительные работы и обслуживание рабочего места, на отдых и личные надобности, на передвижение сотрудника в пределах здания, где располагается инспекция. Проведя такое исследование в отношении нескольких сотрудников в разных уголовно-исполнительных инспекциях, были получены средние показатели (нормы) времени, затрачиваемые на выполнение каждой функции.

В итоге, на принятие одного приговора (определения, постановления) суда к исполнению, включая их регистрацию в журнале входящих документов и журнале учета осужденных, изучение, подготовку и направление извещений (сообщений), оформление личного дела осужденного, заполнение контрольно-сроковой и сторожевой карточек, приходится 1,2 часа.

Для привлечения одного осужденного к отбыванию наказания без изоляции от общества или к исполнению требований приговора суда об условном осуждении либо отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) необходимо от 1,9 до 2,3 часа.

Контроль за исполнением одним осужденным требований приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью требует 52,4 часа. В эту норму включается время, затрачиваемое инспектором: на проверку выполнения администрацией организации требований приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; подготовку и направление представления в адрес представителей власти, государственных служащих, служащих органов местного самоуправления, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, не исполняющих требования приговора суда; проведение беседы с осужденным в случае неисполнения им требований приговора суда, составление справки и взятие объяснения с осужденного; подготовку и направление сообщений в заинтересованные инстанции о продлении осужденному срока наказания; проведение воспитательной работы с осужденным (беседа, выступление на собрании и т.п.); проверку осужденного по спецучетам.

Осуществление контроля за отбыванием обязательных работ одним осужденным требует 44,76 часа. Это время инспектор затрачивает на проверку поведения осужденного по месту работы, включая составление справки; проверку осужденного по спецучетам; ведение суммарного учета отработанного осужденным времени; взаимодействие с администрацией организации, в которой отбываются обязательные работы; проведение беседы с осужденным, нарушившим порядок и условия отбывания обязательных работ с оформлением объяснения и предупреждения о замене; оформление представления в суд об освобождении осужденного от отбывания обязательных работ или замене обязательных работ в порядке амнистии.

На осуществление контроля за отбыванием осужденными исправительных работ затрачивается 91,15 часа. Этого времени достаточно: для проверки осужденных по месту жительства и в общественных местах; ведения учетной карточки и личного дела; проверки правильности удержаний из заработной платы осужденного; проведения бесед с осужденными, с их родственниками и лицами, оказывающими влияние на осужденных; посещения осужденных по месту работы, проведения бесед с осужденными и администрацией организации; оформления материалов в прокуратуру для решения вопроса о привлечении виновных должностных лиц к ответственности; проведения беседы с осужденным, нарушившим порядок и условия отбывания исправительных работ с оформлением объяснения и предупреждения о замене; оформления представления в суд об освобождении осужденного от отбывания исправительных работ по амнистии или замене исправительных работ более строгим наказанием.

На осуществление контроля за одним условно осужденным инспектор в среднем затрачивает 87,83 часа. Показатель исчислялся исходя из суммарной продолжительности: подготовки и направления осужденному письменного уведомления о необходимости явки в уголовно-исполнительную инспекцию; проведения разъяснительной беседы с

осужденным при постановке его на учет с оформлением подписки и составлением справки по результатам проведенной беседы, составлением анкетных данных осужденного; подготовки уведомления администрации организации, учебного заведения и лечебного учреждения о возложении на условно осужденного обязанности не менять места работы или учебы без уведомления инспекции, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; оформление регистрационного листа на осужденного с обязанностью являться для регистрации в инспекцию; проверки осужденного по спецучетам; участия в профилактических мероприятиях, проводимых органом внутренних дел, включая составление справки; осуществления контроля за выполнением осужденным возложенных на него обязанностей; подготовки представления и материалов в суд об отмене условного осуждения по основаниям ч. 1 ст. 74 УК РФ; беседы с осужденным, не исполняющим возложенные на него обязанности или допустившим нарушение общественного порядка, с оформлением объяснительной и предупреждения; осуществления привода осужденных, уклоняющихся от явки в инспекцию; подготовки представления и материалов в суд об изменении обязанностей условно осужденного либо об отмене условного осуждения по основаниям ч. 3 ст. 74 УК РФ.

Контроль за осужденным с отсрочкой отбывания наказания требует 51,02 часа. Показатель исчислялся исходя из суммарной продолжительности выполнения инспектором следующих функций: подготовки и направления осужденному письменного уведомления о необходимости явки в инспекцию; проведения разъяснительной беседы с осужденным при постановке его на учет с оформлением подписки и составлением справки по результатам проведенной беседы, составлением анкетных данных осужденного; содействия осужденному в трудоустройстве и оформлении извещения по месту работы осужденного; проверки осужденного по специальным учетам по месту жительства; проведения профилактических бесед с осужденным и его родственниками; взаимодействия с органами опеки и попечительства по контролю за поведением осужденного; подготовки представления и материалов в суд об отмене отсрочки отбывания наказания

Проведение первоначальных мероприятий по розыску осужденного, местонахождение которого неизвестно, занимает в среднем 4,3 часа.

Следует обратить внимание на то, что приведенные показатели не учитывают время, которое сотрудник должен затратить на дорогу до места жительства или места работы осужденного, места проведения профилактического или контрольного мероприятия, места нахождения государственного, муниципального органа, учреждения, организации, места проведения другого мероприятия, требующего выезда сотрудника для выполнения своих обязанностей. Как представляется, вышеперечисленные нормы времени должны быть увеличены на коэффициенты, соответствующие расстоянию до конкретного места выполнения инспектором своих обязанностей.

Используя вышеперечисленные показатели, можно рассчитать суммарную трудоемкость функций, выполняемых сотрудниками в год. Для этого норматив времени выполнения отдельной функции умножается на количество осужденных, в отношении которых необходимо эту функцию осуществить. Рассчитав суммарную трудоемкость функций, выполняемых сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, можно определить нормативную численность инспекторов и старших инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, которая будет зависеть от годового эффективного фонда времени работы одного инспектора.

Эта методика, на наш взгляд, применима для расчета численности инспекторов и старших инспекторов как межрайонных уголовно-исполнительных инспекций, так и их филиалов и позволяет устанавливать численность персонала в зависимости от четырех критериев одновременно: трудоемкости выполняемой функции, количества осужденных, размеров территории, обслуживаемой инспекцией, и годового эффективного фонда времени работы одного инспектора.

К числу факторов, отрицательно влияющих на позитивную деятельность уголовно-исполнительных инспекций, относится все еще слабое их материально-техническое обеспечение [2, с. 9–10], недостаточная профессиональная подготовка сотрудников. Серьезной проблемой является и профессиональная деформация сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, которая, в частности, выражается в негативном отношении к каким-либо переменам в их деятельности, стремлением работать «по-старинке», без учета особенностей отдельных категорий осужденных, состоящих на учетах, а также игнорируя возможность взаимодействия с другими субъектами, которые могут оказать им содействие в исправлении осужденных и предупреждении совершения ими новых преступлений. В этой связи особо показательны результаты исследования об отношении начальников и инспекторов уголовно-исполнительных инспекций к деятельности психологов, которые были введены в штаты инспекций совсем недавно: 95 % опрошенных сотрудников уголовно-исполнительных инспекций никогда не обращались за консультацией к психологу, 12 % из них – «скорее не обратятся, так как в этом не нуждаются», 19 % опрошенных считают, что лучше бы ввели дополнительную должность инспектора [3, с. 39–52].

Все это свидетельствует о необходимости развития дополнительного профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Следует отметить, что для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций действует только ведомственная система дополнительного профессионального образования. Повышение сотрудником

своей квалификации в гражданских вузах, прямо сказать, не всегда поощряется на практике со ссылкой на служебную необходимость. Хотя единственным подходом профессионального обучения указанной категории лиц в рамках ведомственных профессионально-образовательных программ является также обучение с отрывом от служебной деятельности. Реальные финансовые возможности территориальных органов уголовно-исполнительной системы и характер служебной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной инспекции не позволяют охватить обучением весь персонал, в этом нуждающийся, что сказывается на эффективности существующей системы подготовки кадров для уголовно-исполнительных инспекций, их профессионализме и деятельности по предупреждению преступлений среди подучетного контингента. Так, например, только в 2011 г. надзирающими прокурорами внесено в УИС 2681 представление об устранении нарушений законов при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Притом количество вынесенных прокурорских преставлений из года в год растет (2384 представления – в 2010 г.). По результатам рассмотрения представлений привлечено к дисциплинарной ответственности 838 сотрудников УИС, в то время как в 2010 г. – 589 человек [4, с. 12–13].

Требуют решения и существующие проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел, Федеральной миграционной службой, службой занятости, прокуратурой, судами, федеральными органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями. Так, проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел обусловлены тем, что в совместном приказе (Регламенте) не указаны направления, формы и методы их взаимодействия по вопросам розыска осужденных, скрывшихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций, посещения осужденных по месту жительства и месту работы, доставления осужденных-нарушителей в инспекцию и суд.

Аналогичная ситуация складывается и в процессе взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с территориальными органами Федеральной миграционной службы. Отсутствие совместных ведомственных актов иногда не позволяет сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций своевременно привлечь осужденного, не имеющего документов, удостоверяющих личность, к исполнению требований приговора суда, особенно, если это связано с его трудоустройством. Как показывает практика, самостоятельное обращение осужденного в территориальные органы Федеральной миграционной службы о выдаче паспорта гражданина РФ или временного удостоверения личности гражданина РФ очень часто не дает положительных результатов. В выдаче этих документов осужденным, как правило, отказывается из-за отсутствия у них регистрации по месту жительства или месту пребывания либо платежного документа, подтверждающего оплату государственной пошлины. Следует отметить и то, что сроки выдачи паспорта гражданина Российской Федерации, предусмотренные приказом МВД РФ от 28 декабря 2006 г. № 1105 «Об утверждении административного регламента Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене и по исполнению государственной функции по учету паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» (10 дней или 2 месяца со дня принятия всех необходимых документов) либо временного удостоверения личности (30 дней), существенно превышают установленный срок для привлечения осужденных к исполнению требований приговора суда. Процесс получения документов, удостоверяющих личность, еще более затягивается, если это касается осужденных, ранее не проживающих на территории соответствующего субъекта РФ, тем более граждан государств СНГ.

Не решает эту проблему, хотя и является необходимым в плане правового просвещения осужденного, и положение Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции, утвержденной приказом Минюста РФ № 142 от 20 мая 2009 г., в котором указывается, что во время первоначальной беседы с осужденным при постановке на учет инспекция обязана разъяснить «гражданину Российской Федерации, не имеющему документов, удостоверяющих личность, о необходимости обращения (имеется в виду обращение самого осужденного. – *Н.О.*) в территориальный орган Федеральной миграционной службы по месту пребывания или по месту фактического проживания для получения временного удостоверения личности гражданина либо паспорта, а также о наступлении административной ответственности за отсутствие указанных документов и регистрации». Дело в том, что нормативные акты, которыми руководствуются органы Федеральной миграционной службы, пока не предусматривают особо порядка оформления документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации.

Ненадлежащим образом осуществляется и взаимное информирование двух ведомств о нарушениях осужденными без изоляции от общества установленных правил пребывания на территории Российской Федерации. Все это, без сомнения, сказывается на эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

В то же время требование Инструкции о разъяснении осужденному права на обращение в органы социальной защиты населения для оказания социальной помощи при тяжелом материальном положении, в том числе для оплаты оформления документа, удостоверяющего личность, представляется уместным, поскольку Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания

населения в Российской Федерации» предусматривает порядок предоставления такой помощи.

В настоящее время сотрудничество уголовно-исполнительных инспекций с органами федеральной государственной службы занятости населения (далее – Служба занятости) практически сведено на нет. Прежде всего, это объясняется изменением законодательства, которое в настоящее время предусматривает иные механизмы организации исполнения обязательных и исправительных работ, в которых не участвуют органы службы занятости населения. Однако часть функций, ранее выполняемых работниками этой службы, сегодня осуществляют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, которые в большей степени (по сравнению с органами местного самоуправления) заинтересованы в наличии «работающего» перечня организаций для исполнения этих наказаний, в разнообразии форм привлечения осужденных к труду. В этом плане следует согласиться с мнением С.В. Чубракова о нецелесообразности игнорировать имеющуюся в службе занятости специально собранную информацию о вакансиях рабочих мест, а также опыт специалистов этой службы для решения возникающих проблем [5, с. 160].

Таким образом, исключение органов службы занятости из числа субъектов, участвующих в организации исполнения наказаний в виде обязательных и исправительных работ, повлекло увеличение нагрузки на сотрудников инспекций, а следовательно, отвлечение их от выполнения свойственных им функций по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Не менее злободневной является проблема сосредоточенности уголовно-исполнительных инспекций только на осуществлении контроля за лицами, состоящими на учете, и наличии серьезных недостатков в организации воспитательной работы с осужденными и предупреждению совершения ими новых преступлений. Эту задачу невозможно решить без привлечения к деятельности инспекций дополнительных человеческих ресурсов. Исходя из этого, особое внимание приобретает вопрос о привлечении общественности к исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Следует заметить, что действующее законодательство (ст. 23 УИК РФ) из всех возможных представителей общественности говорит только об общественных объединениях и строго определенных направлениях их деятельности, а именно оказывать содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимать участие в исправлении осужденных, а также на основании и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, осуществлять общественный контроль за деятельностью этих учреждений. Если к этому добавить, что общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций в настоящее время невозможен ибо законодательство Российской Федерации не предусматривает оснований и порядка его осуществления за этими учреждениями, то весьма актуальной является позиция В.А. Уткина о том, что по действующему законодательству участие общественности «в уголовно-исполнительной деятельности на порядок ниже, чем в ИТК РСФСР 1970 г. и ранее действовавших нормативных актах [6, с. 146].

Работающий в советский период институт общественных помощников (инспекторов) прекратил свое существование. Исключение в этом плане составляли несколько регионов Российской Федерации. В 2001 г. на федеральном уровне принимается Примерное положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов уголовно-исполнительной системы МЮ РФ, утвержденное Приказом ГУИН МЮ РФ № 212 от 22 ноября 2001 г. Однако, не просуществовав два года, этот Приказ отменяется в связи с тем, что не прошел регистрацию в Минюсте России. Таким образом, на сегодняшний день отсутствуют какие-либо нормативно-правовые акты, предусматривающие организационно-правовые механизмы привлечения общественных объединений к деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хуторская Н.Б.* Организация и деятельность службы пробации за рубежом. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации // Материалы Междунар. конф. М.: PRI, 2001. С. 39–52.
2. *Зарембинская Е.Л.* Об итогах работы уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, за 2010–2011 годы и задачах на 2012–2013 годы // Материалы IV Всерос. совещ. начальников уголовно-исполнительных инспекций и заместителей начальников территориальных органов ФСИН России, осуществляющих координацию и контроль их деятельности... Геленджик, 2012. С. 3–11.
3. *Коновалова М.Ю.* Уголовно-исполнительные инспекции: специфика психологического обеспечения и модели деятельности психологов // Психологическое обеспечение уголовно-исполнительных инспекций. Сб. материалов проблемного семинара. М.: ФСИН России, 2007. С. 39–52
4. *Попков С.М.* Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Материалы IV Всерос. совещ. начальников уголовно-исполнительных инспекций и заместителей начальников территориальных органов ФСИН России, осуществляющих координацию и контроль их деятельности… Геленджик, 2012. С. 12–17.
5. *Чубраков С.В.* Уголовное наказание в виде обязательных работ. Томск: Изд-во НТЛ, 2005. 220 с.
6. *Уткин В.А.* Правовые основы неучастия общественности в реализации уголовно-исполнительной политики // Проблемы теории наказания и его исполнение в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах России: материалы науч.-практич. конф. М., 1997. С. 143–147.

УДК 343.8

В.А. Уткин

ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ В РОССИИ

Анализируются наиболее значимые недостатки современной российской системы наказаний, организационно-правового механизма системы отбывания наказаний. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: *концепция развития уголовно-исполнительной системы, пенитенциарная система, места изоляции от общества, система уголовных наказаний, альтернативные санкции, альтернативы изоляции от общества.*

На рубеже третьего тысячелетия Россия занимала первое место в мире по числу заключённых на 100 тыс. человек общего населения[1]. Условия содержания в местах лишения свободы во многом оставались неудовлетворительными, а число заключенных в целом превышало возможности следственных изоляторов и исправительных учреждений. В то же время расширение применения альтернативных санкций уже тогда рассматривалось не только в качестве средства сокращения переполненности учреждений уголовно-исполнительной системы и сокращения расходов на её содержание, но и как важное направление реформы уголовного правосудия, придания ей более гуманного, социально-ориентированного характера.

Этот курс был намечен уже в процессе разработки и принятия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, хотя здесь российский законодатель не всегда был последователен.

Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу в большинстве его положений с 1 января 1997 г., в ст. 44 предусматривал 12 видов уголовных наказаний. Из них четыре (лишение свободы на определённый срок, пожизненное лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части и арест) связаны с нахождением осужденного в условиях изоляции от общества. Прочие восемь видов наказаний такой изоляции не предусматривали. При этом закон предусматривал и предусматривает возможность применения к виновным таких альтернативных наказанию мер уголовной ответственности, как условное осуждение (ст.ст. 73,74 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)[2].

Кроме того, в Уголовном кодексе есть ряд норм об освобождении от уголовной ответственности: освобождение в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ)[3]. Наиболее широкие дополнительные правовые возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания предусмотрены Уголовным кодексом в отношении несовершеннолетних. Это, помимо прочего, – применение к виновным принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 90, 91 УК РФ) и направление правонарушителей в специальные учебно-воспитательное учреждения закрытого типа органов управления образованием (ст. 92 УК РФ).

Исполнение всех уголовных наказаний, а также условного осуждения и отсрочки исполнения наказания регулируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ, вступившим в силу с 1 июля 1997 г.[4]

Вместе с тем уже с момента введения в УК новой системы наказаний не все их виды применялись на практике. Наказание в виде смертной казни в связи со вступлением России в январе 1996 г. в Совет Европы, с подписанием ею Протокола № 6 1983 г. о запрете смертной казни с сентября 1996 г. в Российской Федерации не исполняется, а с 1999 г. (согласно двум решениям Конституционного Суда 1999 и 2009 гг.) и не назначается судами.

И поныне не введены в действие нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов о наказании в виде ареста. Последний должен отбываться в специальных учреждениях – «арестных домах». Ввиду больших финансово-экономических затрат они так и не были построены и едва ли будут созданы в будущем.

В силу ряда организационных и экономических причин в течение семи лет после вступления в силу Уголовного кодекса не были введены в действие его нормы о таком альтернативном наказании, как обязательные работы (аналог бесплатных общественно-полезных работ за рубежом). Оно стало применяться лишь с начала 2004 г.

В 2003 г. законодатель исключил из числа наказаний конфискацию имущества. В 2006 г. она была возвращена в Уголовный кодекс (ст.ст. 104[1]–104[3]), но уже не в качестве наказания, а как иное правовое последствие преступления («иная мера уголовно-правового характера»). Однако исполнение такой

---

[1] Подробнее см.: *Стерн В.* Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах Центральной и Восточной Европы и Средней Азии. Будапешт: Институт Конституционной и правовой политики. 2002. С. 12.

[2] В декабре 2011 г. закон ввел новый специальный вид отсрочки отбывания наказания для отдельных категорий больных наркоманией, изъявивших желание пройти лечение (ст. 82[1] УК РФ).

[3] В 2011 г. в УК было введена ст. 76[1] о таком специальном основании освобождения от уголовной ответственности по экономическим преступлениям, как полное или кратное возмещение виновным ущерба бюджетной системе Российской Федерации.

[4] До него действовал принятый в 1970 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР с соответствующими поправками.

Таблица 1

Общая статистика судимости в Российской Федерации за 2008–2012 гг.[5]

Наказание	Годы									
	2008		2009		2010		2011		2012	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Пожизненное лишение свободы	71	0,008	71	0,008	74	0,008	60	0,007	84	0,01
Лишение свободы на срок	316146	33,8	295963	32,8	276570	32	236901	29,5	218539	28,8
Ограничение свободы	0	0	0	0	7893	0,9	11761	1,5	26886	3,5
Обязательные работы	52379	5,6	67187	7,5	81530	9,4	92170	11,5	77904	10,2
Исправительные работы	46229	4,9	43000	4,8	41446	4,8	42885	5,3	75507	9,9
Лишение права как основное наказание	476	0,05	433	0,05	493	0,06	682	0,08	448	0,06
Штраф	133787	14,3	132433	14,7	127578	14,8	117868	14,7	117565	15,5
Условное осуждение к лишению свободы	368983	39,4	344266	38,2	312995	36,2	285890	35,6	224075	29,5
Условное осуждение к исправительным работам	17568	1,9	18201	2	16045	1,9	13786	1,7	18455	2,9
Отсрочка (ст. 82 УК РФ)	1852	0,2	1814	0,2	2212	0,26	1845	0,23	1784	0,2
Конфискация (ст. 104-1)	511	0,05	587	0,07	679	0,08	671	0,08	565	0,07
Дисциплинарная воинская часть							718	0,09	417	0,09
Ограничение по военной службе							142	0,02	148	0,02
Лишение права занимать определенные должности как дополнительное наказание	8290	0,9	10180	1,1	11812	1,4	12052	1,5	11947	1,6

конфискации, в отличие от исполнения наказания, Уголовно-исполнительный кодекс не регулирует.

Примечательна в этом отношении судьба такого альтернативного наказания, как ограничение свободы. В его первоначальном варианте оно должно было занимать «промежуточное» место между лишением свободы (отбываемом в изоляции) и мерами, не связанными с изоляцией от общества. Предполагалось исполнять это наказание в так называемых «исправительных центрах», где осужденные проживали бы в специальных общежитиях без охраны, но под контролем администрации органов исполнения наказания и должны были организованно привлекаться к труду[6].

Между тем средств на создание исправительных центров государство специально не выделяло, а экономические перспективы массового привлечения осужденных к труду не были благоприятны. Поэтому сроки введения в действия ограничения свободы, уже начиная с 1996 г., неоднократно переносились, а в декабре 2009 г. под этим наименованием в Уголовный кодекс было введено совершенно иное наказание, по его правовому содержанию наиболее близкое к условному осуждению и в целом – к режиму пробации.

К сожалению, ситуация с «ограничением свободы» в версии 1996 г. повторилась с иным наказанием, которое, по замыслу его инициаторов, должно также составлять альтернативу лишению свободы. В декабре 2011 г. в УК были введены нормы о так называемых «принудительных работах» (ст. 53^1). Последние, так же, как и ограничение свободы в версии 1996 г., предполагается исполнять в «исправительных центрах» (ст.ст. 60^1 – 60^2 УИК РФ). Однако законодатель сразу отсрочил введение в действие принудительных работ с 1 января 2013 г. Впоследствии отсрочка продлена до 1 января 2014 г.

О практике применения уголовных наказаний и иных связанных с ними мер в России говорит судебная статистика. Она отражена в табл. 1, составленной на основе ежегодных официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации применительно ко всем осужденным за 2008–2012 гг.

Не предваряя всех возможных выводов, обратим внимание на следующее. Статистика последних пяти лет свидетельствует, что наказание в виде реального лишения свободы уже не превалирует в судебной практике, как это было в советский период и в первые годы перед принятием нового УК РФ. Кроме того, можно видеть стабильное, хотя и незначительное снижение доли осужденных к реальному лишению свободы (с 33,8 % в 2008 г. до 28,8 % в 2012 г.). Это снижает количество лиц в местах лишения свободы. Если в 1995 г. их было 1018 тыс. чел., то в 2008 г. – 887 тыс. чел., а на 1 февраля 2013 г. – 697 тыс. Наиболее существенно (более чем в 2 раза) снизилось число лиц в следственных изоляторах и тюрьмах. В 1995 г. – 295 тыс. чел., в 2008 – 145 тыс. чел., на 1 февраля 2013 г. – 113 тыс. чел.

Вместе с тем сравнение российской практики со статистикой зарубежных (и прежде всего европей-

[5] В приведенных таблицах не отражено число освобожденных от уголовной ответственности по упомянутым выше основаниям.

[6] Предшественником таких учреждений были существовавшие в советское время так называемые «спецкомендатуры», где отбывали наказание условно осужденные из мест лишения свободы и условно освобожденные из исправительно-трудовых колоний с обязательным привлечением к труду. Современным их аналогом являются «исправительные общежития» для осужденных в Болгарии.

Таблица 2

Статистика судимости несовершеннолетних в Российской Федерации за 2008–2012 гг.

Наказание	Годы									
	2008		2009		2010		2011		2012	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Лишение свободы на определенный срок	16071	22,7	11437	21,2	8567	19	6311	17	5309	17
Ограничение свободы	-	-	-	-	483	1,1	675	1,8	990	3,2
Обязательные работы	8090	11,4	7094	13,2	6893	15,3	6573	17,7	6572	21
Исправительные работы	1372	1,9	833	1,5	577	1,3	434	1,2	513	1,6
Лишение права занимать определенные должности как основное наказание	-	-	3	0,005	1	0,002	10	0,03	1	0,003
Штраф	7061	10	5730	10,6	4675	10,4	4285	11,5	3879	12,4
Условное осуждение к лишению свободы	36688	51,7	27705	51,4	23065	51,2	18422	49,5	13385	42,9
Условное осуждение к исправительным работам	1630	2,3	1123	2,1	774	1,7	504	1,4	582	1,9
Направление в специальные учреждения	510	0,7	497	0,92	447	1	439	1,2	346	1,1
С применением других принудительных мер	1693	2,4	1367	2,5	1311	2,9	952	2,5	908	2,9
Лишение права занимать определенные должности как дополнительное наказание	52	0,07	56	0,1	71	0,15	62	0,16	54	0,17

ских) стран говорит о том, что в России реальное лишение свободы в его относительном выражении все же пока применяется кратно чаще, чем на Западе.

Таким образом, свыше 70 % осужденных в России ныне не лишается свободы. Одновременно снижается доля осужденных к лишению свободы условно (39,4 % в 2008 г. и 29,5 % в 2012 г.). Оставшийся контингент перераспределяется в пользу реальных альтернативных наказаний, что само по себе уже позитивно. Это не штраф (14,3 % в 2008 г. и 15,5 % в 2012 г.), не лишение права как основное наказание (0,05 и 0,06 % соответственно), не исправительные работы (4,9 и 5,3 %)[7] и отнюдь не широко разрекламированное при его введении в 2010 г. ограничение свободы. К нему в 2010 г. было приговорено 0,9 % всех осужденных, в 2011 г. – всего 1,5 %, а в 2012 г. – 3,5 %.

Главным резервом сокращения реального лишения свободы, помимо условного осуждения, постепенно, но весьма стабильно становятся обязательные работы (5,6 % в 2008 г., 10–11 % в 2011–2012 гг.), и это обстоятельство требует особого внимания к их исполнению.

Ничтожно мало места в судебной практике занимают пожизненное лишение свободы, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как основное наказание, условное осуждение к исправительным работам, конфискация имущества, содержание в дисциплинарной воинской части, ограничение по военной службе.

Обратимся к аналогичным данным в отношении осужденных несовершеннолетних. Они приведены в табл. 2. Приведенные цифры свидетельствуют, что количество осужденных несовершеннолетних за истекшее пятилетие снизилось примерно вдвое. Доля несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы, снизилась с 22,7 % в 2008 г. до 17 % в 2012 г. Одновременно сократилась доля несовершеннолетних среди всех осужденных к реальному лишению свободы (с 7,6 % в 2008 г. до 5,7 % в 2011 г. и 2,4 % в 2012 г.). В итоге последовательно сокращается количество осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних (в 2008 г. – 8,6 тыс. чел., в 2010 г. – 4,1 тыс. чел., а на 1 февраля 2013 г. – 2,3 тыс. чел.).

Таким образом, свыше 80 % несовершеннолетних осужденных осуждается без реального лишения свободы. В основном – условно (хотя доля условного осуждения среди альтернативных мер снижается). Всё же несовершеннолетним условное осуждение назначается чаще, нежели взрослым (в 2012 г. соответственно 42,9 и 29,5 %). Дело в том, что в отношении совершеннолетних суд имеет относительно более широкие возможности применения реальных альтернативных наказаний (штрафа, исправработ). Так, в 2011 г. штраф был назначен 14,7 % взрослых осужденных и 11,5 % несовершеннолетних; исправительные работы – 5,3 % взрослых и 1,2 % не достигших 18 лет. Вместе с тем обязательные работы назначаются несовершеннолетним относительно чаще, чем взрослым, поскольку суды, всё же, там, где это возможно, предпочитают реальное альтернативное наказание условному осуждению. Чрезвычайно редко (в 10 раз реже, чем ко взрослым) применяется к несовершеннолетним отсрочка исполнения наказания (ст. 82 УК). И это понятно, так как указанная отсрочка применима к беременным женщинам либо к родителям малолетних (до 14 лет) детей.

Хотя доля осужденных без лишения свободы среди всех осужденных за последние годы повысилась с 66 % в 2008 г. до 70–71 % в 2011–2012 г., общее их количество заметно сократилось. Это обусловлено снижением общего числа осужденных в России (с 935642 чел. в 2008 г. до 760032 чел. в 2012 г.). В итоге численность осужденных без изо-

[7] В 2012 г. законодатель вновь предусмотрел возможность назначения исправительных работ по основному месту работы осужденного, и доля осужденных к этому наказанию в 2012 г. увеличилась с 5,3 до 9,9 %.

Таблица 3

Численность осужденных без изоляции от общества, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях[9]

Численность		Годы				
		2008	2009	2010	2011	2012
Прошло по учетам		1124350	1091149	1052492	998751	955285
Состояло на учете в конце отчетного периода		558346	534409	491257	474775	465740
В том числе осужденные	К обязательным работам	12867	15329	18822	21419	21375
	К исправительным работам	32702	30554	29211	30007	50122
	К ограничению свободы	0	0	6444	11539	24285
	К лишению права занимать определенные должности	22301	22580	23713	22260	21799
	Условно	503048	477539	425179	399081	356135
	С отсрочкой отбывания наказания	7428	8407	7888	7971	8125

ляции от общества, стоящих на учете в специализированных государственных органах – уголовно-исполнительных инспекциях, также снижается. Представление об этом дает табл. 3, составленная на основании статистики Федеральной службы исполнения наказаний[8].

Численность и структура контингента лиц, стоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях, в целом (с отмеченными оговорками) отвечает структуре применения мер без лишения свободы. Среди последних, хотя и с некоторым снижением доли, на первом месте – осужденные условно (90 % в 2008 г. и 77 % в 2012 г.). Среди осужденных к реальным альтернативным наказаниям (но с большим отрывом от условного осуждения) – осужденные к исправительным работам (5,7 % в 2008 и 10,8 % в 2012 г.). Доля осужденных условно и к исправительным работам (в 2008 – 2011 гг.) снижалась в основном за счет более широкого применения судами бесплатных обязательных работ (от 2,3 % стоящих на учете в 2008 г. до 4,4 в 2011 г.). В 2012 г. в связи с изменением законодательства возросло число осужденных к исправительным работам. Оно составило 75507 чел.

В октябре 2010 г. Распоряжением Правительства России была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.[10] Она определила прежде всего основные пути реформирования пенитенциарных учреждений в направлении перехода от исправительных колоний к тюрьмам. Один из её разделов (Раздел 5) посвящен вопросам исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Предполагается, что эффективнее применение альтернативных мер в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, «должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Для достижения указанных целей Концепцией предполагается, в частности, расширение видов альтернативных наказаний, совершенствование законодательства об их исполнении, придание социальной направленности деятельности уголовно-исполнительных инспекций, привлечение к их работе органов местного самоуправления, общественности.

Вместе с тем уже на стадии разработки проекта Концепции многие её положения подвергались критике. Среди прочих высказывались упреки в том, что Концепция, разработанная силами ведомства, не обоснована экономически, в должной мере не опирается на научные данные, в том числе – на результаты Всероссийской переписи осужденных к лишению свободы 2009 г., на судебную практику[11]. Концепция неизбежно затрагивала вопросы закрепленной в Уголовном кодексе системы наказаний и уголовно-судебной политики, однако представители законодательных органов, Генеральной Прокуратуры, Верховного Суда, Министерства внутренних дел к непосредственной разработке проекта Концепции привлечены не были. В результате многие её существенные положения остаются нереализованными, а её принятие, как свидетельствует статистика, не оказало почти никакого влияния на судебную практику. К примеру, в начале 2010 г. ряд средств массовой информации, пропагандируя Концепцию и со ссылкой на руководство ФСИН, прогнозировали, что к новому наказанию – ограничению свободы – будет ежегодно осуждаться свыше 100 тыс. человек, и за счет этого «тюремное население» резко сократится[12]. Приведенная табл. 3 свидетельствует, что из

[8] См.: Преступление и наказание. 2012. № 5. С. 8.

[9] На учёте в уголовно-исполнительных инспекциях не стоят такие осужденные без лишения свободы, как осужденные к штрафу, а также военнослужащие, осужденные условно и к наказанию в виде ограничения свободы.

[10] См.: Концепция развития уголовно исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Рязань: Академия права и управления ФСИН РФ, 2010.

[11] К примеру, в Разд. 5 прогнозируется увеличение в России к 2020 г. общей численности осужденных к наказаниям, не связанных с изоляцией от общества, на 200 тыс. человек, то есть почти в 1,5 раза по сравнению с числом стоящих ныне на учете в инспекциях. При том, что в 2010 г. (году утверждения Концепции) была очевидна отраженная в приведенной выше табл. 3 тенденция снижения общего числа таких осужденных.

[12] *Куликов В.* Преступная свобода // Российская газета. 2009. 30 декабря и др.

всех стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях к ограничению свободы в 2010 г. были осуждены всего по России 6444 чел. (1,3 %), в 2011 г. – 11539 чел. (2,4 %), а в 2012 г. – 24285 чел. (5,2 %).

Несколько изменившее структуру судимости наказание в виде обязательных работ было введено примерно за год до утверждения Концепции (Федеральным законом от 27 декабря 2009 г.). Что же касается широко разрекламированных, но так пока и не введенных в действие принудительных работ, то это наказание Концепцией вообще не предусмотрено. Налицо значительная рассогласованность современной уголовной (в том числе – судебной) и уголовно-исполнительной политики. На протяжении всего периода действия Уголовного кодекса, начиная с 1996 г., было принято свыше 120 федеральных законов, вносивших в него изменения и дополнения. Значительная часть новелл принималась спонтанно, без должного криминологического, экономического, пенологического обоснования. Многие статьи УК, в том числе относящиеся к наказаниям, менялись по нескольку раз. Аналогичная ситуация – в области уголовно-исполнительного законодательства. Уголовно-исполнительный кодекс РФ за 17 лет его существования менялся свыше 60 раз. В итоге рассматриваемое законодательство приобрело серьезные недостатки системного свойства, на что неоднократно обращали внимания ученые и практики.

В области предусмотренной уголовным законом системы наказаний в числе наиболее значимых недостатков следующие:

- недостаточные проработка и учет социально-криминологических основ системы наказаний в целом, фактическое игнорирование в ней типовых особенностей отдельных категорий преступников (например, при исправительных работах до 2012 г., ограничении свободы в ред. 2010 г.);

- «избыточность» ряда уголовных наказаний (это касается, в частности, четырех самостоятельных видов лишения свободы, двух видов наказаний, ограничивающих трудовые права граждан, наличие в законе неприменяемой в течение более чем полутора десятилетий смертной казни);

- введение в Уголовный кодекс заведомо «мертворожденных» наказаний (арест);

- фактическое игнорирование ряда основополагающих международных актов (например, введение в УК принудительных работ);

- несоответствие между легальной и фактической репрессивностью (строгостью) некоторых видов наказаний (штраф, в особенности в его новых крупных размерах, обязательные работы);

- неоправданная конкуренция между наказаниями и иными сходными мерами уголовно-правового характера (ограничение свободы в ред. 2010 г. и условное осуждение);

- недостаточно конкретное или неполное определение содержания и оснований назначения ряда наказаний (ограничения свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

- противоречие между легальной и фактической (назначаемой судами) системами мер уголовно-правового характера (в том числе чрезмерно высокая доля условного осуждения в судебной практике);

- отсутствие необходимой «ступенчатости» в системе уголовных наказаний, в том числе отсутствие наказания, «промежуточного» между «свободой» и не «свободой»;

- несоответствие идеальной (отраженной в законе) и реальной (применяемой на практике) логики назначения наказаний и применения иных уголовно правовых санкций;

- нарушение важных принципов уголовного права при определении содержания и порядка реализации некоторых наказаний (ограничение свободы в ред. 2010 г., лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, штраф в отношении несовершеннолетнего осужденного);

- недостаточная обоснованность, противоречивость и непоследовательность многих законодательных новелл (2003, 2006, 2010, 2011 гг.).

Отмеченные недостатки закреплённой в законе системы наказаний и практики их назначения усугубляются несовершенством организационно-правового механизма их исполнения.

Это выражается, в частности:

- в противоречиях между законом (УИК РФ) и подзаконными нормативными актами Минюста, регулирующими исполнение большинства альтернативных мер;

- в «избыточности» подзаконного нормативного регулирования (дублирование инструкциями Минюста положений УИК РФ, наличие нескольких инструкций по совпадающим предметам правового регулирования);

- в отсутствии необходимой унификации (в законе и подзаконных актах);

- в отставании Уголовно-исполнительного кодекса от общеотраслевого законодательства (например, от Федерального закона 2003 г. о местном самоуправлении, который изменил структуру органов самоуправления);

- в неучете в законе и подзаконных актах изменения структуры управления в уголовно-исполнительной системе (например, преобразование уголовно-исполнительных инспекций в филиалы);

- в присущем бюрократии постоянном стремлении к непрерывному «реформированию», что ведет к неуверенности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, к размыванию их кадрового ядра, к потере многими сотрудниками значимых ориентиров.

С учетом изложенного очевидна необходимость перехода от спонтанных «косметических» усовершенствований системы наказаний к её глубокой мо-

дернизации в Уголовном кодексе с учетом современных политических и социально-экономических условий, изменяющейся криминологической обстановки и на основе принципа необходимой достаточности[13].

Первый его аспект означает, что в системе наказаний не должно быть пробелов и противоречий, препятствующих полноценной реализации уголовно-правовых санкций. Поэтому видов наказаний не должно быть больше, нежели это диктуется потребностями уголовной политики и особенностями отдельных категорий личности виновных. Второй аспект – это то, что не должно существовать фактически дублирующих друг друга санкций, в силу этого подверженных «девальвации» и препятствующих полноценной их реализации.

Данные обстоятельства, безусловно, должны быть учтены при реформировании (а в перспективе – и при новой кодификации) уголовного законодательства.

[13] Подробнее см.: *Уткин В.А.* Реформа системы уголовных наказаний как условие эффективности альтернативных санкций // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 252–254; *Он же*: Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 128–129.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

А.С. Князьков

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Анализируются положения предъявления для опознания, не нашедшие своего разрешения в доктрине и законодательстве. Предлагаются необходимые уточнения, отражающие правовую и поисково-познавательную природу названного следственного действия.

Ключевые слова: *предъявление для опознания; сущность предъявления для опознания; криминалистическая идентификация по мысленному образу; криминалистические цели и задачи предъявления для опознания; опознание «по общему образу»; тактико-криминалистическая комбинация; тактико-криминалистическая операция.*

В криминалистической литературе предъявление для опознания определяется как предоставление следователем опознающему лицу предмета, иных объектов с целью установления тождества, сходства или различия с предметами и иными объектами (например, лицо, труп), которые ранее наблюдались опознающим в связи с событием преступления или при иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 71]. Учитывая идентификационный характер действия, необходимо подчеркнуть, что сущностью предъявления для опознания является отождествление объекта по мысленному образу, сохранившемуся в памяти. Нельзя не заметить, что в существующих определениях предъявления для опознания в наибольшей мере отражена внешняя сторона действия следователя, а также его цель; в то же время особенность идентификации по мысленному образу, определяющая сущность этого следственного действия, остается не названной. Можно увидеть некоторую аналогию между опознанием и проверкой показаний на месте, в отношении которой законодательная формулировка указывает на характер действия проверяемого лица, его относительную познавательную самостоятельность. Необходимо уточнить понятие опознания, сказав, что таковым является предоставление следователем опознающему лицу объекта, который предположительно воспринимался при обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, и указанием опознающего на наличие либо отсутствие в числе предоставленных ему действительно воспринимавшегося объекта.

Криминалистическими целями производства опознания является анализ многочисленных причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики конкретного вида (группы) преступлений, как-то: между обстановкой совершения преступления и способом совершения преступления; между способом подготовки и способом совершения преступления; между способом совершения и способом сокрытия преступления; между способом совершения преступления и личностью преступника и т.д. О таком содержании криминалистических целей опознания можно говорить постольку, поскольку восприятие того или иного объекта в ситуации, связанной с раскрытием и расследованием преступления, всегда происходит в конкретных обстоятельствах места и действия. Их выяснение, в силу взаимосвязей элементов криминалистической характеристики преступления, позволяет получить соответствующую информацию о большем либо меньшем числе указанных элементов и взаимоувязать её с информацией, полученной в ходе производства других следственных действий. Соответственно криминалистическая цель рассматриваемого следственного действия раскрывает его внутреннее, аналитическое содержание.

Криминалистические задачи опознания, в отличие от его криминалистических целей, указывают на фактическое содержание следственного действия и характеризуют внешнее содержание следственного действия. К числу таких задач рассматриваемого следственного действия могут быть отнесены получение доказательств, в том числе позволяющих произвести оценку ранее полученных доказательств, выявление новых источников информации, имеющей значение для расследования уголовного дела, изучение личности опознаваемого, опознающего, изучение обстоятельств, способствовавших совершению расследуемого преступления.

Требует, на наш взгляд, комплексного рассмотрения вопрос о криминалистических предпосылках проведения опознания, к числу которых следует отнести ряд обстоятельств: предварительный допрос лица, на котором оно описывает признаки воспринятых в связи с преступлением объектов и выражает готовность в будущем провести их опознание; наличие индивидуальных признаков объекта, делающих возможным его индивидуальную идентификацию; отсутствие причин для изменения позиции опозна-

ваемого лица в процессе опознания. В общем виде можно вести речь о системном проявлении действия субъективных и объективных факторов, опосредующих процесс восприятия, удержания воспринятого в памяти.

Особая значимость предшествующего опознанию допроса состоит в том, что, воспроизводя в своих показаниях на допросе образ воспринятого события, явления, обстоятельства, при которых наблюдался объект, его особенности, человек вербализует (выражает в словах) мысленный образ, отражающий воспринятый объект. Описание объекта дает возможность систематизировать запоминание, сделать его более четким и длительным, мобилизует имеющиеся возможности памяти и тем самым способствует успешному опознанию [2, с. 43–44].

Говоря о криминалистических предпосылках опознания, следует сказать, что опознание в криминалистическом смысле слова шире опознания в современном уголовно-процессуальном его понимании. Дело в том, что уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, говоря о процессуальных предпосылках опознания, оперировал понятием обстоятельств, которые **наблюдало** (выделено мною. – *А.С.К.*) опознающее лицо. Наблюдение, как известно, представляет собой восприятие, которое может быть зрительным, слуховым, вкусовым, осязательным и т.д. [3, с. 56]. По этой причине в доказательственной форме было возможным производство опознания по зрительному образу, по речи, тактильным ощущениям и т.п. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ведет речь лишь об обстоятельствах, при которых лицо **видело** лицо или предмет. Таким образом, опознание как процессуальное действие, имеющее доказательственное значение, возможно теперь лишь на основе одного вида восприятия – зрительного, причем, как отмечают отдельные авторы, имеющего ограниченный характер [4, с. 98]. В специальной литературе отмечается, что через зрительный канал информации поступает в 2,5 раза больше, чем через слуховой [5, с. 79]: не исключено, что именно такое положение вещей позволило законодателю говорить лишь об одном виде восприятия, результаты которого имеют доказательственной значение, а именно: зрительном восприятии. Вместе с тем представляется, что такое обозначение рамок опознания в ныне действующем уголовно-процессуальном законе не исключает возможности производства опознания с использованием иных, кроме зрительного, анализаторов, более того – комплекса анализаторов [6, с. 263].

Ввиду своеобразия предмета криминалистики, в числе её задач находится разработка таких познавательных поисковых средств, которые необходимы для получения, помимо доказательственной, также и ориентирующей информации: именно благодаря этой предметной особенности криминалистика является самостоятельной наукой. Результаты проведения опознаний на основе использования иных, кроме зрительного, анализаторов позволяют следователю утвердиться в правильности выдвинутых им версий либо усомниться в них и выдвинуть новые предположения. Само опознание такого рода и полученные утвердительные ответы об узнавании лица имеют и тактическое значение, поскольку они могут быть использованы в качестве средства психологического воздействия при допросе опознанных лиц.

Нельзя не отметить попытки отдельных ученых-криминалистов сохранить и использовать в практике серьезные теоретические разработки, касающиеся способности человека индивидуализировать другое лицо по признакам голоса и речи, тактильным ощущениям, а также иные объекты по признакам обоняния. Так, например, Д.А. Степаненко предлагает производить индивидуальное отождествление объекта иными, кроме визуального, способами чувственного восприятия, в рамках производства следственного эксперимента или проверки показаний на месте. Содержанием такого следственного эксперимента (проверки показаний на месте) будет являться эксперимент на узнавание (проверочные действия на узнавание), и результат, как пишет данный автор, будет иметь доказательственное значение [7].

Общеизвестно, что отечественная криминалистика задолго до появления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ такой «новеллы» представила практике научно-обоснованные приемы проведения опознания на основе обонятельных, вкусовых, слуховых, тактильных и иных видов восприятия. Научная состоятельность указанных тактических разработок давала возможность законодателю длительное время считать результаты таких видов опознания средствами доказывания. И при оценке правоприменителем факта и результатов производства указанных видов опознания ему нужно иметь в виду данные обстоятельства.

Как бы то ни было, мы имеем пример того, что в настоящий момент происходит не только признание нормативно-правовой ценности отдельных тактико-криминалистических приемов, как это было в случае с законодательным закреплением проверки показаний на месте, но и выражение сомнений в их способности быть средством объективного уголовно-процессуального познания.

В специальной литературе можно встретить ряд классификаций, касающихся рассматриваемого следственного действия. Чаще всего называют следующие классификации:

а) в зависимости от ощущений, с помощью которых производится опознание, выделяют опознание по внешности (в том числе походке), голосу и речи, тактильным признакам и т.д.;

б) в зависимости от того, какие признаки опознаваемого объекта – статические либо динамические – кладутся в основу опознания, различают опознание по внешности, по походке, жестам и т.п.;

в) в зависимости от объекта опознания выделяют опознание человека, трупа и его частей, предмета, животного и т.д.

Вполне возможно проводить классификацию производства опознания в зависимости от того, опознается ли объект в натуре либо по его фотографическому изображению, а также по характеру познавательной деятельности следователя: опознание, проводимое с целью получения доказательств и иной (поисковой, ориентирующей) информации, а также опознание, проводимое с целью получения лишь поисковой, ориентирующей информации. О последнем виде опознания теперь можно говорить, например, применительно к опознанию по голосу и речи.

Некоторые авторы, кроме того, выделяют опознание по внешности живого лица и трупа. Названная классификация учитывает тот факт, что с этических и фактических точек зрения к опознанию трупа не применяются ряд процессуальных правил опознания живого лица, таких, как необходимость предъявлять опознаваемый объект в числе других схожих объектов. Иным является и психологический механизм опознания трупа: указанный механизм является более простым по сравнению с психологическим механизмом опознания живого лица, хотя нельзя не учитывать случаи ошибок, вызванных обезображиванием, в том числе расчленением, трупов, а также особым психофизиологическим состоянием опознающего лица.

Определенный теоретический и практический интерес имеет вопрос о видах объектов опознания. Следует сразу же сказать, что в криминалистической науке нет единства взглядов по вопросу о видах объектов, которые могут быть представлены для опознания.

Так, например, П.П. Цветков различает следующие объекты опознания:

1) Любые предметы материального мира (живые лица, трупы, животные, местность, строение и т.д.).

2) Отдельные части предметов материального мира.

3) Фото и художественные изображения предметов или их частей.

4) Фото со скульптурных изображений портретов, выполненных по методу М.М. Герасимова.

5) Слепки со следов ног и различных предметов.

6) Слепки и муляжи с лица и других частей тела неопознанных трупов [8, с. 9].

Позже некоторые авторы, например Ю.Г. Корухов, стали относить к числу объектов опознания и другие объекты, например рукописные тексты [9, с. 10].

По мнению же Ю.Г. Корухова, а также А.Е. Крикунова и А.Ф. Маевского, объектами опознания не могут быть фотоснимки со скульптурных изображений портретов, выполненных по методу М.М. Герасимова, а также слепки и муляжи с лица и других частей тела неопознанных трупов, поскольку идентифицировать можно тот же самый объект, который воспринимался лицом ранее. Здесь же, по сути дела, к опознанию предъявляются отображения объекта, не наблюдавшегося в состоянии, которое было перенесено на слепки или муляжи. По этой причине вполне понятным является критическое отношение названных авторов к такого рода опознанию [10, с. 7].

Как видно, критике подвергается не опознание по фотографии вообще, а опознание по фотографическому отображению видоизмененного объекта, например скульптурного портрета, выполненного по методу М.М. Герасимова.

Эти же авторы, как представляется, справедливо критикуют отнесение к числу объектов опознания таких предметов, как слепки следов ног и рук, поскольку, помимо прочего, сличение имеющегося в сознании образа восприятия и образов представления слепков требуют специальной криминалистической подготовки [10, с. 8; 9, с. 12].

Что касается опознания рукописей, то объектом опознания однозначно не может являться почерк, которым выполнен текст письменного документа, поскольку отождествление лица по почерку возможно лишь в результате производства почерковедческой экспертизы. Рукопись может быть объектом опознания в качестве одного из предметов материального мира, если сама форма рукописи, использованные для её выполнения пишущие приборы и красители, некоторые художественные украшения и другие аналогичные признаки делают этот предмет индивидуальным по отношению к другим рукописям.

На практике опознание объектов, в том числе лица, чаще всего производится в их натуральном предоставлении. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон допускает проведение опознания по фотоснимкам, кино- и видеофильмам, диапозитивам, фонограммам, если опознаваемый объект невозможно предоставить в натуре. Применительно к опознанию предметов их отождествление в опосредованной форме чаще всего означает отсутствие фактической возможности предъявления какого-либо предмета в натуре. Это может быть вызвано, например, невозможностью прибытия для опознания предмета лицом, проживающим на значительном расстоянии от места производства предварительного расследования.

Невозможность предоставления физического лица для опознания в натуре нельзя понимать лишь в смысле его фактического отсутствия. Нередко опознание лица невозможно произвести в силу наличия у него дефекта, подразумевающего необходимость поиска лиц со схожими дефектами внешности. Отдельные авторы указывают на необходимость опознания конкретного лица по фотографии в том случае, когда происходит видоизменение его внешности [11, с. 137]. В этих и других случаях нецелесообразно производить опознание в натуре из этических соображений. Последнее положение является весьма актуальным для расследования уголовных дел, в которых потерпевшими от насильственного преступления являются несовершеннолетние, особенно малолетние. В этом случае, в целях огражде-

ния психики несовершеннолетних лиц от сильных переживаний, связанных с повторным восприятием обвиняемого, его опознание целесообразно производить по фотографии. С учетом особой значимости этических положений, нашедших законодательное отражение, мы предлагаем закрепить в ч. 5 ст. 193 УПК РФ норму о том, что в случае, когда опознание несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем может вызвать у них сильные душевные переживания, оно может быть проведено по фотографии и при наличии возможности предъявить обвиняемое лицо.

Следует говорить о различном тактическом значении обстоятельств, делающих нецелесообразным представление тех или иных объектов для опознания. Если нарушение процессуального запрета на производство данного следственного действия предопределяет ничтожность применяемых способов действия и его результата, то нецелесообразность опознания ввиду предсказуемого результата имеет относительный характер: так, например, опознание может быть произведено в том случае, когда лицо утверждает, что хорошо знаком с каким-либо лицом, но последний категорически отрицает это.

К числу вопросов, требующих дальнейшей разработки, могут быть отнесены некоторые положения приготовления к производству опознания. Первоначальным действием, подготавливающим и делающим возможным опознание, является допрос, который в специальной литературе иногда называют предварительным, когда хотят указать на его взаимосвязь с опознанием. Предварительный допрос, несмотря на его специфическое название, не является особой разновидностью допроса: в самом термине лишь выражено требование обязательного предшествования допроса опознанию. Содержательным отличием такого допроса является выяснение признаков, наблюдаемых в связи с совершением преступления объектов материального мира, прогнозирование возможности их опознания.

Как правило, при первом же допросе лица, воспринимавшего такие объекты, главное усилие допрашивающего должно быть направлено на создание условий для точного воспроизводства (припоминания) их отличительных особенностей. Вместе с тем выяснение таких признаков может происходить и позже, в том числе непосредственно перед опознанием. Из соображений процессуальной целесообразности следует непосредственно перед самим опознанием уточнять у опознающего, происходило ли после первоначального допроса узнавание объекта при тех или иных обстоятельствах, например при случайной встрече. Утвердительный ответ на данный вопрос делает нецелесообразным производство опознания, которое может быть заменено очной ставкой.

Выражения и термины, употребляемые допрашиваемым при описании примет лица, должны быть по возможности текстуально изложены в протоколе допроса, без адаптации их к языку официальных документов. При неясности содержания той или иной характеристики признака лица, даваемой допрашиваемым лицом, следователь может задать уточняющий вопрос, оставив при этом описание признака таким, каким его представило допрашиваемое лицо. Такое тактическое требование учитывает закономерности восприятия, характеризующегося осмысленностью, пониманием сущности предметов и явлений, которая получает свое отражение в речи. Для выяснения признаков воспринятого лицом объекта на допросе можно использовать небольшие программы-опросника, при этом очередность вопросов, касающихся отдельных частей тела, может соответствовать системе описания по методу словесного портрета. Практика свидетельствует о возрастании хищений сотовых телефонов; их многообразие требует учета внешних отличий [12, с. 329], признаки которых имеют выражение технических терминов. На наш взгляд, необходима разработка соответствующего опросника, который бы позволял потерпевшему и свидетелям более точно выразить индивидуальные признаки похищенного телефона, не будучи при этом подсказкой нужного следователю ответа.

На предварительном допросе в числе прочих устанавливается факт восприятие объекта ранее, до того момента восприятия, которое связано с совершением преступления. Отдельные обстоятельства, выясняемые в связи с возможностью допрашиваемого лица опознать тот или иной объект, имеют свое специфическое содержание. К примеру, особенными будут условия и длительность восприятия вещи его собственником (владельцем) в повседневности её использования; кроме того, очевидным является факт восприятия вещи, находящейся в собственности или владении лица ранее, до момента совершения преступления, т.е. противоправной утраты либо использование вещи в качестве орудия преступления.

Хрестоматийным является положение о том, что в процессе преступного посягательства потерпевшие и свидетели прежде всего воспринимают те признаки внешности и поведения преступника, в которых находит свое выражение опасность посягательства. Существуют отдельные эмпирические исследования, касающиеся преимущественного восприятия признаков внешности посягавших в ходе совершения некоторых преступлений. Так, например, в ситуации скоротечности грабежей и разбоев преимущественному запоминанию подвергались такие признаки внешности преступника, как рост, цвет волос и глаз, форма и величина носа, конфигурация губ [13, с. 128]. Можно предположить, что в такого рода случаях происходит комплексное восприятие таких признаков внешности посягающего, которые на речевом и мимическом уровнях сигнализируют потерпевшему о наличествующей угрозы.

Более широкий подход к выделению в числе признаков внешности элемента, который воспринимается в первую очередь, сводится к тому, что в большинство своем люди в процессе общения чаще

всего концентрируют внимание на лицах, и прежде всего – на глазах предстоящих им субъектов. Информационное значение лица человека в ходе общения определяется тем, что на нём расположены важнейшие дистантрецепторы: от лица исходит голос, слышимый окружающими; сокращение лицевых мышц изменяет выражение лица и сигнализирует о состоянии человека [10, с. 12].

Следует в этой связи отметить, что в основе такой психологической закономерности лежат закономерности физиологические: наибольшая плотность рецептором, т.е. чувствительных специальных нервных образований, воспринимающих раздражения из внешней и внутренней среды организма и перерабатывающих их в нервные сигналы, обнаруживается именно на лице [3, с. 331].

Очевидно, что люди определенных профессий могут прежде всего обращать внимание и на другие элементы внешности и поведения воспринимаемого лица. Именно на этом положении основывается требование выяснения в процессе допроса профессиональной принадлежности допрашиваемого, а также его увлечений.

Особое требование предъявляется к отражению в протоколе допроса специфических речевых оборотов, употребляемых допрашиваемым лицом при характеристике тех или иных признаков воспринятых в связи с совершением преступления объектов. Рекомендуется в протоколе названного следственного действия отразить характеристику объекта в тех выражениях, которое употребило допрошенное лицо при описании объекта, разумеется, исключая ненормативную лексику. В определенных случаях следователь может сделать уточнение о содержании того или иного сообщаемого ему допрашиваемым признака, зафиксировав это в протоколе.

Указанное правило имеет важное значение для производства опознания: в силу навыка устной речи, опознающий, при условии опознания предъявленного ему объекта, будет характеризовать воспринятые вновь признаки в тех же выражениях, в которых оно описывало данные признаки при допросе. Такое стилистическое совпадение будет означать объективность полученных результатов опознания: соответственно следователь должен при подготовке опознания по голосу подбирать и предъявляемых лиц, и текст, который должны будут по очереди произнести указанные лица и опознаваемое лицо.

В том же случае, когда следователь адаптирует индивидуальный речевой навык допрашиваемого лица к официально-служебному стилю, при опознании может обнаружится «несоответствие» признаков объекта, о которых сообщало лицо при допросе и которые оно называет при опознании. Данное «несоответствие» в тех ситуациях, когда лицо нетвердо опознает предъявленный ему объект, может послужить причиной сомнений в объективности результата следственного действия.

В доступной автору литературе отсутствует исследование вопроса о процессуальной допустимости и тактической целесообразности составления композиционного портрета какого-либо лица, воспринимавшегося в связи событием преступления, и проведения на его основе выяснения признаков названного лица в процессе допроса. Представляется, что в подобном случае не происходит произвольного вмешательства в психические процессы допрашиваемого лица, и составление композиционного портрета является лишь способом активизации его памяти, получающей объективированное выражение сначала в форме указанного портрета, а затем уже – в форме показаний, данных при допросе. Такого рода обстоятельство можно рассматривать в качестве криминалистической предпосылки появления новых тактических приемов опознания.

В юридической науке и практике неоднозначно решается вопрос о доказательственном значении опознания «по общему образу». Необходимость прибегнуть к такому опознанию возникает тогда, когда допрашиваемое лицо затрудняется назвать какие-либо признаки внешности воспринятого ранее в ситуации преступного события преступника, свидетеля и других лиц.

Ряд авторов считает сомнительным значение такого опознания, поскольку допрошенное перед опознанием лицо не может сообщить, по каким признаком оно могло бы произвести опознание соответствующего объекта. На взгляд других, опознание «по общему образу» возможно, так как целиком отвечает закономерностям сложного психологического механизма восприятия, удержания воспринятого в памяти и воспроизведения (узнавания). В соответствии с ними, определенная часть информации фиксируется в актуальном слое запечатления, т.е. осознается и воспроизводится без затруднений, в то время как другая часть фиксируется в латентном, скрытом слое запечатления. Эта часть информации лицом не осознается и не воспроизводится, однако она может перейти в актуальный слой уже в ходе предъявления объекта для опознания [10, с. 29]. Представляется, что споры о возможности либо невозможности симультанного опознания сами по себе не имеют значения: вопрос заключается в том, будет ли опознание, произведенное «по общему образу», иметь доказательственное значение: на этот вопрос ответ не дается [14, с. 561]. На наш взгляд, такое опознание должно иметь доказательственное значение, и подтверждать его должно уверенное опознание, зафиксированное путем применения видеозаписи. Некоторые авторы отмечают так называемый эмоциональный фактор восприятия, когда воспринимается не отдельная деталь лица, а человек в целом [15, с. 57]: данный аргумент также может быть положен в основу признания доказательственного значения опознания «по общему образу».

Названный выше тактический прием активизации памяти путем составления композиционного портрета, как кажется, может одновременно являться способом допущения в число доказательственного опознания опознание «по общему образу». В ос-

нове доказательности результатов опознания по общему виду должна лежать очевидная схожесть внешнего вида (черт лица) опознанного и внешнего вида (черт лица) субъекта, запечатленного в композиционном портрете.

В любом случае, опознание «по общему образу» будет иметь тактико-криминалистическое значение. Как отмечают отдельные авторы, в следственной практике нередки случаи, когда сам факт опознания преступника без указания отличительных примет оказывал сильное психическое влияние на опознаваемого и приводил его к даче достоверных показаний о совершении преступления [2, с. 48].

Рассматриваемое следственное действие может быть включено в систему действий, образующих тактико-криминалистические комбинации и тактико-криминалистические операции. Тактической предпосылкой включения опознания в тактическую комбинацию или тактическую операцию является необходимость и возможность усиления эффективности этого следственного действия путем сочетаемого в тактическом плане производства других следственных действий и применяемых в их рамках тактических приемов, а также возможность и необходимость с помощью опознания повысить эффективность проведенных по единому замыслу вслед за ним других действий – следственных и оперативно-розыскных.

В следственной практике чаще всего в системе тактической комбинации опознание сочетается с допросом, а также очной ставкой. Криминалистической предпосылкой такого тактического образования является то, что основой каждого из названных следственных действий является образ восприятия, который исследуется в ходе их производства. Проведение опознания, как первая часть следственной комбинации, способствует повышению результативности очной ставки.

В специальной литературе называются случаи, когда следователю перед очной ставкой якобы необходимо провести опознание. Такого рода обязывание указывает на то, что задолго до появления теории криминалистических комбинаций и операций в науке существовало понимание эффективности определенного сочетанного производства следственных действий. В работе Г.И. Кочарова, содержащей указание на такую форму сочетания очной ставки и опознания, называются условия, при которых перед очной ставкой следует провести опознание. Прежде всего, это касается случаев, когда одно из допрошенных лиц дает показание о знакомстве с другим, в то время как последний отрицает этот факт. Кроме того, очной ставке в обязательном порядке должно предшествовать опознание, когда допрашиваемое лицо утверждает об известности ему другого лица, однако именует его по-иному, чем называет само себя известное лицо [16, с. 8–9].

В каждом из названных случаев предварительное производство опознания затрудняет для лица, давшего ложные показания при допросе, следование выбранной линии поведения и на очной ставке.

После производства опознания комбинационно осуществляется производство допроса, на котором закрепляются полученные в ходе опознания результаты. Особое тактическое значение такое сочетание имеет с точки зрения укрепления решительности опознающего, находящегося в определенной зависимости от опознанного им лица, и в дальнейшем давать правдивые показания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинин А.М., Самошина З.Г.* О некоторых видах и формах предъявления для опознания // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (42). М.: Спарк, 2012. С. 71–77.
2. *Самошина З.Г.* Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. 90 с.
3. *Психологический* словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 2001. 440 с.
4. *Комиссаров В.И.* Особенности предъявления для опознания в свете требований нового УПК РФ // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практич. конф. Краснодар, 23–24 мая 2002 г. С. 98–105.
5. *Булгаков В.Г.* Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: Монография / под ред. проф. А.М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
6. *Яблоков Н.П.* Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 400 с.
7. *Степаненко Д.А.* Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 14–16.
8. *Цветков П.П.* Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. Л., 1962. 114 с.
9. *Корухов Ю.Г.* Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде: лекция для студентов ВЮЗИ. М., 1968. 30 с.
10. *Крикунов А.Е., Маевский А.Ф.* Тактика и психологические основы предъявления лица для опознания. Киев, 1977. 42 с.
11. *Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
12. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2012. 440 с.
13. *Дубягин Ю.П., Дубягина О.П., Логинов С.Г.* Опознание в практике розыска человека и раскрытия преступлений (научно-методические аспекты). М.: Юрлитинформ, 2006. 336 с.
14. *Меркулова Ю.С.* Тактика предъявления для опознания // Криминалистика: учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 559–571.
15. *Шепитько В.Ю.* Проблемные лекции по криминалистике: учеб. пособие. Харьков: Видавнича агенція «Апостіль», 2012. 152 с.
16. *Кочаров Г.И.* Опознание на предварительном следствии: пособие для следователей. М.: Госюриздат, 1955. 81 с.

УДК 347.9

И.В. Чаднова

ТАКТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

В каждом случае тактика производства проверки показаний на месте имеет ряд особенностей, которые зависят от задач, поставленных следователем перед конкретным следственным действием, от личностных характеристик лица, показания которого планируется проверить, от его процессуального положения, от особенностей места предстоящей проверки показаний на месте и ряда других аспектов. Своей спецификой обладает также производство этого следственного действия с целью проверки показаний нескольких лиц в отношении одних и тех же обстоятельств.

Ключевые слова: *уголовный процесс, криминалистика, следственные действия, тактический прием, проверка показаний на месте.*

Закрепленное в ст. 194 УПК РФ следственное действие – проверку показаний на месте – нельзя отнести ни к неотложным (несмотря на расплывчатую формулировку ст. 5 УПК РФ), ни к первоначальным (в том смысле, который вкладывает в данное понятие теория криминалистики). Проверка показаний на месте, безусловно, требует как определенного объема накопленной информации по уголовному делу (причем такая информация должна иметь процессуальное оформление), так и значительных усилий по ее подготовке и организации. Значительную роль в подготовке и производстве данного следственного действия играют тактические аспекты.

Сущность «всякого тактического приема заключается в том, что это научная рекомендация, рассчитанная на то, что следователь, исходя из оценки ситуации, из обстоятельств дела, из особенностей психики людей, во взаимодействии с которыми проводится следственное действие, выбирает тактический прием, который является наиболее целесообразным для данного случая». И тем не менее у каждого следственного действия существует определенная совокупность тактических приемов, присущих именно этому следственному действию и применяемых каждый раз при его производстве (как, например, тактический прием свободного рассказа при допросе).

В комплексе тактических приемов, используемых в ходе проверки показаний на месте, целесообразно выделить группу общих тактических приемов по оптимизации процесса производства данного следственного действия. Общий «тактический рисунок» проверки показаний на месте рассматривался в криминалистической литературе, причем некоторыми авторами были составлены схемы оптимального производства данного следственного действия.

Не повторяя, не копируя уже изложенный в литературе механизм проведения и фиксации данного следственного действия, хотелось бы остановиться на некоторых наиболее важных элементах проверки показаний на месте, использование которых необходимо и возможно в ходе ее производства и фиксации хода и результатов.

• Тактические приемы по установлению психологического контакта и получения добровольного согласия лица на участие в проверке показаний на месте.

Механизм производства данного следственного действия чрезвычайно «энергоемок» по своим тактическим, психологическим и техническим характеристикам, и следователю уже на предварительном допросе целесообразно нейтрализовать все негативные факторы процесса воспоминания проверяемого лица на месте проверки показаний на месте. Поэтому установление психологического контакта является обязательным в процессе предварительного допроса лица, показания которого планируется проверить. Вопрос о необходимости получения согласия лица, показания которого планируется проверить, независимо от его процессуального положения является дискуссионным в криминалистической литературе. По нашему мнению, получение согласия субъекта уголовного судопроизводства, показания которого планируется проверить, является необходимым элементом данного следственного действия. Хотелось бы еще отметить, что следователю необходимо получить такое согласие на предварительном допросе.

Процессуальный аспект такого согласия состоит в необходимости внесения данного правила в ст. 194 УПК РФ.

• Тактика порядка движения всех участников проверки показаний на месте в ходе ее производства.

Так как основным, ведущим лицом при производстве данного следственного действия выступает лицо, показания которого проверяются, порядок передвижения строится по следующей схеме: первым идет лицо, показания которого проверяются, за ним понятые (при условии их участия), следователь и затем все остальные участники следственного действия. При передвижении в ходе проверки показаний на месте в транспортном средстве допрошенное лицо должно находиться рядом с водителем, чтобы указывать ему направление движения. В любом случае обязательно должно соблюдаться правило расположения понятых в непосредственной близости от лица, показания которого проверяются, чтобы

слышать и наблюдать все его слова и действия. Кроме того, если проверка показаний на месте проводится с обвиняемым, подозреваемым, следователю необходимо принять меры, исключающие побег такого лица, установление связи с неизвестными правоохранительным органам лицами или попытки уничтожить следы преступления, еще не обнаруженные оперативными работниками.

• Тактический прием свободного рассказа, в настоящее время обладающий статусом процессуального правила (ч. 4 ст. 194 УПК РФ), с которого начинается проверка показаний на месте. Использование такого тактического приема выражается в том, что лицу, показания которого проверяются, предоставляется инициатива и свобода в выборе маршрута передвижения, в направлении движения, в демонстрации различных действий.

Тем не менее организующей и направляющей силой в этом следственном действии, как и в любом ином, выступает следователь, и самостоятельность проверяемого лица ограничена усмотрением следователя. В начале проверки показаний на месте следователю необходимо разъяснить лицу, показания которого проверяются (как, впрочем, и все остальным участникам), цель данного следственного действия и организационный порядок его производства. В дальнейшем, предоставляя проверяемому лицу свободу, именно следователь осуществляет общее руководство процедуры производства следственного действия (определяет начало маршрута, корректирует показания лица, если проверяемое лицо отклоняется в своем рассказе в сторону от преступного события или вдается в излишние детали и подробности и т.д.).

• Правило невмешательства следователя в процесс дачи показаний проверяемым лицом с возможностью задать вопросы только после окончания рассказа лица о произошедшем. В ч. 2 ст. 194 УПК РФ закреплена недопустимость какого-либо постороннего вмешательства и наводящих вопросов в ходе проверки показаний на месте.

Тем не менее следователь может вмешаться в ход свободного рассказа лица, показания которого проверяются, в случае необходимости детализации его показаний. В случае слишком общих показаний о проверяемых обстоятельствах следователь предлагает лицу, чьи показания проверяются, дать более подробные объяснения. Раздельно и последовательно должны быть получены детальные объяснения, связанные с определенным участком местности; с теми или иными действиями; с обстоятельствами, при которых происходили те или иные действия подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

Кроме того, ход свободного рассказа проверяемого лица может прерываться по ряду иных оснований: в случае надобности более детально осмотреть участок местности или объект, фигурирующий в показаниях проверяемого лица (например, в том случае, если данное место ранее не подвергалось осмотру, либо в показаниях прозвучали какие-либо новые данные о свойствах и характеристиках каких-либо предметов и объектов, находящихся на месте преступного события); при необходимости частичного моделирования преступного события; для фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств, обнаруженных в ходе проверки показаний на месте; в том случае, когда возникает нужда в повторении какой-либо части показаний либо в повторной демонстрации каких-либо действий.

Могут быть остановки технического характера, связанные, например, с особенностями использования в ходе данного следственного действия дополнительных средств фиксации его хода и результатов (составление схемы, плана местности).

Следователю необходимо также руководствоваться процессуальным правилом (ч. 2 ст. 194 УПК РФ) и тактическими рекомендациями по оптимальной постановке вопросов проверяемому лицу в ходе проверки показаний на месте. Вопросы не могут быть наводящими, носить подсказывающий или приказной характер.

• Тактико-психологические приемы по определению психологического типа лица, показания которого проверяются для оказания соответствующего воздействия на такое лицо с целью повышения точности и достоверности воспроизводимой им информации.

Наиболее эффективно, по нашему мнению, использовать тактические рекомендации по производству проверки показаний на месте с учетом психологических особенностей личности проверяемого лица, его отношения к проводимому следственному действию. С этой целью можно предложить определенную последовательность действий по работе с проверяемым лицом, придерживаясь которой возможно повысить результативность данного следственного действия.

Во время предварительного допроса следователю необходимо определить экстра-интровертированность проверяемого лица. На следующем этапе выявляется добросовестность этого лица в отношении даваемых им показаний, для чего возможно использование методик определения истинности сообщаемой информации (методики расшифровки невербалистических, мимических элементов, расшифровки сигналов репрезентативных систем и др.), а также психологических способов выявления скрываемых обстоятельств.

В том случае, когда допрашиваемый дает добросовестные показания, дальнейшая работа с ним выстраивается таким образом, чтобы предоставить психологически комфортные условия общения, свойственные для представителей данного психологического типа. Так, для интроверта комфортные условия можно охарактеризовать следующим образом – неспешная, спокойная беседа, в которой допускаются относительно продолжительные паузы, с плавным переходом от одной темы к другой; для

экстраверта – быстрый темп разговора, частая смена тем в течение беседы. При общении с экстравертом следователю следует быть скорее умелым слушателем – в случае если найдена подходящая тема для разговора (например, увлечения, воспитание детей, важные проблемы – то есть тема, на которую допрашиваемое лицо согласно общаться), то экстраверт, скорее всего, будет сам дальше вести разговор, а следователю остается своими вопросами удерживать его в нужном русле. В случае с интровертом следователю наоборот следует играть активную роль в поддержании диалога – своими вопросами удерживать внимание такого лица на теме разговора, по возможности не давать ему замыкаться в себе. Необходимо отметить, что для интроверта более естественным будет вспомнить свои реакции, ощущения, переживания, чем действия и слова других, тогда как экстраверту – наоборот.

Если лицом даются недобросовестные показания, то стиль работы с ним следует строить как при работе с представителями противоположной эгонаправленности. Так, одной из задач следователя в данной ситуации будет вывести проверяемое лицо из психологического равновесия через непривычный для него режим общения, чтоб в дальнейшем получить от него добросовестные показания.

Во время проведения непосредственно проверки показаний на месте работа с лицом строится на тех же принципах, что и во время предварительного допроса.

Кроме того, можно выделить ряд психологических особенностей производства проверки показаний на месте, связанных с наличием в структуре данного следственного действия элементов других следственных действий. Так как в отношении получения вербальной информации в ходе производства проверки показаний на месте данное следственное действие имеет сходство с допросом, тактические и психологические приемы, изложенные применительно к допросу, могут применяться также в ходе рассматриваемого следственного действия.

В процессе свободного рассказа, как было сказано выше, у проверяемого лица обостряются ассоциации, связанные с проверяемым местом и событием, составляющие в совокупности ассоциативный ряд. Но, полагаем, что ассоциативный ряд у представителей экстравертированного типа будет более широким в сравнении с интровертами, как следствие свойственного первым более рассеянного внимания. В результате свободный рассказ экстраверта на месте проверки будет пространным с большим количеством ассоциаций. Представляется, что при работе с лицами экстравертированного типа следователю необходимо усилить контроль над ходом свободного рассказа.

• Тактические приемы по активизации памяти лица, показания которого проверяются.

Активизация памяти лица, показания которого проверяются, является одним из эффективных средств исправления возникающих при формировании показаний восполняемых искажений. Наиболее действенным в данном случае представляется использование ассоциаций, возникающих у проверяемого лица в связи с местом проверки показаний.

Для активизации памяти лица, показания которого проверяются, следователю необходимо выбрать оптимальное место начала производства проверки показаний на месте. Исходя из особенностей возбуждения памяти путем ассоциативного ряда, не следует начинать проверку показаний на месте задолго до самого места происшествия (например, от дверей РОВД или от ближайшего перекрестка), потому как значительное количество времени, в течение которого лицо, показания которого проверяются, будет двигаться к месту происшествия, «забьет» его ассоциативный ряд большим количеством ассоциаций, а чем многообразнее ассоциации и чем резче он меняет их предмет, тем труднее найти смысл в том, что он говорит.

В то же время начинать данное следственное действие непосредственно на месте происшествия также не следует, так как совершенное отсутствие ассоциативного ряда также негативно отразится на его результатах. Оптимальным в этом случае является начинать проверку показаний на месте за 150–200 метров до места происшествия (3–4 минуты спокойного шага), чтобы добиться максимально оптимального количества ассоциаций у лица, показания которого проверяются. Для экстраверта, вследствие свойственного ему более рассеянного внимания, это расстояние должно быть больше, для интроверта, которому свойственно более четкое (сфокусированное) внимание, – меньше.

Также в ходе проверки показаний на месте для возбуждения ассоциаций у лица, чьи показания проверяются, возможно движение не в хронологическом порядке (в последовательности действий, в которой проверяемое событие происходило по показаниям этого лица), а с наиболее запомнившихся моментов, касающихся определенной местности, строений, вещей и т.д.; можно предложить вспомнить о тех препятствиях, которые ему пришлось преодолеть перед событием преступления.

При выборе конкретных приемов активизации памяти следует учитывать профессиональные навыки и увлечения лиц, показания которых проверяются. Так, любители спортивного ориентирования, охотники будут лучше, чем другие, ориентироваться на местности, профессионалы технических специальностей могут обратить внимание на особенности обнаруженных предметов, относящихся к сфере их профессиональных интересов.

• Использование познаний специалистов и применение дополнительных средств фиксации хода и результатов проверки показаний на месте.

Выбор специалиста зависит в каждом конкретном случае от вида преступления и особенностей места преступного события, определяющих вид

специальных знаний, которые могут быть востребованы при проведении и фиксации хода и результатов проверки показаний на месте, а также от вида технических или научно-технических средств, использование которых планируется в ходе следственного действия. Определение необходимого перечня специалистов и приглашение их для участия в производстве проверки показаний на месте возлагается на следователя.

Одним из оснований для приглашения специалиста является использование дополнительных средств фиксации хода и результатов данного следственного действия. Из различных дополнительных средств фиксации наиболее часто в ходе проверки показаний на месте используется видеозапись. Такой подход обусловлен в первую очередь широким спектром возможностей видеосъемки, так как «видеозапись – более точное и эффективное средство фиксации информации, поскольку визуальное изображение сопровождается параллельным каналом аудиоинформации о фиксируемых событиях». И, кроме того, применение видеозаписи в ходе следственного действия по своим техническим характеристикам не составляет значительной сложности, техника и технология использования видеозаписи для фиксации хода и результатов следственного действия, в том числе проверки показаний на месте, достаточно разработана в криминалистической литературе.

Кроме того, по нашему мнению, при производстве проверки показаний на месте следователю не следует ограничиваться только одним дополнительным средством фиксации и пренебрегать иными, предусмотренными УПК РФ. Информационный потенциал проверки показаний на месте обширен и, впоследствии, многоаспектная фиксация хода и результатов данного следственного действия может послужить не только в качестве доказательственного материала, но и выступить как источником проверки существующих у следователя версий происшедшего, так и формирования новых общих и частных гипотез.

Недостаточно, на наш взгляд, ограничиться видеозаписью объяснений лица, показания которого проверяются, например, о расположении отдельных объектов на месте преступного события, следует также в полном объеме использовать возможности таких средств фиксации, как фотографирование и составление планов и схем, причем использование графических методов фиксации может выступать не только средством закрепления информации, полученной в ходе проведения проверки показаний на месте, но и для корректировки показаний проверяемого лица непосредственно в процессе производства данного следственного действия, возможно также использование аудиозаписи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о производстве проверки показаний на месте с несколькими лицами, являющимися свидетелями или участниками одного и того же преступного события. В такой ситуации требуется производство отдельного следственного действия с каждым из данных лиц (ч. 3 ст. 194 УПК РФ). Специфика производства проверки показаний на месте обусловливается сложным характером организации, трудоемкостью производства, особенностями задач и тактики производства. Для участия в каждом таком следственном действии приглашаются разные понятые и, в ряде случаев, возможно приглашение других специалистов или технического персонала (например, замена водителя транспортного средства). Кроме того, после производства проверки показаний на месте с одним из таких лиц, информация, полученная в ходе данного следственного действия, может быть использована в последующих проверках как для сравнительного анализа, так и для постановки вопросов следующим лицам, показания которых проверяются, с целью уточнить детали преступного события и определить достоверность полученной в ходе следственного действия информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедшин Р.Л.* «Криминалистическая характеристика личности преступника» и «воздействие»: содержательная взаимосвязь // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 64–68.
2. *Исследование* памяти / под ред. Н.Н. Корж. М.: Наука, 1990. 216 с.
3. *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Криминалистика. Учебник. М.: Издательский дом «Дашков и К», 2009. 608 с.
4. *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 780 с.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 343

А.С. Князьков

ТАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются проблемные вопросы тактики взаимодействия следователя и эксперта в ходе подготовки и производства судебной экспертизы. Анализируется взаимосвязь принципов взаимодействия субъектов назначения экспертизы и судебных экспертов с понятием специальных знаний. Исследуется возможность использования экспертом правовых знаний в ходе производства экспертизы.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; специальные знания; правовая экспертиза; предмет экспертизы; криминалистические цели назначения и производства судебной экспертизы; взаимодействие следователя и эксперта.*

Взаимодействие следователя и эксперта в ходе назначения и производства экспертизы во многом схоже с взаимодействием следователя и органа дознания в ходе предварительного расследования [1, с. 105–109]. Его необходимость, во-первых, вызывается сложностью задач раскрытия и расследования преступлений, предупреждения преступлений, которые с точки зрения решения правоохранительных задач в равной мере стоят перед следствием и государственными экспертными учреждениями. Однако в этом вопросе нельзя не учитывать наличие таких субъектов экспертной деятельности, которые не относятся к должностным лицам государственных экспертных учреждений. Правовая основа взаимодействия с такими лицами ограничивается уголовно-процессуальным законом – здесь более уместно будет вести речь о взаимодействии со стороны указанных лиц на общесоциальной, нравственной основе.

Во-вторых, такое взаимодействие объективно предопределено специализацией предметной деятельности каждого из указанных субъектов, имеющей значение для расследования уголовного дела.

В специальной литературе называют следующие принципы взаимодействия субъектов назначения экспертизы и судебных экспертов:

- принцип законности;
- принцип оптимального использования возможностей каждого из субъектов в процессе взаимодействия;
- принцип четкого разграничения компетенции и должностных обязанностей каждого из взаимодействующих органов и отдельных лиц [2, с. 232–256].

Каждый из указанных принципов так или иначе получает свое выражение в понятии специальных знаний, которыми оперирует лицо, производящее экспертизу.

Именно с пониманием специальных знаний связан предмет судебной экспертизы; его сложность, определяемая научным характером специальных знаний, является объективной предпосылкой взаимодействия следователя с экспертом, прежде всего в ходе подготовки и назначения судебной экспертизы.

С уголовно-процессуальной точки зрения специальными знаниями применительно к производству судебной экспертизы являются знания, которые находятся за пределами юридических положений, а также общеизвестных обобщений, вытекающих из житейского опыта. Отсюда обосновывается процессуальный запрет на включение в предмет судебной экспертизы тех или иных правовых вопросов, а также нецелесообразность вопросов, ответы на которые очевидны либо они могут быть получены без производства специального (экспертного) исследования. Такое понимание специальных знаний носит «рамочный характер» и не отражает степени дискуссионности, связанной с данной категорией [3, с. 226–232; 4, с. 18–23].

Одним из проблемных положений продолжает оставаться вопрос о возможности использования экспертом юридических знаний при выводе своих заключений: речь идет о так называемых «правовых экспертизах». Как отмечают отдельные авторы, категория «специальные знания» зарождалась и приобрела особый статус в юриспруденции как своеобразное противопоставление (антоним) правовым знаниям [5, с. 108–121].

Устоявшейся в науке точкой зрения, получившей подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., является взгляд на то, что правовые нормы и юриспруденция, то есть правовые знания, не относятся к специальным знаниям в том смысле, в каком это понятие употребляется в процессуальных нормах. Так, например, Ю.И. Горянов, производя классификацию недопустимых для постановки перед экспертом вопросов, выделяет следующие группы:

1. Связанные с уголовно-правовой квалификацией деяния (установление состава преступления, наличие вины и т.п.):

- нарушил ли водитель К. правила дорожного движения?

- имеются ли в представленной на экспертизу финансовой отчетности заведомо ложные сведения?

- каков размер ущерба, нанесенного уклонением от уплаты налогов? и др.

2. Связанные с юридической оценкой представленных на экспертизу объектов (предметов преступления):

- является ли представленная на исследование денежная купюра поддельной?

- является ли представленная на экспертизу продукция контрафактной? и т.п.

3. Связанные с установлением факта выполнения ответственными (должностными) лицами организации (учреждения) требований нормативно-правовых актов:

- на ком из должностных лиц лежала обязанность по соблюдению правил пожарной безопасности при проведении сварочных работ?

- нарушил ли главный бухгалтер законодательство о бухгалтерском учете в части отражения операций по реализации товара? и др.

4. Связанные с гражданско-правовой квалификацией договорных отношений, установлением их фиктивности (трактовка положений договоров, сути сделок и т.п.):

- фиктивна ли сделка по поставке товара?

- соответствуют ли условия договора комиссии экономическому содержанию фактически осуществленных хозяйственных операций?

- каковы для исследуемого лица правовые последствия сделок по передаче прав инвестирования строительства жилья физическим лицам в 2000–2001 гг.? и др. [6, с. 116–117].

В настоящий момент многими известными учеными аргументированно излагается мнение о том, что положение об абсолютном запрете использования правовых знаний при производстве судебных экспертиз является неточным, не соответствующим закону и тенденциям развития юридических знаний [7, с. 13–15]. В пользу указанной точки зрения косвенно свидетельствуют и законодательные новеллы: ныне действующий отечественный Уголовно-процессуальный кодекс отказался от очерчивания круга специальных знаний, используемых экспертом, лишь знаниями в сфере науки, техники, ремесел и искусства, как это имело место в УПК РСФСР.

Заслуживает внимания аргументация тезиса о возможности использования при производстве судебных экспертиз отдельных правовых знаний, поскольку содержанием этих знаний ранее являлись знания, основывающиеся на специальных криминалистических исследованиях, например, огнестрельного и холодного оружия [8, с. 237–241].

В качестве иллюстрации взгляда о возможности использования в процессе производства судебной экспертизы так называемых правовых знаний приводятся примеры, связанные с решением классификационной задачи при производстве судебно-баллистической экспертизы, химической экспертизы наркотического средства, требующих соотнесения представленных на экспертизу объектов с нормативно-установленным описанием огнестрельного оружия и наркотического средства, то есть с легальным определением того или иного объекта.

Чаще всего в обосновании возможности существования в уголовном судопроизводстве правовой экспертизы отдельные авторы ссылаются на те судебные экспертизы, результаты производства которых позволяют решить вопрос о соответствии действий того или иного субъекта обязательным установлениям, содержащимся в подзаконных нормативно-правовых актах. Названные вопросы нередко не могут быть решены без производства автотехнической, пожарно-технической, строительно-технической и других подобных экспертиз. Так, например, при производстве автотехнической экспертизы при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях часто решается вопрос о соответствии действий водителя определенным правилам дорожного движения.

Однако, как верно отмечает Т.В. Аверьянова, в такого рода случаях речь идет об установлении технической, а не правовой стороны исследуемого явления. Данное положение объясняется тем, что сделанный экспертом вывод не предрешает виновность лица в совершении определенного деяния, так как не исследуется вопрос о причинах отклонения водителя от действия, предписанного соответствующим правилом [9, с. 189–190].

Соответственно в постановлении о назначении экспертизы, при производстве которой может возникнуть необходимость в использовании нормативных правовых документов, формулировка вопроса должна исключать правовую оценку экспертом какого-либо обстоятельства.

Так, например, некорректной будет формулировка, имеющая следующую грамматическую (логическую) конструкцию: «Соответствуют ли действия водителя Н. правилам дорожного движения?» Ответ на такой вопрос будет означать юридическую оценку действий водителя, которую, как уже отмечено, может давать только дознаватель, следователь и судья (суд). Правильной будет такая редакция вопроса: «Как должен был действовать водитель транспортного средства в сложившейся ситуации, чтобы избежать столкновения с преградой?» В последнем случае изначально отсутствует посылка к какому-либо выводу правового характера, содержащемуся в заключении эксперта. В этом случае ответ на вопрос правового характера о том, соответствуют ли действия водителя правилам дорожного движения, будет оставаться прерогативой лица, производящего пред-

варительное расследование, а также судьи (суда). В логическом смысле законодательно установленная возможность субъекта, назначившего производство судебной экспертизы, не согласиться с заключением эксперта как раз основывается на том, что суждение последнего не носит правового характера.

Вместе с тем сторонники использования при производстве судебных экспертиз правовых знаний подчеркивают, что таковыми могут быть не все вопросы, а лишь отдельные из них. Допустимыми для разрешения экспертом, на их взгляд, представляются вопросы о том, каким образом должен был вести себя субъект в ситуации, чтобы его поведение соответствовало положениям определенных нормативно-правовых актов (правилам, нормам, стандартам, регламентам, техническим условиям и т.п.). Такие вопросы возникают при проведении экономической, технологической, пожарно-технической, строительно-технической, автотехнической и других родов (видов) судебных экспертиз. Представляется, что более точным будет называть рассматриваемые вопросы не правовыми, а технико-правовыми, исходя из утвердившегося в теории права взгляда на классификацию норм права и выделения в ней технико-юридических норм. Как известно, содержанием таких норм является поведение людей, использующих в своей деятельности закономерности естественных наук и техники.

Как уже отмечено, предмет конкретной экспертизы находит свое отражение в вопросах, формулируемых следователем в постановлении о назначении судебной экспертизы. Полнота и своевременность производства экспертизы в определенной мере зависят от правильности изложения того или иного обстоятельства, интересующего следователя в связи с расследованием уголовного дела, в указанном процессуальном акте. В специальной литературе называются положения, которые следует учитывать при формулировании предмета судебной экспертизы. К их числу относятся следующие:

- вопросы должны быть изложены литературным языком;
- вопросы следует излагать просто и в категорической форме, предполагающей получение ясного и точного ответа, например, «не произведен ли выстрел пули, обнаруженной на месте происшествия, из данного огнестрельного оружия?»;
- используемые при формулировании вопроса специальные термины должны отражать их действительное содержание;
- вопросы необходимо ставить в оптимальной последовательности: от общего к частным;
- объем адресованных эксперту вопросов должен отражать совокупность обстоятельств, связанных с общими и частными следственными версиями;
- вопросы должны быть корректными, направленными на выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания; к числу некорректных вопросов, адресованных эксперту, являются вопросы о «сходстве», об «одинаковости», «однородности» химического состава исследуемых объектов; правильным будет формулировка вопроса в следующей логической конструкции: «Не является ли определенная микрочастица частью конкретного объекта?» [10, с. 418–420].

Помимо вопросов, связанных с решением идентификационных задач, в постановлении необходимо излагать вопросы классификационного, диагностического и ситуационного характера, даже если существует обоснованное предположение об успешном решении идентификационной задачи. На практике чаще всего объем экспертного задания необоснованно уменьшается именно за счет вопросов, связанных с решением диагностических и ситуалогических задач, поскольку идентификационные и классификационные задачи, как правило, получают свое отражение в представляемых на разрешение эксперта вопросах.

Разумеется, формулировка вопросов, адресованных эксперту, должна отвечать этическим требованиям. В частности, в них не должно быть выражений, оскорбляющих честь и достоинство определенных лиц, в том числе родственников погибших.

На стадии подготовки и назначения судебной экспертизы следователь вправе обратиться к эксперту за помощью в определении предмета судебной экспертизы, а также в формулировании вопросов; чаще всего это происходит при необходимости производства сложных исследований [11, с. 93–94]. Вместе с тем прерогатива определения экспертного задания всегда принадлежит следователю. Эксперт не имеет право переформулировать текстуально неграмотные вопросы, изложенные в постановлении о назначении судебной экспертизы. Вместе с тем он в своем заключении должен указать, как он понял те или иные, некорректные на его взгляд, вопросы.

В таких случаях следует обращать внимание на возможное изменение содержания экспертного задания путем изменения смысла сформулированных следователем вопросов, в том числе на уменьшение его объема. При этом эксперт под видом уточнения таким образом предмета судебной экспертизы не вправе подменять одну экспертную задачу другой.

В том случае, когда у эксперта существует опасение указанным способом видоизменить предмет экспертизы, он должен соотнестись со следователем и уточнить содержание (смысл) сформулированного им вопроса в постановлении о назначении судебной экспертизы.

Что касается возможности увеличения экспертом объема задания, то она предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Так, и в ч. 1 ст. 57, и в ч. 2 ст. 204 УПК РФ закреплено правило, в соответствии с которым эксперт, установивший в ходе производства судебной экспертизы имеющие значение для расследования уголовного дела обстоятельства, в отношении которых в постановлении о назначении экспертизы не были поставлены вопросы, вправе

исследовать такие обстоятельства и указать на них в своем заключении.

Таким образом, одной из важнейших предпосылок успешного производства судебной экспертизы является четкое определение предмета конкретного экспертного исследования.

Частным предметом судебной экспертизы, по-другому именуемым как предмет конкретной, проводимой по уголовному делу экспертизы, являются фактические обстоятельства, которые подлежат выяснению на основе специальных знаний по вопросам, поставленным на разрешение эксперта. Фактические обстоятельства как предмет экспертизы определяются через стороны, свойства и отношения объектов экспертизы, которые исследуются (подлежат исследованию) средствами данной экспертизы с целью разрешения вопросов, имеющих значение для уголовного дела. Указанный взгляд на предмет судебной экспертизы является устоявшимся и отвечает соответствующим положениям уголовно-процессуального закона [12, с. 311–317].

Исходя из такого понимания частного предмета судебной экспертизы, можно говорить о криминалистических целях и задачах данного следственного действия. Криминалистические цели назначения и производства судебной экспертизы сводятся к следующим:

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и обнаруженными орудиями преступления;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между обстановкой преступления и личностью преступника;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом подготовки и способом совершения преступления;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения и способом сокрытия преступления;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между действиями соисполнителей, между поведением исполнителя и других соучастников преступления;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и его обстановкой;

- криминалистический анализ причинно-следственных связей между обстановкой преступления и его механизмом. При этом анализ включает в себя поиск проявлений указанных связей, их проверку и оценку.

Криминалистическими задачами назначения и производства судебной экспертизы будут являться следующие:

- получение доказательств;

- получение представления о возможных дополнительных источниках доказательств и иной информации;

- получение данных, позволяющих произвести оценку уже имеющейся в распоряжении следователя информации, в том числе доказательств;

- изучение личности отдельных участников уголовного судопроизводства;

- установление обстоятельств, способствовавших совершению расследуемого преступления.

В отличие от других следственных действий, которые представляют возможность реализации указанных целей в ходе самого следственного действия, при производстве судебной экспертизы определенная часть названных целей может быть реализована в ходе исследовательской части экспертизы при условии присутствия следователя при её производстве. Другая же часть криминалистических целей судебной экспертизы может быть достигнута лишь путем анализа заключения эксперта.

Определение предмета судебной экспертизы через признак «устанавливаемые обстоятельства» подчеркивает мысль о том, что экспертное исследование по своей сущности не является научным: общепринятым является определение предмета научного исследования как совокупности тех или иных закономерностей, существующих в природе и обществе.

В специальной, в том числе учебной, литературе высказываются иные подходы к определению понятия предмета судебной экспертизы. Так, по мнению В.Я. Колдина, предмет судебной экспертизы (или задачи экспертного исследования) характеризует *сущность* подлежащих разрешению посредством экспертизы вопросов [13, с. 413–428]. Таким образом, ставится знак равенства между предметом и задачами экспертного исследования. Представляется, что в этом случае дается понимание лишь родового (видового) предмета судебной экспертизы, безотносительно к какому-либо частному предмету экспертизы, проводимой по отдельному уголовному делу.

Исходя из сказанного, *взаимодействие следователя с должностными лицами экспертного подразделения, а также с лицами, которые обладают специальными знаниями, но не являются экспертами по должности, представляет собой основанную на законах и подзаконных нормативно-правовых актах согласованную деятельность различных самостоятельных в организационном плане участников уголовного судопроизводства по достижению общих для всех задач, а также частных задач каждого из них, которая осуществляется в установленной уголовно-процессуальным законом форме*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дергач Н.С.* Криминалистическое обеспечение взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании квартирных краж // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: материалы конф. В 2-х т. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 105–109.
2. *Шапиро Л.Г.* Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании

преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... д.ю.н. Саратов, 2008. 497 с.
3. *Поташник Д.П.* Тактико-криминалистический аспект использования специальных знаний в правоприменительной практике // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: материалы конф. В 2-х т. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 226–232.
4. *Земцова С.И., Зырянов В.В.* Структура специальных знаний как предмет научной дискуссии // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (45). М.: Спарк, 2013. С. 18–23.
5. *Малевски Г.* Специальные знания – краеугольный постулат концепции криминалистики Ганса Гросса и их современная интерпретация // Криминалистъ первопечатный. 2012. № 5. С. 108–121.
6. *Горянов Ю.И.* Судебные экспертизы в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: дис. … к.ю.н. М., 2006. 208 с.
7. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М.* Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. 384 с.
8. *Подшибякин А.С.* Право как теоретическая основа и источник криминалистических знаний для эксперта при производстве судебных экспертиз // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной науч.-практич. конф., посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова. Барнаул, 21–22 марта 2008 г. / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул, 2008. Вып. 7–8. С. 237–241.
9. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2007. 480 с.
10. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2012. 440 с.
11. *Россинская Е.Р., Бодров Н.Ф.* Использование специальных знаний при выявлении и расследовании коррупционных преступлений в сфере образования // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. материалов 52-х криминалистических чтений. В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2011. Ч. 2. С. 88–94.
12. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997. 464 с.
13. *Колдин В.Я.* Формы и тактика использования специальных знаний при расследовании преступлений // Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 413–428.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963 (470)(076.58)

О.В. Воронин

О ЗНАЧЕНИИ КООРДИНАЦИОННОЙ, ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

Координация деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие прокурора в административно-юрисдикционной деятельности, профилактическая и правотворческая деятельность не являются функциями отечественной прокуратуры, поскольку не в полной мере отражают социальное предназначение прокурорских органов и не занимают значительного места в общем объеме деятельности прокуратуры. Возложение на прокуратуру данных обязанностей обусловлено наличием у нее надзорной функции. Указанные виды деятельности представляют собой либо производные от функции надзора отдельные направления деятельности (координация, участие в административном производстве, профилактика), либо отдельные (специализированные) формы надзорной деятельности прокуратуры (правотворческая деятельность).

Ключевые слова: *прокуратура, функции и направления деятельности прокуратуры, прокурорский надзор, прокурорское административное преследование, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.*

Современная структура и содержание прокурорской деятельности представляют собой систему функций и направлений деятельности прокуратуры. Функции являются основными направлениями реализации возложенных на прокуратуру обязанностей. Это в большей степени теоретическая конструкция, отражающая значительный объем прокурорской деятельности, выражающий сущностную природу прокуратуры, обусловленную национально-историческими традициями и действующими политическими приоритетами в правовом регулировании общественных отношений. По нашему мнению, современная отечественная прокуратура осуществляет четыре функции: прокурорский надзор, уголовное преследование, участие в рассмотрении дел судами и поддержание государственного обвинения. Прокурорский надзор и уголовное преследование являются самостоятельными функциями, первая из них – основная, а вторая – дополнительная. Остальные две функции – участие прокурора в рассмотрении дел судами и поддержание государственного обвинения – должны считаться обусловливаемыми прокурорским надзором или уголовным преследованием производными функциями отечественной прокуратуры. Что же касается иных направлений деятельности отечественной прокуратуры, закрепляемых в ст. 1 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), то едва ли они могут быть признаны функциями исходя из следующих соображений.

Помимо того, что они не отражают сущность современных прокурорских органов и не занимают значительное место в общем объеме прокурорской деятельности, осуществление некоторых из них может быть возложено (или возложено) на иные публичные органы. К числу таких направлений, не являющихся функциями, помимо координации также относится профилактическая и административная деятельность прокуратуры.

В теории прокурорского надзора категория «направления прокурорской деятельности» используется в двух смыслах. Во-первых, как собирательное понятие, определяющее различную прокурорскую деятельность. Во-вторых, как термин, определяющий составную часть качественного однородного вида прокурорской деятельности.

В научной литературе координацию деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью определяют либо в качестве самостоятельной, либо в качестве производной от уголовного преследования или прокурорского надзора функции.

На наш взгляд, координационную деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью можно считать функцией весьма условно. Единственным «положительным» аргументом в этом случае служит характер ее нормативного закрепления: большинство ученых рассматривает данный вид деятельности в качестве функции только из-за того, что она перечислена в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре среди направлений деятельности, традиционно относящихся к функциям прокуратуры. Между тем она не обладает самостоятельным правовым содержанием и лишь в незначительной степени характеризует прокуратуру как орган надзора или уголовного преследования. К тому же она не имеет продолжительной истории функционирования и в сравнении с прокурорским надзором, уголовным преследованием, уча-

стием в суде и поддержанием государственного обвинения носит ограниченный характер. В этой связи она должна быть признана не отдельной функцией, а иным направлением прокурорской деятельности.

По своей природе прокурорская координационная деятельность представляет собой в большей степени разновидность организационной деятельности или же форму особого взаимодействия с иными правоохранительными органами. С учетом характера правового регулирования, ее необходимо считать производным от прокурорского надзора направлением прокурорской деятельности. Такое заключение основывается на том, что все координируемые прокурором органы входят в предмет прокурорского надзора, и данный вид деятельности впервые был предусмотрен Законом СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г., закреплявшим исключительно надзорный тип прокурорской деятельности.

В последнее время встречаются предложения об упразднении координационного направления прокурорской деятельности. Функциональное содержание, а также принципы организации и деятельности органов и учреждений современной прокуратуры едва ли позволяют поддержать подобные взгляды. Возможно, они имели бы смысл в случае кардинального изменения роли прокуратуры, например, при построении прокуратуры сугубо обвинительного или правообеспечительного типов. В настоящий момент, пока отечественная прокуратура представляет собой многофункциональный правоохранительный орган, вряд ли стоит поддерживать подобные взгляды.

Участие прокурора в административной деятельности представляет собой направление, также обусловленное надзорной функцией прокуратуры. Оно охватывает санкционирование проверочной и юрисдикционной деятельности административных и контролирующих органов и реализацию прокурором административного преследования (возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования).

Санкционирование или дача прокурором согласия на применение административных норм включает в себя дачу санкции на применение мер административного воздействия, направленных на существенное ограничение конституционных прав лиц во вне судебном порядке. Действующее законодательство предусматривает получение санкции прокурора: на арест имущества плательщика таможенных платежей в качестве способа обеспечения исполнения решения таможенного органа об их взыскании (ст. 156 ФЗ «О таможенном регулировании»); на арест имущества налогоплательщика-организации в качестве способа обеспечения исполнения решения о взыскании налога, пеней и штрафа по решению налогового или таможенного органа (ст. 77 НК РФ); на административное задержание лиц на срок до 10 суток, совершивших нарушение режима государственной границы, пограничного режима или режима в пунктах пропуска через государственную границу, для установления личности и выяснения обстоятельств правонарушения, если правонарушители не имеют документов, удостоверяющих их личность (ст. 30 Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации»). Кроме того, ФЗ «О защите прав юридических лиц индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» предусматривает получение согласия прокурора или его заместителя на проведение внеплановой выездной проверки административными и контролирующими органами. С учетом значительного числа государственных и муниципальных проверяющих органов, последний вид деятельности образует отдельное самостоятельное направление. При этом ряд авторов относит его к надзору за исполнением законов и законностью правовых актов. Принимая во внимание, что контролирующие органы в системе государственного и муниципального контроля входят в предмет прокурорского надзора в пределах указанной отрасли, такая позиция представляется достаточно обоснованной.

Согласно ст. 25 ФЗ Закона о прокуратуре, ст.ст. 25.11, 28.1, 28.4 и др. КоАП РФ, прокурор имеет право возбуждать административное производство путем вынесения соответствующего постановления. По своей правовой природе данное постановление, согласно ст. 28.4 КоАП РФ, приравнивается к протоколу об административном правонарушении и должно содержать в себе сведения, предусмотренные ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, а именно: дату и место его составления, должность, фамилию и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статью КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающую административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела.

Статья 28.4 КоАП РФ устанавливает, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 5.1, 5.7, 5.21, 5.23–5.25, 5.45, 5.46, 5.48, 5.52, 7.24, 12.35, 12.36, 13.11, 13.14, ч. 1 и 2 ст. 14.25, ст. 15.10, ч. 3 ст. 19.4, ст. 19.9, 20.26 КоАП РФ, возбуждаются прокурором. При осуществлении надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ, прокурор также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена настоящим КоАП РФ или законом субъекта Федерации.

Указанная норма устанавливает две категории дел: а) дела об административных правонарушениях исключительной прокурорской подведомственности, которые могут быть возбуждены не иначе как по инициативе прокурора; б) остальные категории дел, производство по которым прокурор может возбудить, осуществляя надзор за исполнением законов и законностью выносимых актов.

В литературе нет единства, в каких случаях прокурор вправе возбуждать дела об административных правонарушениях. Большинство авторов, основываясь на том, что закон указывает на любое правонарушение, полагают, что прокурор уполномочен осуществлять административное преследование по любому правонарушению, о котором ему стало известно. Другие – по любому правонарушению, о котором ему стало известно в ходе проверочной деятельности [1, с. 630]. Третьи – по любому правонарушению, о котором ему стало известно в ходе надзорной деятельности и при условии охвата деятельности субъекта, подлежащего административной ответственности, предметом прокурорского надзора [2, с. 138–139]. Последняя позиция представляется наиболее оправданной по следующим соображениям.

Во-первых, положение закона «при осуществлении надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ», означает, что при решении вопроса об инициировании административного производства прокурор должен учитывать требования Закона о прокуратуре относительно предмета и пределов надзора за исполнением закона. Иначе говоря, прокурор не может привлекать к административной ответственности субъектов, чья деятельность не охватывается указанным предметом надзора прокуратуры. К примеру, прокурор не может привлекать к административной ответственности отдельных граждан, совершивших административные правонарушения, или же выносить постановления в отношении юридического лица в целом (а не его руководителей).

Во-вторых, ст. 21 Закона о прокуратуре устанавливает, что при осуществлении надзора за исполнением законов прокурор не в праве подменять иные административные и контролирующие органы. В этой связи прокурору не следует возбуждать дела об административных правонарушениях, относящихся к подведомственности конкретных административных органов. В случае обнаружения признаков правонарушения по таким составам ему следует направить материал в компетентный орган и осуществить надзор за надлежащим исполнением им обязанностей, связанных с осуществлением административного производства.

В отличие от прочих, профилактическая деятельность отечественной прокуратуры прямо не регулируется Законом о прокуратуре. «Профилактические» полномочия прокурора закрепляются в иных федеральных законах. Например, в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов». Возложение подобных обязанностей на прокуратуру обусловлено наличием у нее надзорной функции.

Современная прокурорская профилактическая деятельность сконцентрирована на двух основных направлениях – противодействии коррупции и экстремизму. Данные направления охватывают профилактику указанных негативных явлений, не образующих уголовно-правовых составов, со стороны лиц, входящих в предмет прокурорского надзора. Помимо совпадения по предмету, тесная связь профилактической деятельности с надзорной подтверждается схожей организацией, а также средствами и механизмом прокурорского реагирования. В этой связи в литературе данный вид деятельности часто не выделяется отдельно и рассматривается как одно из направлений надзорной деятельности за исполнением законов и законностью правовых актов. Основу подобных взглядов составляет мнение о том, что одной из основных задач прокурорского надзора служит предотвращение негативных явлений со стороны поднадзорных лиц. Не ставя под сомнение цели прокурорской деятельности, позволим не согласиться с указанным мнением. Коррупция и экстремизм представляют собой не только разновидность правонарушений, но также являются более сложным негативным явлением, проявляющимся не только в противоправном, но и ином социально-опасном поведении. В этой связи традиционных правовых средств прокурорского надзора не всегда достаточно, поэтому возникает необходимость в создании новых форм деятельности, направленных на их недопущение и устранение. Указанная профилактика осуществляется многими органам и учреждениями. Однако с учетом продолжительного опыта осуществления надзорной и координационной деятельности, включения деятельности прочих органов, осуществляющих профилактическую деятельность, в предмет прокурорского надзора, прокуратура представляет собой оптимальный орган, способный осуществлять профилактику неуголовных форм проявления коррупции и экстремизма со стороны поднадзорных ей лиц в современных условиях.

Часть 4 Закона о прокуратуре устанавливает, что прокуратура принимает участие в правотворческой деятельности. В этой связи некоторые ученые полагают, что на нее также возложена правотворческая функция, которая, по их мнению, реализуется в большей степени на региональном уровне. При этом в качестве аргумента приводится предоставление прокурорам субъектов права законодательной инициативы на уровне законодательства субъектов РФ. Действительно, опираясь на п. 4 ст. 1 и ст. 9 Закона о прокуратуре, региональное законодательство некоторых субъектов РФ предоставляет такое право прокурорам субъектов РФ, однако, на наш взгляд, в данном случае речь не может идти об устранении

законодательного пробела на региональном уровне, и этот вид должен быть исключен из перечня функций прокуратуры по следующим соображениям.

В силу действия принципов централизации и единства (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ) правовые возможности любых нижестоящих прокуроров, в конечном счете, определяются полномочиями Генерального прокурора РФ. В свою очередь, Генеральный прокурор РФ лишен права законодательной инициативы, поэтому такой возможности должны быть лишены все нижестоящие прокуроры. Предоставление прокурорам такого права на региональном уровне при отсутствии прямых указаний в Законе о прокуратуре закладывает основы для умаления положений п. «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которым вопросы деятельности прокуратуры относятся к исключительному ведению Российской Федерации. По нашему мнению, в этом случае законодательство субъектов РФ, определяя (или даже уточняя) содержание прокурорской деятельности, вторгается в исключительный предмет ведения Федерации, а соответственно, в этой части ничтожно.

Статья 9 Закона о прокуратуре, говоря об участии прокурора в правотворческой деятельности, обусловливает наличие подобной возможности реализацией функции надзора («в ходе осуществления своих полномочий»). В этой связи, представляется, что эту деятельность необходимо рассматривать не как отдельное направление, а как специализированную форму осуществления надзорных полномочий за региональными и местными нормотворческими органами, выделение которой в законе продиктовано спецификой их деятельности.

Подводя итог анализу прочих направлений прокурорской деятельности, можно сделать следующее заключение:

Координация деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие прокурора в административно-юрисдикционной деятельности, профилактическая и правотворческая деятельность не являются функциями отечественной прокуратуры, поскольку не в полной мере отражают социальное предназначение прокурорских органов и не занимают значительного места в общем объеме деятельности прокуратуры.

Возложение на прокуратуру данных обязанностей обусловлено наличием у нее надзорной функции.

Указанные виды деятельности представляют собой либо производные от функции надзора отдельные направления деятельности (координация, участие в административном производстве, профилактика), либо отдельные (специализированные) формы надзорной деятельности прокуратуры (правотворческая деятельность).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Настольная* книга прокурора. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; Юрайт, 2012. 1159 с.
2. *Воронин О.В.* Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, д.ю.н. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: mtv666@yandex.ru

ВОЛЫНЕЦ Кристина Владиславовна – аспирантка кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: lafarm@yandex.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: ninorov@mail.ru

ДИЛЬНА Зоряна Федоровна – аспирантка кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Львовского национального университета им. Ивана Франко. E-mail: zorianka@ukr.net

КАРЕЛИН Дмитрий Владимирович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: karelin@inbox.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: ask011050@yandex.ru

КОШЕЛЕВА М.А. – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета.

МЕЗИНОВ Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: mez_da@mail.ru

МИХАЙЛОВ Александр Александрович – преподаватель Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: maa1505@sibmail.com

МИХЕЕНКОВ Егор Геннадьевич – научный сотрудник учебного отдела ФКОУ ДПО Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний, магистр юриспруденции, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: MEGASV74@mail.ru

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: lawtsu@rambler.ru

ПИЮК Алексей Валерьевич – судья Мегионского городского суда, к.ю.н. E-mail: avaleks2@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: trubn@mail.ru

УТКИН Владимир Александрович – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, д.ю.н. E-mail: utkinva@inbox.ru

ЧАДНОВА Ирина Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, к.ю.н. E-mail: rolandab@yandex.ru

ШЕЙФЕР Семен Абрамович – доктор юридических наук, профессор Самарского государственного университета.

ЯКИМОВИЧ Юрий Константинович – профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, д.ю.н. E-mail: vpodderjke@yandex.ru

ABSTRACTS

CRIMINAL LAW

Valeev Marat T. Tomsk State University (Tomsk, Russia). ACCOUNTING FOR THE CATEGORIZATION OF CRIMES IN THE CONSTRUCTION OF THE SYSTEM OF PUNISHMENT.

Keywords: categorization of crime; system of punishment; typical sanction; criminal penalties.

The paper considers the categorization of crimes, its impact on the criminal law standards that regulate the system of penalties. Some disadvantages of the existing system of punishment, its gaps, elements that do not ensure effective implementation of the purposes of the system are described. Shortcomings of the categorization fixed in the current criminal legislation are given. The author proposes a new approach to the construction of standards in Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Categories of Crime") by making crimes categorization tripartite depending on the type of sanctions applied, and by including all types of criminal penalties fixed in Article 44 of the Criminal Code of the RF, not only imprisonment. In the author's opinion, when categorizing the legislator unreasonably prefers imprisonment as a criterion of division. This preference is due to the long tradition of the law enforcer in sentencing, the availability of imprisonment in most of the sanctions of provisions of the Special Part of the Criminal Code of the RF, the virtually unchanged content of this form of punishment, and other reasons. Meanwhile, the very sign of "blameworthiness" of the crime is not limited to imprisonment.

The proposed system will avoid "distortions" in assessing the gravity of crimes by various types of punishment. It will diverge from a popular, but false, opinion, according to which the basic principles of the system of penalties is the location of punishment in Article 44 of the Criminal Code of the RF from less to more repressive; it will assess the danger of an offense to the public in the Special Part of the Criminal Code of the RF by indicating the category of the crime. It will facilitate solving a number of problems connected with cases of substitution of punishment, criminal law retroactivity application; it will help standardize assessment of the danger of criminal acts and simplify solution of other problems.

The author notes that some types of punishment, other than imprisonment, are partially "attributed" to crime categories in the current legislation in relation to death penalty, life imprisonment, arrest, forced labor, compulsory labor, deprivation of special, military or honorary title, class rank, or State awards, and fines.

Karelin Dmitry V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). ON SELECTED PROBLEMS OF COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE APPLICATION TO MINORS IN CASES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY.

Keywords: criminal responsibility of minors; exemption of minors from criminal responsibility; coercive measures of educational influence; increase of efficiency of measures alternative to criminal responsibility of minors.

According to Paragraph 2 of Article 87 of the Criminal Code of the Russian Federation, "either punishment or coercive measures of educational influence may be applied to juveniles who have committed crimes". However, it has not always been so. It was at the end of 2003 that legislators made coercive measures of educational influence a priority, and it was not random. Back in 2000, the Supreme Court of the Russian Federation in Decree No. 7 of February 14 "On Juvenile Crimes" (inoperative) drew attention of the lower courts to the need of elaborating the choice of retaliation for juvenile offenders with preference to coercive measures of educational influence, other things being equal. There is a similar guideline in the currently effective Decree No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 "On the judicial practice of application of law regulating the specifics of criminal responsibility and punishment of minors". By lawmakers it is these coercive measures of educational influence that should become a real alternative to criminal responsibility and punishment of juveniles. This, in turn, corresponds to the international obligations Russia has undertaken and is an expression of the trend of a consistent humanization of criminal legislation and practice of the treatment of juvenile offenders. Still, the official crime statistics shows that for the past ten years the practice of coercive measures of educational influence has not changed. The share of minors exempted from criminal responsibility in connection with the application of these measures is averagely in the range of 2–5 % of the total number of juvenile offenders in Russia. This state of affairs is hardly satisfactory. Therefore, addressing the problems of application of these measures is urgent.

CRIMINAL PROCEDURE

Andreeva Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russia). SOME ASPECTS OF LIMITATION ON POWER AND AUTHORITY OF THE STATE, STATE AGENCIES AND OFFICIALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS.

Keywords: purpose of criminal procedure; ratio of rights and responsibilities of state, state agencies, officials and individuals in criminal proceedings; balance of private and public interests; limitation of powers; specifics of criminal procedure relations.

The paper discusses the need to limit the powers of the state, state agencies and officials in criminal proceedings. Basing on the model of interrelated and integrated relations of the state with the system of legislation and natural law with the human and legal values, and considering the state not only as a guarantor of natural rights and freedoms of the individual, but also as an institution that has the power of coercion, the author comes to a conclusion that the purpose of the criminal procedure is to protect individuals, society and the state from the effects of a crime committed through the use of criminal law, as well as to protect indi-

viduals and society from illegal and arbitrary actions (or inaction) on the part of state agencies aimed at the use of coercion and restriction of rights and freedoms of person and citizen. As a consequence, the duty of authorized officials to protect individuals, society and the state from the effects of a crime committed through the use of the criminal law does not preclude different responses of the state to the committed socially dangerous acts. Criminal procedure must define the sphere for the state to implement its powers in full when solving tasks; the sphere where the power of the state should be limited; the sphere where the state can not interfere in.

The origin of the need to limit the powers of the state is to be found in the general legal position of the individual in a state, universal human values, which is fundamental for a legal state.

Implementation of state powers to protect individuals, society and the state from the effects of a committed crime should depend on the degree of social danger of the offense; on the guilty plea of an indictee; on the remedial measures taken; on the consent of a victim of crime to settle the conflict without bringing the person to justice. Law defines cases when the state must give the person an opportunity to resolve the conflict that arose as a result of a crime themselves.

Human rights determine the rules which govern the relations between the individual and public officials in the criminal procedure.

In such circumstances, the ability of public officials to apply coercion and restriction of human rights must be strictly regulated by law, and the abuse of the right should be subject to ban.

Addressing the issues of mutual responsibility of the state, state agencies, and individuals, of measures of legal responsibility for both the state and the person for failure to perform and improper performance of duties, the author concludes that the state shall be liable to the person for ineffective legal regulation of criminal procedure relations that lead to violations of the rights and legitimate interests of the person by authorized state agencies and officials, as well as for unlawful (illegal) actions (or inaction) of state agencies and officials, which led to the violation of individual rights in criminal procedures.

Volynets Kristina V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). WAYS TO IMPROVE THE GUARANTEE SCHEME OF IMPLEMENTATION OF THE REASONABLE TIME FOR CRIMINAL PROCEEDINGS PRINCIPLE IN THE COURT OF FIRST INSTANCE.

Keywords: criminal proceedings; reasonable time; guarantees.

Currently, the Russian Federation has a number of rules designed to ensure the implementation of the principle of reasonable time for criminal proceedings. Some of them were made before the principle was fixed in the Russian law: establishment of the period of preliminary investigation, start of the trial, appeal, and simplified procedure (Chapter 40, 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation); regulation of the call out procedure of the parties to criminal proceedings to the investigator, interrogating officer; measures of procedural coercion to ensure their attendance, etc. Experience shows they have not been quite efficient. Other rules appeared simultaneously with the norm that fixes the principle of reasonable time for criminal proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. They consist in establishment of the right of the parties concerned in case of delaying the trial to apply to the Presiding Judge with a statement to accelerate the proceedings, as well as in regulation of damages for the breach of the right to trial within a reasonable time. As practice shows, these guarantees are not sufficient enough. For full implementation of the principle of reasonable time for criminal proceedings in the court of first instance there is a need to create additional safeguards that would eliminate barriers that help delay criminal trials.

When making such guarantees special attention should be paid to the regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of time periods of criminal trials materially, to the reform of the institution of the return of the criminal case to the prosecutor, and to the improvement of standards of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to ensure the attendance of persons summoned to court.

Dilna Zoryana F. Ivan Franko Lviv National University (Lviv, Ukraine). PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE ENFORCEMENT OF COURT DECISIONS BY LAW OF UKRAINE.

Keywords: prosecutor; prosecuting official; procedural status of prosecutor; stage of execution of court decisions; prosecutorial supervision.

In this paper the most pressing issues concerning the procedural status and functions of the prosecutor in the enforcement of court decisions in criminal proceedings in Ukraine are presented for this stage of proceedings has not been sufficiently investigated yet, and the status of the participants of this stage, including the prosecutor, remains undetermined. The Constitution of Ukraine, the Law "On Prosecutor's Office" as well as the orders of the Prosecutor General state the functions and powers of the prosecutor in the actual execution of the sentence. Whereas in the current legislation there is no mentioning of the status and powers of the prosecutor in the enforcement of court decisions as the final stage of proceedings, at which a large number of issues are settled judicially that arise in the execution of the sentence and after it. The prosecutor is only mentioned as a participant in the proceedings at this stage. Accordingly, in practice there are a lot of questions about the function the prosecutor performs when participating in the court hearings, about the point the prosecutor can start executing powers at this stage of proceedings, and whether this participation mandatory.

This predetermined the relevance of the topics that are discussed in this paper, as it highlights the most problematic issues that concern the participation of the prosecutor in criminal proceedings when solving the tasks of execution of court decisions, analyzes current legislation that regulates these issues, and on this basis grounds the proposals on how to improve them.

Mezinov Dmitry A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). "OBJECTIVE TRUTH" IN CRIMINAL TRIAL: ON DISCUSSION OF THE BILL OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation; objective truth; criteria for finding objective truth; credibility; legal (judicial) truth.

In connection with the proposal of the Investigative Committee of the Russian Federation of a bill on introduction of the Institute for establishment of the objective truth in a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation an academic debate arose. The opinions of experts in procedural law are critically analyzed on the need, possibility and criteria of finding the so-called objective truth in the criminal trial, and, as a consequence, on the advisability of introducing the relevant changes into the domestic criminal procedural law, and fixing the concept "objective truth" in it. The paper proves that the desire of the court and prosecution officials to establish the true circumstances of the criminal case if they observe the criminal procedure law limits corresponds to the interests of the society and the state, as well as to the rights and interests of the individual. At the same time, the author does not consider it right to fix in law the phrase "objective truth", justifying the conclusions about the absence of precise criteria to find the objective truth in a criminal trial, about the divergence of the concepts of "objective truth" and "reliable conclusions about the established circumstances of a criminal case". The author finds it appropriate for the domestic criminal procedure to follow the "beyond reasonable doubt" standard in the formation of inner conviction of the judge as a criterion to achieve reliable conclusions about the established circumstances of a criminal case; he considers it possible and necessary to achieve such conclusions in the course of evidence in a criminal case and interprets them as legal (judicial) truth.

Still, the author believes the proposal of the Investigative Committee of the Russian Federation to fix in the criminal procedure law the duty of the court and prosecution officials to take all necessary measures to comprehensive, complete and objective investigation (study) of the circumstances subject to proof as relevant to achieve reliable conclusions about the circumstances of a criminal case is rational and expedient.

Mikhailov Aleksander A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). THE PROSECUTOR'S RIGHT TO MANAGE THE CHARGES IN THE COURT AND ITS LIMITS.

Keywords: criminal trial; court of first instance; prosecutor's refusal to charge; change of charges in court.

The Anglo-Saxon and continental types of criminal proceedings in the course of their historical development developed their own rules relating to the change of charges in the court of first instance. The Anglo-Saxon criminal procedure does not allow full and substantial change of the charges in the court of first instance, as well as changes in charges to deteriorate the situation of the defendant, at the same time it provides for other rules and means to protect the interests of the criminal justice system and the achievement of its objectives to a certain extent. Such rules (means) are divisibility of claims in the accusation, which follows from the doctrine of implied ("inclusive") offenses, alternative charges, the possibility in some cases of prosecution and conviction for the same offense.

In contrast, the continental criminal procedure, whose purpose is to achieve the objective (material) truth, allows broader changes of charges including deteriorating the situation of the defendant, while establishing some rules to ensure the defendant's right to defense.

It is concluded that such features of the continental criminal procedure as purpose – the achievement of the objective (material) truth, and the active role of the court in the trial due to the high degree of publicity in its activities have had a significant influence on the approach to the change of charges in court, according to which the subject of changing charges in the court of first instance in a criminal trial of the continental type is the court only, while the prosecutor merely expresses an opinion, stating the need to make a change in the charges.

The main purpose of the criminal procedure of the Anglo-Saxon type (UK, USA) is the solution of a conflict that exists due to the commission of the crime, and the activity of the court is mainly manifested in governing the process. The court is passive when proving the facts of a criminal case. The public prosecutor is the representative of the state with all the rights to rule the accusation – criminal lawsuit, including the material law of the state to punish the offender. In this case, these rights are discretionary.

In the criminal procedure of the continental type (France, Germany), the main purpose is to achieve the objective (material) truth, the court is responsible for this task in the court of first instance. In this connection, the court is an active subject of proof and must in all cases to consider the accusation, which indicates the high degree of manifestation of publicity in the court activity. The state and society do not provide the prosecutor in the continental criminal trial with the opportunity to dispose of the material law to punish the offender. Thus, the prosecutor has no regulatory powers against accusation.

Piyuk Aleksey V. Megion City Court (Megion, Russia). INSTITUTE OF SPECIAL ORDER OF COURT DECISION MAKING AT THE CONSENT OF THE PERSON WITH THE CHARGES BROUGHT NEEDS IMPROVEMENT.

Keywords: purpose of criminal procedure; principle of publicity; simplified criminal procedure; special order of court decision making, type of criminal proceedings.

Special order of the court decision making at the consent of the person with the charges brought regulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be amended in the way to ensure the implementation of the function of the Russian criminal proceedings. To solve the existing problems the court considering a criminal case in a simplified procedure should be given the right to examine the evidence in order to establish the circumstances listed in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation . Since the purpose of criminal proceedings is to make a grounded, fair judgment, the court must be able to examine the evidence to the extent it needs. With this approach, the provisions of Article 317 of the RF Criminal Procedure Code on the inadmissibility of the appeal of a sentence made in a special order, based on its inconsistency with the real circumstances, should be excluded from the criminal procedure law. With this approach it can be argued that the purposes and principles of the Russian criminal proceedings are the same, typical of the continental criminal procedure.

Trubnikova Tatiana V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). COURT IMPARTIALITY IN RF CRIMINAL PROCEDURE: UNDESERVED NEGLECT.

Keywords: right to fair trial; right to judicial protection; impartiality of court.

This paper argues the importance of the address of the Russian criminal procedure science and lawmakers to the problems of ensuring impartiality of the court. The causes of difficulties in the implementation of this principle in the criminal justice of Russia are analyzed. Among them is underestimation of impartiality of the court by legislators and practitioners, as well as the lack of attention to it by experts in Russian criminal procedure.

The author analyzes the gaps of the Russian legislation, the lack of sufficient information about the need to ensure the impartiality of the court in it; gives data on the history of references to it in the Russian legislation, and the traditional interpretation of the content of impartiality in the Russian legal doctrine. Next, the paper demonstrates the need for a clear definition of the content and the starting point of the impartiality of judges in the Russian criminal procedure, the importance of establishing a system of guarantees of its implementation in criminal justice, which, as the author shows, should be done with the support of the legal philosophy of the European Court of Human Rights. By analyzing the legal position of the ECHR on issues of impartiality, the author argues the independent nature of impartiality of the court, its "irreduceability" to the independence of the court or the adversariality of the criminal trial, and shows the differences in the legal positions of the ECHR on impartiality as compared to the Russian legal doctrine, including provisions, reflected in the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation. The paper also shows the drawbacks of the modern Russian criminal procedure law that does not create sufficient guarantees to implement impartiality of the court, in comparison with the achievements of the arbitration procedure law of Russia that adopted legal positions of the ECHR and on its basis created a promising system of guarantees of impartiality of the arbitration court. The author recommends an analogue of such a system to be used in the criminal procedure legislation of Russia.

Sheifer Semyon A., Kosheleva Marina A. Samara State University (Samara, Russia). SHOULD WE ABANDON ADMISSIBILITY AS A REQUIRED PROPERTY OF EVIDENCE?

Keywords: pre-investigation check; verification tools; other procedural proceedings; admissibility of evidence; procedural form of evidence.

On the basis of analysis of the provisions of the Federal Law of March 4, 2013 and academic papers the emergence is stated of the trend to the actual release of claims for the requirements of admissibility of evidence in the interests of the speed of investigation. This trend is critically assessed, the importance is stressed of the institution of admissibility as a means of preventing crime and ensuring the rights of citizens, the need for its comprehensive strengthening and compliance is expressed.

A legal possibility of using the results of preliminary inquiries as evidence does not largely meet the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation stated in Articles 74 and 75 concerning admissibility of evidence. Without admissibility, these results are unlikely to be considered evidence. Moreover, it is impossible to rank them as statutory types of evidence (Part 2 of Article 74 of the RF Criminal Procedure Code) or other documents, for according to Article 84 of the RF Criminal Procedure Code the latter must be obtained, reclaimed and presented in the order of Article 86 of the RF Criminal Procedure Code, that is, by the proceedings prescribed by law. One cannot consider legitimate attempts by some researchers to classify as other documents any attributable information obtained without investigation, that is, infinitely expanding the amount of this kind of evidence and denying the concept of evidence of necessary clarity.

Changes made in the criminal procedure by the Federal Law of March 4, 2013 have a narrow pragmatic purpose – to extend the tasks of the stage of initiation of criminal cases by means of a sharp increase of the cognitive activity at this level, equating them to the tasks of preliminary investigation and their resolution by simplified procedures that facilitate the activities of investigation bodies. This purpose became particularly obvious in the establishment of an inquiry in a reduced form performed in a radically simplified investigation (Chapter 32^1 of the RF Criminal Procedure Code).

Refusal of admissibility of evidence clearly expressed in the Federal Law of March 4, 2013, as well as in a number of academic papers, despite its preservation in the norms of the RF Criminal Procedure Code speeds up the proceedings, but it can cause significant harm to the domestic proceedings, since it allows to build it on questionable evidence and on the substitution of proven tools of their acquisition by non-procedural analogs. History shows that disregard for the procedural form is capable to generate gross violations of law and of the rights of citizens. Thus, the institute of admissibility of evidence requires a comprehensive strengthening and strict compliance in practice. The negative experience of the application of new legal provisions expected in the future may confirm this assumption.

Yakimovich Yuriy K. Tomsk State University (Tomsk, Russia). ON FURTHER DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA.

Keywords: criminal proceedings; differentiation of criminal procedure.

By criminal procedure one should understand a certain type of criminal procedure activity; an independent institute of criminal procedure law; an institute of criminal procedure legislation, whose norms regulate the criminal procedure activities within an independent multi-stage proceedings.

The differentiation of criminal proceedings implies classifying the criminal procedure not only by the complexity of the procedural form, but also by the aspect of the proceedings expressed in its object and tasks. By this criterion all criminal procedures can be divided into 1) basic – criminal cases proceedings; 2) ancillary – proceedings arising in the process of real sentence execution (not to be confused with the stage of sentence execution); 3) special – proceedings materially based on the norms of administrative (Article 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), civil (a civil suit in a criminal trial), constitutional (Part 2 of Article 29, Article 125 Article 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and other material branches of law (compensation for harm as rehabilitation).

Having classified the proceedings, the criterion of complexity of the procedural form should be applied. Basic proceedings have the following types: regular proceedings with pre-trial activity in the form of preliminary investigation and the court of first instance hearing and solving the case in a regular way; simplified proceedings; and proceedings with more complex procedural forms.

Pre-trial proceedings should imply protocol pre-trial proceedings; police inquiry (faster and simpler that the preliminary investigation); preliminary investigation by officers of one investigation agency.

Differentiation also means differentiation of the bench that hears criminal cases at first instance. In this respect, I believe, a professional judge alone should only consider cases of minor offence providing the consent of both the defendant and the victim.

Cases of heavy and especially grave crimes must be considered collegially, by a professional judge and two lay judges (people's assessors).

It is not proposed to eliminate the jury: with lay judges it will occur naturally, as it already happened in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries.

CRIMINAL AND PENAL LAW

Mikheenkov Yegor G. Tomsk Institute of Professional Development of Employees of Federal Penitentiary Service (Tomsk, Russia). FEATURES OF PENAL SYSTEM REFORM IN TOMSK PROVINCE IN LATE 19 – EARLY 20 CENTURIES.

Keywords: penal system; prisoners; penitentiary policy of the Russian Empire; Tomsk province.

The challenges the penal system of Russia faces today are similar to the problems of the earlier periods of its history. Therefore, the study of experience of the penitentiary system reform in the country as a whole and its separate regions is significant both for legislation and law enforcement.

This study allows us to conclude that the development of the penal system of Tomsk province before the revolution took place in the context of the transformation of the Chief Prison Administration. However, over the long period of the penitentiary system reform the government changed several times .

This limited the continuity of policies, and the lack of necessary funds significantly braked the implementation of the programs. It is hardly necessary to agree with the opinion of some researchers estimating the period of 1879-1917 in the reform of the penal system as a failure (I.V. Uporov). At least, it does not apply to the penal system of Tomsk province.

First, the establishment on its territory of new penitentiary facilities led to improved conditions for prisoners serving sentences, as well as to less numerous "prison population". Second, changes in types of prisons resulted in the differentiation of the conditions of serving sentences, which was fixed in the main legal acts of the period under consideration. Third, the positive results of the implementation of prison reforms in the province were a gradual change of the prison performing purely punitive functions to having a comprehensive educational and labor influence on the prisoner, combined with religious education and training. Fourth, the establishment of a new type of correctional institutions in Tomsk province – a colony for minors – was the merit of both provicial NGOs and the penitentiary system administration, which gave prerequisites for the spiritual and moral improvement of juvenile prisoners.

Finally, public involvement in the work of prisons was in many ways ahead of the processes of humanization of serving sentences in the European part of the country.

Olkhovik Nicolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). ORGANIZATION OF PENAL INSPECTORATE ACTIVITIES.

Keywords: criminal law enforcement; alternatives to imprisonment; sentences without isolation from society; non-penitentiary regime; resocialization of convicts; socialization.

Some scientists and practitioners connect reforms of penal inspectorates with the creation of the probation service in Russia, which would serve both pre-trial (giving the court necessary information about the defendant and assisting the court in making the optimal decision on the case) and post-trial functions (execution of sentences and other measures that do not involve restraint, control over prisoners, support and assistance to convicts serving sentences related and not related to deprivation of liberty, as well as to their families, support and assistance to victims of crimes). However, there is no unanimous opinion about the legal status of the service at present. Some researchers propose to create this service on the basis of the already existing penal inspectorates of the Federal Penitentiary Service, others consider it expedient to establish the Federal Probation Service in the Ministry of Justice of the Russian Federation. The author comes to a conclusion that the core of the reform of penitentiary inspectorates at present must be not only organizational, but also the functional aspect of their activity. The solution to this problem may be implemented in phases and accompanied by appropriate organizational changes in the structure of penal inspectorates. First of all, there is a need to increase the number of full-time penal inspectorate staff. The author proposes a method of calculating the regular number of inspectors and senior inspectors of penal inspectorates, as well as changes in the regulatory legal acts concerning the interaction with the internal affairs bodies of the Federal Migration Service, and the public.

Utkin Vladimir A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). TRENDS OF ALTERNATIVE SANCTION APPLICATION IN RUSSIA.

Keywords: concept of correctional system development; penitentiary system; places for isolating from society; system of criminal penalties; alternative sanctions; alternatives to isolating from society.

In modern Russian system of punishment provided by the criminal law the most essential drawbacks are the following: insufficient development and account of social-criminological bases of the penal system in the whole, disregard of the typical features of separate categories in it; "excess" of some criminal sentences (for example, for independent types of imprisonment, two types of penalties limiting the labor rights of citizens, death penalty fixed by law and dormant for over a decade); flouting of a series of fundamental international acts (introduction of forced labor into the Criminal Code); discrepancy between the legal and real repressivity (severity) of some kinds of punishment (fine, especially at a new large rate, compulsory community service); unjustified competition between penalties and other similar measures of criminal-legal nature (restraint in the 2010 edition, sustained sentence); insufficiently distinct or incomplete definition of content and grounds for imposing some penalties (restraint, disqualification to hold certain positions or to practice certain professions); lack of the required steps in the system of criminal penalties,

including an intermediate punishment between freedom and constraint; discrepancy between the ideal (fixed by law) and real (applied in practice) logic of sentencing and use of other criminal-legal sanctions; violation of crucial criminal law principles when defining the content and order of sentence exercising (restraint in the 2010 edition, disqualification to hold certain positions or to practice certain professions, fine imposed on a minor); insufficient grounds, controversy and inconsistency of many new laws of the recent years.

The drawbacks of the system of punishment fixed by law and its use escalate due to the imperfection of the organizational legal mechanism of their implementation. It finds expression in discrepancy between the law (the Criminal Correctional Code of the Russian Federation) and subordinate legislation of the Ministry of Justice that regulate the execution of most of the alternative measures; in excessive subordinate legislation (the Ministry of Justice instructions repeat the provisions of the Criminal Correctional Code, several instructions on similar objects of legal control); in the lack of required unification (in the law and subordinate legislation); in the falling of the Criminal Correctional Code behind the sector-wide legislation (for example, the 2003 Federal Law on local government that changed the structure of governmental bodies); in neglecting in laws and subordinate legislation of the change of the organizational structure in the correctional system (transformation of correctional inspectorates into branches); in the typically bureaucratic constant urge to non-stop reformation, which results in insecurity of correctional inspectorates' employees, instability of the staff, loss of important reference points.

The need is vital to move from spontaneous outer improvement of the system of punishment to its deep modernization in the Criminal Code with the account of current political, social and economic conditions, changing criminological environment on the basis of the principle of required sufficiency. The first aspect means the system of punishment should have no gaps or discrepancy preventing the full-scale imposition of criminal sanctions. That is why the number of penalties should not exceed the need of criminal policy and features of certain categories of guilty persons. The second aspect means there should be no sanctions repeating one another, thus devaluing and preventing their full-scale imposition.

CRIMINALISTICS

Knyazkov Aleksey S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). TOPICAL ISSUES OF IDENTIFICATION PARADE.

Keywords: line-up; essence of identification parade; forensic identification by mental image; forensic purpose and tasks of identification parade; identification "by the overall image"; tactical and forensic combination; tactical and forensic operation.

It must be noted that the existing definitions of identification parade reflect mostly the outer actions of the investigator and the purpose, while at the same time, the ability of identification by a mental image that defines the essence of the investigative action is not mentioned. There is a need to clarify the concept of identification, which is the provision by the investigator of the identifying person with an object presumably seen in the circumstances relevant to the criminal case, and the identifying person indicates the presence or absence of the object of interest among the given ones.

Forensic task of identification parade is to analyze the numerous causal and other relations between the elements of criminological characteristics of a particular type (group) of crimes. This content of the forensic purpose of identification is possible for the perception of an object in a situation related to the disclosure and investigation of a crime always occurs in the particular circumstances of place and action. Their finding, in view of the relationship of elements of forensic characteristics of the crime, allows to get relevant information on a larger or smaller number of these elements and coordinate it with the information obtained in the course of other investigation actions.

In criminal cases when the victims of violence are minors in order to protect them from intense emotions associated with reperception of the accused, it is expedient to identify them by a photograph. Given the particular importance of ethical positions that have found legal reflection, we offer to fix in Part 5 of Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation a rule stating that when the identification by the minor victim and witness may cause strong emotional stress, it can be done by a photograph and, if possible, by bringing in the accused person.

It seems necessary at the preliminary examination of the identifying person to make a composition portrait; coincidence of its features with features of the person identified "by the overall image" must become evidence.

Chadnova Irina V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). TACTICAL PLAN OF ON-SITE VERIFICATION OF TESTIMONY.

Keywords: criminal procedure; criminology; investigation; tactics; on-site verification of testimony.

It is appropriate to allocate a number of common tactics to optimize the proceeding process of the investigation in the complex of tactics used during the on-site verification of testimony.

Without repeating the mechanism for carrying out and fixing the investigative action already stated in the literature, I would like to highlight some of the most important elements of the on-site verification of testimony, the use of which is necessary and possible in the course of its proceeding and recording of its progress and results:

Tactics to establish psychological contact and obtain the voluntary consent of the person to participate in the on-site verification of testimony. The procedural aspect of this consent is in the need to fix the rule in Article 194 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Tactics of the order of movement of all participants of the on-site verification of testimony in the course of its proceeding.

Tactics of a free story, which now has the status of a procedural rule (Part 4 of Article 194 of the RF Criminal Procedure Code) and starts the on-site vrification of testimony.

The rule of non-interference of the investigator in the giving of testimony by the person verified with the ability to ask questions only after the person ends the story about what happened. Part 2 of Article 194 of the RF Criminal Procedure Code fixes inadmissibility of any foreign intervention and leading questions during the on-site verification of testimony.

Tactical and psychological techniques to determine the psychological type of the person whose testimony is verified to provide an appropriate influence on the person for better accuracy and reliability of the information they provide.

Tactics to enhance the memory of the person whose testimony is verified. It is one of the most effective means of correction of distortions that appear when testifying. The most efficient in this case is the use of associations the person verified has in connection with the place of testimony verification.

Using the knowledge of experts and additional means of fixation of the process and results of the on-site verification of testimony. The choice of the expert depends in each case on the type of crime and the criminal event space features that define the kind of expertise that can be claimed in conducting and recording the progress and results of the on-site verification of testimony, as well as the type of technical or scientific and technological means that are planned to be used during the investigative procedure.

FORENSIC SCIENCE

Knyazkov Aleksey S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). TACTICAL PRINCIPLES OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND THE EXPERT IN FORENSIC EXAMINATION PREPARATION AND EXECUTION.

Keywords: forensic examination; expertise; legal examination; object of examination; forensic purpose of commissioning and executing expert evidence; interaction of investigator and expert.

The interaction of the investigator and the expert in the use and production of expert examination is in many respects similar to the interaction of the investigator and the body of inquiry during the preliminary investigation, which is carried out on the basis of the principles of the rule of law, optimal use of the capabilities of each of the entities in the process of interaction, and a clear distribution of powers and responsibilities of each of the interacting bodies and individuals.

Each of these principles is somehow reflected in the notion of expertise, which the person conducting the examination operates. A look at expertise as knowledge outside legal provisions and well-known generalizations arising from everyday experience, has a "framework nature" and does not reflect the extent of controversy associated with this category, in particular, on the issue of the possible use of legal knowledge by the expert when making conclusions. We should distinguish the ban to answer questions of a legal nature formulated by the investigator and the use by the expert of provisions of legal acts containing technical and legal standards. The correct opinion is that the use by the expert of these rules is aimed at establishing the technical, not legal, part of the phenomenon under investigation.

In this regard, it is essential to have requirements for the formulation of questions by the investigator and to use the expert's assistance. In particular, questions should be presented in a simple and categorical form that supposes getting a clear and precise answer; technical terms used in the formulation of questions should reflect their real content; questions should be asked in the optimal order: from the general to the particular; the number of questions addressed to the expert should reflect the totality of circumstances associated with the shared and private investigative versions;questions should be correct, aimed at clarifying the circumstances forming the fact in question.

Considering the interaction of the investigator with the officials of the expert division, as well as with individuals who have special knowledge, but do not have the position of experts, it should be said that this interaction is based on the laws and subordinate legislation. It is a coordinated activity of various independent (in terms of organization) participants of criminal proceedings to solve common tasks, as well as specific tasks of each of them, which is carried out in the form fixed by the law of criminal procedure.

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). ON SIGNIFICANCE OF COORDINATIVE, PREVENTIVE AND ADMINISTRATIVE-JURISDICTIONAL ACTIVITY OF THE PROSECUTOR.

Keywords: prosecution service; functions and directions of prosecution service activities; prosecutor supervision; administrative prosecution; coordination of anti-crime activities of law-enforcement agencies.

The modern structure and content of the prosecutor's activity are a system of functions and directions of the prosecution service activities. Functions are the basic directions of performing the duties the prosecution service has. It is mostly a theoretical construct reflecting the large number of prosecutor's activities that expresses the essence of the prosecution service determined by the national and historical traditions and the current political priorities in public relations regulation.

In our opinion, contemporary domestic prosecution service performs four functions: prosecutor supervision; criminal action; participation in case hearings; and public prosecution support.

The first two functions are independent, the first is basic, the second – secondary. The other two – participation in case hearings and public prosecution support – must be considered as derivative functions of the domestic prosecutor's office determined by the prosecutor supervision or criminal action.

The other directions of activity of the domestic prosecution service fixed in Article 1 of the RF Law "On the Prosecution Service of the Russian Federation" can hardly be recognized as functions due to the following reasons.

They do not reflect the essence of modern prosecution agencies, are insignificant in the scope of prosecutor's activities, and other public bodies can (or cannot) be assigned to perform some of these directions. Among the directions that are not functions are prosecution service activities of coordination, prevention and administration.

Coordination of anti-crime actions of other law-enforcement agencies, prosecutor's participation in administrative-jurisdictional activity, preventive and law-making activities are not functions of the domestic prosecution service for they do not fully reflect the social purpose of prosecution agencies and are insignificant in the scope of prosecution service activities. These duties of the prosecution service are caused by the supervisory function it has. The indicated types of activity are either separate directions of activity that derive from the supervisory function (coordination, participation in administrative proceedings, prevention), or separate (specialized) forms of the supervisory activity of the prosecution service (law-making).

ОТ РЕДАКЦИИ

Научно-практический журнал «Уголовная юстиция» представляет собой самостоятельное периодическое издание высшей школы России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54545 от 21.06.2013), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2308-8451).

Периодичность выхода журнала: 2 номера в год. Издание распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала http://vestnik.tsu.ru/crimjust .

Направление статьи в редакцию, включая отправление на сайт и электронную почту, автоматически означает принятие и согласие автора с нижеследующими правилами и условиями:

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция издания не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. Редакция вправе отказать в публикации статьи, если выяснится, что ее публикация нарушает чьи-либо права или же общепринятые нормы научной этики. О факте отказа в публикации статьи по данному основанию редакция сообщает автору, который представил статью, и организации, где работа выполнялась.

Неимущественные авторские права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения) на статьи и материалы, опубликованные в журнале «Уголовная юстиция», полностью принадлежат их авторам.

Имущественные права (исключительное право) на данное печатное издание в целом принадлежат ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». Издатель (ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет») имеет право безвозмездно (не уплачивая авторам вознаграждения) использовать статьи и материалы, опубликованные в журнале «Уголовная юстиция», на условиях простой (неисключительной) лицензии, т.е. авторы вправе публиковать свои статьи и материалы и в других изданиях, если иное не оговорено в письменном договоре, заключенном между автором и издателем. При этом ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» имеет право совершать любые действия, направленные на доведение статей и материалов, опубликованных в журнале «Уголовная юстиция», до всеобщего сведения, в том числе осуществлять их воспроизведение, распространение как в составе составного произведения (журнала «Уголовная юстиция»), так и отдельно, размещение их в сети Интернет, включение в электронные базы данных, а также безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам.

Пересылка, перепечатка, тиражирование, распространение, публикация материалов журнала «Уголовная юстиция» в электронной, «бумажной» или иной форме лицами, не являющимися их авторами, а также любыми организациями допускается только с разрешения издателя журнала и/или на основании заключенного им договора.

Защита имущественных и неимущественных авторских прав на материалы журнала производится в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и соответствующими положениями международного права.

Все статьи, поступающие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. За поступающие в редакцию статьи гонорар не выплачивается, если иное не установлено договором. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает свое согласие на ее размещение в информационно-справочных и информационно-правовых системах, в сети Интернет, а также передает право копирайта на данную статью.

Издатель журнала «Уголовная юстиция» доводит до сведения авторов, что в соответствии с положениями подпункта 1) части 2 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. (в редакции от 28.07.2012 г.) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», данный Федеральный закон не распространяется на отношения в сфере оборота информационной продукции, содержащей научную, научно-техническую, статистическую информацию.

В связи с тем, что журнал «Уголовная юстиция» представляет собой издание, специализирующееся на распространении научной, научно-практической и статистической информации, его классификация издателем не произведена, знак информационной продукции данному изданию не присвоен.

С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала.

Адрес редакции: 634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция».

E-mail: crim.just@mail.ru

Сайт: http://vestnik.tsu.ru/crimjust

Телефон/факс: 8(3822) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – **Олег Викторович Воронин**.